Джозеф Кэмпбелл
Богини. Тайны женской божественной сущности

GODDESSES
MYSTERIES OF THE FEMININE DIVINE
Joseph Campbell
EDITED BY SAFRON ROSSI, PhD

Предисловие редактора

Вечная женственность
Тянет нас к ней.
Гёте. Фауст [1]

Слова Гёте из «Фауста», словно золотая нить, пронизывают всю книгу, которую вы сейчас взяли в руки. Между 1972 и 1986 гг. Кэмпбелл провел около двадцати лекций и семинаров, посвященных богиням, где он размышлял об их образах, об их назначении, о символах и темах вечной женственности, следуя по пути их трансформаций – подобно Тесею, следовавшему за путеводной нитью Ариадны, – в лабиринте культур и времен. Кэмпбелл в своей книге прослеживает расцвет одной Великой Богини до множества других богинь, воплощающих божественную женственность. От исследований эпохи неолита в Древней Европе, проведенных Марией Гимбутас, он ведет нас к шумерской и древнеегипетской мифологии через гомеровский эпос «Одиссея», древнегреческий элевсинский мистический культ, средневековые легенды о короле Артуре к неоплатоническому Ренессансу.

Работая с этим материалом, я снова столкнулся с тем, что Кэмпбелл затрагивает здесь целый ряд своих излюбленных тем, подробно освещенных им в других работах. Одна из них – это трансформация и сохранение архетипических символических сил божественной женственности, вступающих в противоборство с патриархальными и монотеистическими религиозными традициями, которые на протяжении последних двух тысяч лет стремились ее уничтожить. Мне посчастливилось получить доступ к его лекциям, где он рассказывает о том, каким образом ему удалось постичь суть великих богинь. В этих лекциях проводится исследование символических, мифологических и архетипических тем божественной женственности самой по себе. Для Кэмпбелла самое главное в этом – *инициация* в тайны имманентности во времени, в пространстве и в вечности, *трансформация* жизни и смерти и *энергетическое сознание*, наполняющие смыслом и жизнью все вокруг.

Лекции о богинях, вошедшие в эту книгу, основаны на работах Кэмпбелла, опубликованных в «*Историческом атласе мировой мифологии*». В этом многотомном издании (первый том вышел в свет в 1974 г.) опубликованы работы Кэмпбелла, где он ставит перед собой задачу сплести из разноцветных этнических и культурных нитей мифов и сакральных традиций ковер, на котором изображено взаимодействие универсальных и архетипических источников духовности в их конкретных культурных проявлениях. В своих исследованиях он использовал выдающиеся труды Марии Гимбутас о неолитическом мире Древней Европы (7500–3500 гг. до н. э.). Ее работы еще больше убедили Кэмпбелла в том, что он был на верном пути, предполагая, что именно Великая Богиня являлась центральным божеством ранних мифологических представлений о мире. Богини палеолита были самым важным предметом исследования ученого с самого начала его публикаций в *«Историческом атласе»*. Кэмпбелл помещает исследования Гимбутас в контекст развития и проявлений мифологического сознания. Он устанавливает связь глубоких мыслей и фундаментальных исследований Гимбутас с более глобальной историей развития человеческого воображения, которая все еще продолжается.

Исследования мифологии, связанной с богинями, продолжали плодотворно развиваться с тех пор, как Кэмпбелл впервые стал выступать с лекциями на эту тему тридцать лет назад. Мне хочется надеяться, что эта книга разубедит тех, кто раньше считал, что ученого интересовали лишь мифы о героях-мужчинах, что его не вдохновляли или не интересовали богини, связанная с ними мифология или проблемы и чаяния тех женщин, которые стремятся

---

[1] В переводе Бориса Пастернака. – Здесь и далее внизу страницы приводятся примечания переводчика.

познать самих себя с помощью подобных историй. Споры, которые разворачивались в середине XX в., содержат в себе элементы, получившие дальнейшее развитие в отношении нашего восприятия самих себя как отдельных личностей или как сообщества людей. Из этих лекций становится понятно, насколько уникальны женские образы в мифологии и какое значение это могло иметь для женщин. Более того, Кэмпбелл осознавал важность роли женской духовности, значимость ее творческого потенциала для воплощения женского жизненного опыта в мифологических и творческих образах. Он воспринимал это как некий дар и как проблему современности, отдавая должное женщинам, стремящимся к познанию и ищущим свой собственный путь в жизни.

При составлении этой книги я руководствовался хронологией лекций Кэмпбелла, приводя иллюстрации, многие из которых можно найти в других его неопубликованных работах. Это убеждает нас, как тесно переплетены образы богинь и связанных с ними мифов со всеми остальными работами автора. Метод, использованный при объединении этого материала в единое целое, отсылает нас к исследованиям, которые цитировал Кэмпбелл, в том числе к трудам Джейн Эллен Харрисон, Марии Гимбутас и Карла Кереньи. Я использовал два вида подписей к иллюстрациям – как ссылки на труды исследователей, упомянутые Кэмпбеллом в своих лекциях, так и те, где продолжаются исследования мифологического, религиозного и культурологического материала десятилетия спустя после кончины Кэмпбелла. Таким образом, мы словно продолжаем начатое им в 1980-е гг. обсуждение этой темы, интегрируя проблему божественной женственности в более глобальные – и, как теперь стало известно, более молодые – мифологические системы.

Эта книга отдает дань уважения наследию Джозефа Кэмпбелла и Марии Гимбутас, которое продолжает вдохновлять нас и ставит перед нами новые непростые вопросы. Она не могла бы выйти в свет без Роберта Уолтера, президента Фонда Джозефа Кэмпбелла, вдохновившего меня на этот проект точно так же, как Кэмпбелла вдохновила работа Генриха Циммера, опубликованная уже после его смерти, – и я от души благодарен за это. И я хотел бы посвятить эту книгу многоликому женскому божественному началу, которое осеняет нас своей благодатью.

Сафрон Росси
Санта-Барбара, Калифорния, 24 мая 2013 г.

О собрании сочинений Джозефа Кэмпбелла

К тому моменту, как Джозеф Кэмпбелл ушел из жизни в 1987 г., было издано уже много его работ, посвященных главному делу всей его жизни – множеству универсальных мифов и символов, которые он называл «Общей историей всего человечества». Но многие его работы остались неопубликованными: статьи, не вошедшие в печатные издания, заметки, письма и дневники, а также аудио- и видеозаписи его лекций.

Фонд Джозефа Кэмпбелла, основанный в 1990 г., целью которого стало сохранить и популяризировать работы Кэмпбелла, создал цифровой архив его трудов и записей, чтобы на его основе опубликовать *Полное собрание сочинений Джозефа Кэмпбэлла.*

Полное собрание сочинений Джозефа Кэмпбелла

Роберт Валтер, главный редактор
Дэвид Кадлер, исполнительный редактор

Рис. 1. Фетида и Пелей (краснофигурный классический килик,[2] Греция, V в. до н. э.)

Введение
О Великой Богине[3]

Многие трудности современных женщин объясняются тем, что они вторгаются в сферу жизни, раньше отводившуюся мужчинам, для которых не существует женских мифологических моделей. В результате женщине приходится соревноваться с мужчиной, что заставляет ее отказаться от своей женской сущности. У женщин собственная правда, традиционно (на протяжении примерно четырех миллионов лет) ее взаимоотношения с мужчиной переживались и выглядели не как соперничество, а как сотрудничество, направленное на продолжение и сохранение жизни. Ее биологическая роль заключалась в рождении и воспитании детей. А роль мужчины состояла в том, чтобы помогать и защищать. Обе роли и биологически, и психологически архетипичны. Но то, что произошло в наши дни – после того, как мужчины изобрели пылесос, – освободило женщин, до некоторой степени, от их традиционной обязанности ведения хозяйства. И они переместились в поля и джунгли индивидуального самовыражения, где господствует стремление к успеху и самореализации. Более того, строя карьеру, женщины постепенно изменялись как личности, оставив в прошлом старый архетип, обусловленный их биологической ролью, к которому, тем не менее, все еще стремятся их души. Мрачная мольба леди Макбет накануне совершения ею злодейства: «*Пусть женщина умрет во мне!* »,[4][5] может быть, и не произносится вслух, но ее пронзительный крик болью отзывается в душах множества женщин, проникших в населенные мужчинами джунгли.

Но ведь это бессмысленно. Главное сейчас – и многие, будь то мужчины или женщины, с этим согласятся, принимая эту истину и отзываясь на нее, – пережить личностный расцвет не в качестве биологических архетипов или тех, кто имитирует мужчин. Я повторяю: в нашей мифологии не существует моделей для женского странствия. Как нет соответствующей модели для мужчины, женившегося на женщине с ярко выраженной индивидуальностью. Здесь мы встречаемся друг с другом, и нам нужно действовать сообща, не под воздействием чувств (всегда архетипичных), а *со* чувствуя друг другу, терпеливо помогая друг другу развиваться.

Я где-то прочитал одно древнее китайское проклятье: «Чтоб тебе родиться в интересные времена!». Мы с вами живем в *очень* интересные времена: нет никаких моделей *ни для чего* , что сейчас происходит. Все меняется, даже законы населенных мужчинами джунглей. Этот период свободного падения в будущее каждый должен пережить по-своему. Старые модели уже не работают, а новые еще не возникли. В сущности, мы и создаем то новое, от чего зависит наша жизнь в интересные времена. И в этом заключается весь смысл (с точки зрения мифологии) стоящих перед нами проблем: мы – «предки» для будущих

---

[2] Килик – древнегреческий сосуд для напитков и игры в коттаб, плоской формы на короткой ножке.

[3] [Примечания редактора приводятся в квадратных скобках. Ссылки на труды Кэмпбелла приводятся в сокращенном виде для упрощения чтения; в полном виде их можно найти в разделе «Библиотека Джозефа Кэмпбелла.]

[Впервые опубликовано в *Parabola* 5. November, 1980.]

[4] William Shakespeare, *Macbeth* , I.5, l. 41.

[5] Перевод Бориса Пастернака.

поколений, невольные создатели тех мифов, на которые они будут опираться, тех мифических моделей, которые будут вдохновлять новую жизнь. Потому, в буквальном смысле слова, сейчас наступило время для созидания. Ибо было сказано: «И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут; но молодое вино должно вливать в мехи новые; тогда сбережется и то и другое» (Евангелие от Марка, 2:22). Именно нам суждено изготовить, так сказать, новые мехи для нового пьянящего вина – которое мы уже попробовали на вкус.

Богиня древнего каменного века

В искусстве древнего каменного века, с периода наскальной живописи в Южной Франции и Северной Испании, примерно от 30 000 до 10 000 лет до н. э., женщина изображается обнаженной, о чем свидетельствуют, например, хорошо известные статуэтки «венер». Именно в ее теле заключается магия: оно и вдохновляет мужчину, и является сосудом всей человеческой жизни. Итак, магия женщины – первичная, природная. А вот мужчины изображаются всегда в какой-то роли, выполняющими какую-то функцию, за каким-то занятием. (И даже сегодня наше отношение к женщине зависит от ее красоты, а отношение к мужчине – от того, на что он способен, что он сделал, кем он работает.)

В те времена племена жили охотой и собирательством, женщины добывали коренья, ягоды и ловили мелкую дичь, а мужчины отправлялись на опасную охоту. Еще они защищали своих жен и дочерей от похитителей, потому что они представляли ценность и были желанной добычей. В те времена еще не изобрели лук и стрелы. Охота и стычки с врагами происходили постоянно. А животные достигали невероятных размеров: мохнатые мамонты и носороги, огромные медведи, львы. В этих условиях на протяжении сотен тысяч лет формировались человеческие тела и их функции, а также развилось и сохранилось радикальное разделение между мужским и женским мирами и интересами. На это повлияли не только биологические различия, но и социальное воздействие на людей, формировавшее их в двух принципиально различных направлениях.

Небольшие фигурки женщин постоянно находят в древних домах, где жили семьи, а не в глубоких пещерах с наскальной живописью, где проводились мужские ритуалы. Никто никогда не жил в тех темных, сырых и опасных пещерах. Они были предназначены для проведения обрядов, связанных с мужской магией. Например, превращения мальчиков в сильных мужчин, обучения их охотничьим ритуалам, укрощающим души убитых животных в благодарность за то, что те отдали людям свои жизни, и магического возвращения в утробу матери всего сущего, Земли, тьмы, глубокого и таинственного чрева великой пещеры, для того, чтобы вновь возродиться. Наскальные изображения животных в этих самых ранних храмах в истории человечества (чрева матери-земли, подобно тому, как церкви впоследствии стали телом Матери Церкви) – это зародыши тех стад животных на поверхности земли, верхнего мира равнин, на которых они пасутся. Интересно представить себе, что человеку, затерянному в непроглядной тьме пещер, свет верхнего мира над головой кажется далеким, призрачным воспоминанием. А подлинная реальность – здесь, внизу. Стада пасущихся наверху животных и все, кто там живет, уже не так важны: ведь все они вырастают отсюда и сюда им всем суждено вернуться. В некоторых наиболее важных из этих пещер мы можем увидеть портреты тех, кто руководил подобными церемониями, – шаманов, мудрецов или им подобных. И они изображены облаченными в костюмы, с масками на лицах, выполняющими какие-то определенные действия. Самый яркий пример – так называемый колдун из пещеры Труа-Фрер («Три брата»). Но есть и другие. На них всегда маски полузверей, и эти персонажи совершают какие-то действия, связанные с великой охотой.

Женская и мужская магия: их противоборство и согласие

Существуют доказательства, что между женской и мужской магией, связанных с

историческими периодами охоты и собирательства, временами наступали не просто напряженные отношения, а прямые вспышки физического насилия. В мифах многих древних обществ (у пигмеев Конго, у народа Она на Огненной Земле и т. д.) мы сталкиваемся с утверждением, что поначалу вся магия была сосредоточена у женщин. Тогда мужчины убили их всех, оставив в живых лишь маленьких девочек, которых никогда не учили знаниям их матерей. А мужчины присвоили эти знания. На месте одного из крупных древних поселений эпохи палеолита, на юге Франции (в Лосселе), было найдено множество разломанных статуэток, изображавших женские фигурки, и предполагается, что их, возможно, переломали специально.

В целом там, где бытуют подобные мифы и тайные мужские культы, женщины занимают подчиненное положение, их угнетают специально придуманные для этой цели мифические существа в масках, которые появляются в момент совершения обрядов. Однако в редких и особо торжественных случаях, по сообщению Колина Тернбелла,[6] бывало, что женщины принимали активное участие в мужских ритуалах. И тогда выходит на поверхность тайная истина, что женщинам на самом деле ведомы все мужские секреты, и признаётся, что женщины обладают великим могуществом. Другая система верований вторична, она связана не с природой, а с социальным устройством общества и воспринимается представителями обоего пола как утонченное, социально оправданное притворство.

Богиня первых земледельцев

В истории человечества искусства земледелия и одомашнивания животных возникли достаточно поздно. Это привело к нарушению биологического соотношения сил и переходу власти от мужчин к женщинам. Теперь уже не охота и убийство, а земледелие и ведение хозяйства вышли на первый план. Поскольку магия Земли и магия женщины, в принципе, одно и то же (обе они дают жизнь и питают ее), Богиня стала центром мифологии, а престиж женщин в поселениях значительно возрос. Если когда-нибудь и существовало нечто, напоминающее матриархат (в чем я лично сомневаюсь), то он мог проявляться в некоторых известных центрах земледелия:[7]

1. В Юго-Восточной Азии (Таиланд и прилегающие к нему территории), примерно 10 000 лет до н. э., а возможно и еще раньше.

2. В Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке, также около 10 000 лет до н. э.

3. В Центральной Америке и Перу, 4000–5000 лет спустя.

На вопрос о том, насколько эти области оказывали влияние друг на друга, до сих пор еще не получено определенного ответа. Но в любом случае, в Юго-Восточной Азии, на островах в Тихом океане широко распространены мифы, общие для многих ранних земледельческих культур.

Ямс, таро и саговая пальма – растения, типичные для Юго-Восточной Азии, – выращивают не из семян, а с помощью пересаживания черенков и отводков. В хозяйстве появились свинья, собака и домашняя птица – наши давние знакомые. Эпизоды этого мифа разворачиваются в незапамятные времена, в мифическом Веке Предков, когда не было жестких границ между мужским и женским мирами или мирами людей и животных. Все это происходило в некую далекую фантастическую эпоху, пока в определенный момент не было совершено первое убийство. В некоторых мифах жертву убивает целая группа людей. В других один человек убивает другого. Тело убитого разрубают на куски, которые хоронят, и из них вырастают те растения, которые употребляются в пищу. Мы живем, так сказать, на

---

[6] Colin Turnbull, *The Forest People: A Study of the Pygmies of the Congo* (New York: Anchor Books, 1962).

[7] [Исследование этих центров развития сельскохозяйственной культуры и их мифологий было центральной темой работы Кэмпбелла: *Historical Atlas of World Mythology* ,vol. 2, *The Way of the Seeded Earth* .]

субстанции, образованной из тела Бога, принесенного в жертву. Более того, в момент жертвоприношения, когда в этот мир пришла смерть, возникло жесткое разграничение между полами; так что вместе со смертью появилась и возможность рождения и продолжения жизни.

И вот в конце мифического века пары противоположностей – мужское и женское, смерть и рождение (возможно, также знание о добре и зле, как в библейской версии распространенного мифа) – пришли в этот мир вместе с пищей благодаря совершенному акту мифологического убийства, после чего стали развиваться мир времени и всевозможные различия. А священные ритуалы, поддерживающие существование этого мира, в котором течет время, – суть обычные наблюдения за жертвоприношением в действии во исполнение того самого Мифологического Действия. Безусловно, даже принесение Христа в жертву на кресте, чья «плоть – это, конечно, мясо», а чья «кровь – это, безусловно, питье» (Евангелие от Иоанна, 6:55), может быть истолковано символически, в духовном переосмыслении этой мифологической темы. Крест как астрономический символ Земли (⊕), распятый Христос, Христос на коленях у своей матери в образе Пьеты, жертвенное захоронение в утробу богини Матери-Земли – все эти символы имеют одно и то же значение.

> Итак, раз в месяц Луна умирает, погружаясь в Солнце, для того, чтобы родиться из Земли, чтобы снова возродиться как пища. Таким образом, в ранней мифологии, в центре которой была Богиня, то есть Солнце, оно, как и Земля, – женского рода. Другими словами, мужское Солнце погружается в женскую Луну: созидающее пламя солнца и жизнетворное пламя утробы и менструальная кровь – это одно и то же. Эквивалентом этому будет огонь на жертвеннике.

Ранние образы Великой Богини земледельческих мифологий пришли не из Юго-Восточной Азии, а из Европы и Ближнего Востока. Они относятся к периоду около 7000–5000 лет до н. э., как и маленькая каменная фигурка из деревни Чаталхеюк в Южной Анатолии (в наши дни находится на территории Южной Турции). Это прекрасный пример мифологической роли женщины в этом контексте. Она изображает две парные фигуры, сидящие друг к другу спиной, одна из них обнимает мужчину, а другая держит на руках ребенка. Она является трансформирующей силой. Она принимает в себя семя прошлого и магией своего тела переносит его в будущее. Мужчина же олицетворяет ту силу, которая подвергается подобной трансформации. Мальчик на ее руках продолжает нести эту жизнь в себе – или, как сказали бы в Индии, – свою дхарму, долг и закон, доставшиеся ему от его отца. А его мать – тот сосуд, из которого приходит чудо.

> Чаще всего силу Солнца символизирует лев. Луну символизирует бык, чьи сияющие рога принимают форму полумесяца. И снова в Чаталхеюке мы находим керамическую фигурку сидящей на троне рожающей женщины, которую поддерживают и окружают львы. А в Древнем Риме, шесть тысячелетий спустя, мы находим мраморное изображение другой анатолийской богини, которую теперь зовут Кибела, и она тоже восседает на троне в окружении львов. Еще на одном изображении из Чаталхеюка (на барельефе в стене строения) мы снова видим рожающую Богиню, но на этот раз у нее рождается не человеческий младенец, а бык. Луна умирает в свете Солнца: на быка нападает лев. Луна – это небесный символ жертвоприношения: быка приносят в жертву на Земле в пламени жертвенника, который символизирует Солнце. Точно так же тела мертвых представляют собой жертву утробе Матери-Земле или то, что сгорает на погребальном огне, чтобы вновь возродиться.
>
> В одной из древних индийских Упанишад (примерно 700 г. до н. э.) рассказывается о двух возможных духовных путях для тех, кто после смерти сгорел на погребальном огне: путь дыма и путь огня.[8] Первый возносит их на

[8] Chendogya Upanishad 5.3–10.

Луну, где живут Предки, чтобы человек мог возродиться. Второй путь – на Солнце, в золотую дверь, ведущую в вечность, где больше не действуют законы времени, где наступает освобождение и откуда нет возврата. Таким образом, Великая Богиня, приняв облик Солнца, которое проникает во все живое, насыщая его энергией и светом, даря жизнь и поддерживая ее, также может стать вестником и золотым порталом в мир Совершенной Мудрости для тех, кто (как говорят священные тексты) стремится погрузиться без остатка в пламя ее всепоглощающей любви.

Есть легенда о том, как к Гаутаме Шакьямуни, на тридцатом году своей жизни сидевшем неподвижно под деревом Бодхи в состоянии Просветления, приблизился Повелитель Иллюзий Жизни, чья магия движет нашим миром и чье имя – Кама (Желание), Мара (Смерть: ужас перед смертью) и Дхарма (Долг и Закон). Как Кама он превратился в трех своих обольстительных дочерей, но Гаутама не двинулся с места. В образе Мары он обрушил на Гаутаму всю свою демоническую мощь, но тот продолжал сидеть неподвижно. Тогда в образе Дхармы он потребовал от Сидящего Неподвижно доказать свое право находиться в точке Покоя. И тогда Просветленный просто прикоснулся к земле пальцами правой руки, призывая Великую Богиню подтвердить его право. Под звуки грома, блеск молний и многоголосый рев трубный глас подтвердил это, и слон, на котором восседал Дхарма, в почтении склонился перед Буддой.

Тогда Космический Змей по имени Мукалинда, живший глубоко под корнями дерева Бодхи, выполз на поверхность, чтобы поклониться Будде. И когда страшный гром вызвал леденящий ураган и непроглядный мрак, чтобы защитить неподвижно сидевшего Просветленного, змей семь раз обвился вокруг него, раскрыв свой гигантский капюшон кобры над его головой, и так и застыл на протяжении семи дней, пока небо не прояснилось. Тогда он ослабил свои объятья, превратился в юношу, низко поклонился Исполненному Благодати и вернулся в свою нору.

Ее Золотой век

Первый расцвет правления, силы и славы Богини происходил на заре развития цивилизаций долин Тигра, Евфрата и Нила. Найденные там фигурки (датированные IV–III тысячелетием до н. э.) изображают ее стоящей с ребенком на руках. В мифах она принимает множество образов и обличий, символизирующих ее универсальность как источника трансформаций. Она оберегает, защищает и руководит всем происходящим вокруг.

В Египте она предстает в образе богини Хатор с головой коровы, на фоне горизонта, чье имя обозначает «Дом (*хат*) Гора (*гор*)». Это дикая корова, на ее четырех ногах держатся небеса, а на ее вымени сияют звезды. Другим ее олицетворением является богиня неба Нут, голова и руки которой располагаются у западного горизонта, а ноги – у восточного. Ее супруг – бог Земли Геб, или Кеб.

В районе Тигра и Евфрата эти космические координаты меняются местами: мужское – наверху, в раю, женское – внизу, как сама Земля. В начале времен из пучины самого первого моря возникла космическая гора. Это море звалось так же, как и богиня, – Намму – и было единым целым с горой, которая звалась Ан-Ки, что значило «Рай и Земля». Ан (вверху) напало на Ки (внизу), на бога воздуха Энлиля, и тот разорвал гору на две части, оттеснив Небо, своего отца, далеко ввысь. Известна похожая легенда, которую поведал Гесиод. В ней речь идет об Уране, воплощении рая, которого Кронос, его сын, оторвал от Матери-Земли Геи. У новозеландских маори (сельскохозяйственной культуры Юго-Восточной Азии) повторяется та же история: о том, как небесный отец Ранги так тесно прильнул к Земле, что их божественные дети не могли покинуть материнскую утробу, пока

Тане-махура, лесной бог, не лег на спину своей матери и не оттолкнул ногами своего отца высоко-высоко в небо. В Египте бога оттолкнул не сын, а родитель этой космической пары: не Шу, бог воздуха, спутник Тефнут, львиноголовой богини, которую часто отождествляют с львиноголовым богом Сехметом, воплощавшим яростное разрушительное солнечное пламя, а его супруга Птах, божественная мать темной стороны Луны.

Именно в границах образов подобных женских персонификаций Вселенной протекала жизнь и совершались все события и человечества, и богов на протяжении многих столетий на заре цивилизаций. Фараоны первых династий, которым поклонялись как воплощениям Осириса, «заполняющего собой горизонт», в знак обладания суверенной властью носили пояс, спереди, сзади и по краям украшенный медальонами с изображением богини Хатор, а с пояса свисал хвост лунного быка, ее супруга, порождающего самого себя. Сын Осириса Гор, с головой ястреба, отождествлялся с солнечным диском; он ежедневно проходил по раю вдоль живота богини Нут, на закате входил в ее рот на западе, а на восходе рождался из ее утробы на востоке – так сказать, переживал рождение от непорочного зачатия.

Богини были не только вездесущими – они преображали все вокруг. В древней легенде о смерти и воскрешении Осириса первый фараон был убит, разрублен на куски, брошен в гроб и спущен в реку Нил за то, что его соблазнила Небетхет, жена его брата Сета. Только благодаря преданности жены Осириса, Исиды, его тело нашли и воскресили, чтобы он воцарился в подземном мире как Судья и Повелитель мертвых. Это история долгая и фантастическая, но в двух словах: когда разбитая горем Исида нашла останки своего супруга, она упала на них и зачала бога Гора, ставшего фараоном в мире живых. Трон Осириса в подземном мире Небетхет и Исида посещают и охраняют вместе, а Гор, живущий фараон, это телесное воплощение самой Исиды. Как и Дева Мария, она – Богоматерь, а Спаситель восседает у нее на коленях как на троне. И конечно, фараонов даже изображают сосущими ее грудь.

Упадок Богини

В центре Плодородного Полумесяца и на просторах Малой Азии на Балканах поселения, города и цивилизации Великой Богини подпитывались в основном сельским хозяйством. По соседству от них простирались огромные области – сирийско-арабские пустыни на юге, европейские и западно-азиатские равнины, поросшие травой, – к северу, принадлежавшие суровым кочевым племенам скотоводов. На юге жили семитские овцеводы и козопасы, которые со временем одомашнили верблюдов. На севере – разрозненные индоевропейские племена, вооруженные боевыми топорами, которые в IV тысячелетии до н. э. освоили бронзовое оружие, в III приручили лошадей и изобрели боевые колесницы, во II тысячелетии научились добывать и ковать железо, а к концу I тысячелетия до н. э. захватили Европу и Западную Азию от Ирландского моря до Цейлона. Воинственные кочевые племена не были терпеливыми землепашцами, и их боги-покровители были громовержцами, очень похожими на этих людей. Например, среди богов семитов – Мардук, Ашшур и Яхве, а у индоевропейцев – Зевс, Тор, Юпитер и Индра.

Итак, индоевропейские боги, приходящие вместе с воинственными племенами, были склонны жениться на местных богинях. Именно поэтому у Зевса было столько любовных похождений; для него было нормальным жениться в одной долине на одной богине, а в другой долине – на другой. А после того как культура начинает унифицировать все эти области, у него накапливается милая история любовных интрижек. Вы можете сказать, что это – лишь случайность в истории мифа.

Иная система существовала у семитов. Они устраивали волны набегов из сирийско-арабской пустыни в Ханаан и Месопотамию. Примерно в то же время индоевропейцы вторгались с севера. Можно установить весьма примечательную и странную синхронность этих событий. Если сравнивать мифологические традиции индоевропейцев и

семитов, мы убедимся, что последние более жестоко относились к местным богиням по сравнению с индоевропейцами.

> Одним из самых первых великих семитских царей в Месопотамии был Саргон из Аккада, около 2350 г. до н. э. По легенде, он был незаконнорожденным, мать тайно родила его и положила в камышовую корзину, запечатала ее смолой и пустила вниз по реке. Полтора тысячелетия спустя эта легенда станет образцом для истории о рождении и пришествии Моисея (книга Исхода 2:1–3). «Меня родила река, – говорил Саргон, – и она принесла меня к Акку, крестьянину, поливавшему поля, он взял меня из реки, вырастил как родного сына и научил ухаживать за садом. Пока я был садовником, я был возлюбленным богини Иштар. Потом же я стал править царством».[9]

Хаммурапи из Вавилона (1750 г. до н. э.) был вторым выдающимся семитским царем-воином. Предполагается, что это он упоминается в Книге Бытия (10:8-12) под именем Нимрода, который «начал быть силен на земле». Именно с периода его правления начинается вавилонский культ поклонения Солнцу в облике бога Мардука. Его победа над Тиамат, прежней богиней первого моря, знаменует момент решительной смены отношения четверти мира к всеобщей Богине, от которой люди отвернулись, обратившись к множеству племенных богов, завоевавших свои позиции в результате политических изменений.

Бог Мардук был покровителем Вавилона, города, который возвеличил Хаммурапи. Все другие боги раннего пантеона в суеверном страхе склонялись при приближении великой матери-прародительницы. Но откуда ни возьмись явился юный бог-герой, непостижимый, на которого страшно было взглянуть (у него было четыре глаза и очень много ушей, а из открытого рта извергалось пламя). И он восстал против нее. Обезумевшая Тиамат, крича от ужаса и дрожа с ног до головы, громко молилась, когда тот стал приближаться к ней. Мардук набросил на нее свою охотничью сеть и запустил ей в рот злобный вихрь, попавший ей в живот. Он пронзил ее стрелой, разорвав ей внутренности и сердце, тут ей и пришел конец.

Тогда безжалостным ударом булавы бог размозжил ей череп, а кривой саблей разрубил ее на две части. Одну половину он поднял вверх, и она стала райским небесным сводом, мимо которого не могли течь воды, а другую половину опустил в бездну, – так и была завершена работа по сотворению мира, а каждому богу было определено его собственное место, кому в раю, кому на Земле, а кому – в Бездне. И наконец, Мардук создал людей, чтобы те служили богам.[10]

Как интересно! По представлениям древних, Богиня-Вселенная была жива, она и была самой Землей, горизонтом и раем. А теперь Вселенная больше не представляла собой живой организм. Это было строение, где боги отдыхали в роскоши: не как воплощения энергий, в их способе выражения, а как богатые хозяева, которым кто-то должен был служить. А Человек перестал быть ребенком, который был рожден, чтобы расцвести, в знании о своем вечном предназначении. Он стал просто роботом, запрограммированным на выполнение определенных функций.

> Духовные последствия полной победы мужского над женским становятся очевидны при изучении второго эпоса времен Хаммурапи – легенды о Гильгамеше. Когда его поразил ужас смерти, он решил отправиться на поиски бессмертия. Пережив разные приключения, он узнал о растении, дарующем вечную жизнь, которое растет на дне первого моря. Гильгамеш нырнул и добыл его, но так утомился при этом, что, выбравшись на берег, тут же заснул. Он положил

---

9 См.: Leonard William King, *Chronicles Concerning Early Babylonian Kings* (London, 1907), vol. 2, pp. 87–91.

10 *Enuma elish,* tablets I to VI.57, см. www.sacred-texts.com/ane/enuma.htm.

волшебное растение рядом, не успев его попробовать. Мимо проползала змея и проглотила это растение. Вот почему змеи могут менять свою кожу, как Луна может отбрасывать свою тень, – чтобы вновь родиться, а вот Человеку приходится умирать.

Саргон I был возлюбленным Богини. Но ее убил Мардук в период правления Хаммурапи. В дальнейших хрониках этих рожденных в пустыне воинов она будет проклята.

Господь узнал, что человека, созданного работать в его саду, его жена и змей соблазнили отведать плод знания с дерева, который он хотел сохранить для себя. За это змей был проклят и обречен всю жизнь ползать на брюхе, женщина была обречена рожать в муках, а его непослушный садовник – «в поте лица добывать хлеб свой» на пыльной земле, покрытой колючками и терновником. Далее мы читаем: «И поставил на востоке у сада Эдемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к древу жизни» (Книга Бытия, 3).

Становится понятно (и это можно доказать), что представляют собой эти два дерева. Дерево Бодхи есть древо Просветления и Вечной Жизни, то, под которым сидел Гаутама, под которым жил космический змей Мукалинда. А Богиня (в этой истории ее роль сводится к тому, что она предстает как вестница змея, Ева) свидетельствовала о праве Человека прийти к Знанию о том Свете, который теперь стал для него запретным.

Ее возвращение

Возникает вопрос: отчего же именно иудеи, а не кто-то другой из многочисленных народов, населяющих прекрасную землю, так решительно отвернулись от Богини и ее великого мира? Адама отослали на землю, которая есть прах («Из праха ты вышел, и в прах обратишься», Книга Бытия, 3:19). А богиню соседей из Ханаана называют «мерзостью» (2 Книга Царей, 23:13). Конечно, «нет другого Бога на Земле, кроме Израиля» (2 Книга Царей, 5:15), и этот Бог, естественно, их племенной бог Яхве: «Наш единый Господь!».

Абсолютно иное отношение прослеживается в мифологических системах других воинственных племен, которые в эти жестокие времена вторгались в размеренную и упорядоченную жизнь земледельческих поселений и городов вплоть до I тысячелетия до н. э. Подобно бедуинам пустынь, они также представляли собой народы, живущие в соответствии с патриархальными традициями, поклоняясь богам войны. Но они в конце концов покорились законам природы и там, где ее власть заканчивалась, – законам Судьбы, Мойре, «Фатуму», той Богине, перед которой склонялся и сам Зевс.

Вторгаясь со своими богами на новые территории, индоевропейские племена не сметали с лица земли местных богов и существующие культы, они просто признавали их природными богами и богинями, известными у них самих под другими именами. Индоевропейская традиция оставляла богов в их местных святилищах, на местных богинях они женились и даже давали им имена своих прежних божеств. Таким образом, в значительной степени варварские, воинственные громовержцы из пантеонов захватчиков постепенно укрощались и усваивали домашние привычки земледельческих местных цивилизаций.

В своей работе «Моисей и монотеизм» Фрейд задается вопросом, отчего, в то время как все другие народы Восточного Средиземноморья трактовали свои мифы поэтически, иудеи с еще большим рвением настаивали на конкретной (Фрейд называет ее «религиозной») интерпретации представлений о Боге.[11] Очевидная причина этого, я бы сказал, заключается в том, что и они, и их племенное божество не смогли понять, что водяная бездна (*tehom*), над

---

[11] Sigmund Freud, *Moses and Monotheism* (New York: Alfred A. Knopf, 1939), pp. 111ff.

которой парил Элохим[12] в первых двух стихах первой Книги Бытия,[13] это была не просто вода, а сама богиня первого моря, Тиамат (*ti'amat*). Их неспособность должным образом оценить поэтичность ее присутствия стала началом глобального заблуждения, и в первую очередь неспособности понять самих себя. Именно ее, космологическую жену, нужно было внимательно слушать, особенно когда они швыряли Священной Книгой в своих непослушных детей.

> Интересно, что и в Индии, и в Греции богини вернули себе былую власть и могущество после опустошительных индоевропейских нашествий в обоих регионах (середина II тысячелетия до н. э.). К VIII в. до н. э. в Греции была создана «Одиссея». (Самуэль Батлер предполагал, что ее сочинила женщина.) Там речь идет о Прекраснокудрой Цирцее, которая могла превращать мужчин в свиней, а потом возвращать им прежний облик. Богиня открыла Одиссею не только тайны собственной постели, но и, прежде всего, мир мертвых, а потом и остров Солнца, ее отца. В Индии в то же время появляется Кена-упанишада, где богиня Ума, дочь Снежной Горы, Гималаев, открывает трем индоевропейским богам ведического пантеона (Агни, Ваю и Индре) трансцендентно-имманентную тайну, *Брахман* , которую и они сами воплощали, не догадываясь об этом.
>
> В Греции, в Элизии, древний храм мистерий Деметры и Персефоны превратился в классическое святилище огромной значимости; дельфийский оракул приобрел такую же значимость. А в Индии постепенно поклонение богине Кали (Богине Темных Времен) под множеством разных имен стало ведущей и одной из наиболее характерных религий этого региона.

В 327 г. до н. э. Александр Македонский вошел в Пенджаб, открыв врата между Востоком и Западом. Он уже завоевал почти весь Ближний Восток, и культы и мистерии Египта, Греции, Анатолии и Ирана слились в синкретическом озарении. Примерно к 100 г. до н. э. Старый Шелковый путь (как его тогда называли) проходил через Сирию, Индию и Китай, а к 49 г. до н. э. Юлий Цезарь покорил Галлию. К моменту рождения Христа во всем цивилизованном мире произошел взаимный обмен не только божествами, но также идеями и верованиями.

Главный храм Богини в то время во всем Ближнем Востоке был в Эфесе (на территории современной Турции), и там ее звали Артемидой. Именно в этом городе «в год Господа нашего 431» было объявлено, что Мария – это та Богиня, которая и существовала от начала времен: *Theotokos* (Богоматерь).

Заключение

Как вы думаете, возможно ли, что после всех этих тысячелетий постоянных изменений облика и условий жизни она не сможет помочь своим дочерям понять, кто же они есть на самом деле?

Богини

Рис. 2. Венера Леспюгская (резьба по слоновой кости, Юго-Западная Франция, 25 тыс. лет до н. э.)

---

12 *Элохим* – еврейское нарицательное имя Бога, Божества.

13 «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою».

Глава 1
Миф и божественная женственность[14]

Богини в культурах палеолита

Центральными фигурами мифологий, с которых мне хочется начать, являются богини. Почему бы и нет? Самый простой образ Богини в ранних земледельческих культурах палеолита – Мать-Земля. Земля дает и подпитывает жизнь, поэтому ее сила заключается в том же, в чем и сила женщины.

Но в первобытной мифологии бытовало два основных уклада. Один связан с жизнью земледельцев и культом Богини, а второй – с мужскими богами, которым обычно поклонялись кочевники-скотоводы. В древних обществах женщины обычно ассоциировались с миром растений. В древнейших традициях охотников и собирателей именно женщины обычно собирали растения для еды и ловили мелкую дичь, а мужчины занимались охотой на крупную добычу. Поэтому мужчины ассоциировались с убийством, а женщины – с сохранением и поддержанием жизни. Это типичная базовая ассоциация в первобытных мифологиях.

До того как люди научились культивировать сельскохозяйственные культуры, разводить, селекционировать и приручать животных, все население земли состояло из собирателей и охотников. Области великой охоты простирались от европейских равнин до озера Байкал в Сибири. Позднее охотники добрались до самой Арктики. Затем они мигрировали в Северную Африку. Сахара в то время представляла собой поросшую зеленью равнину. А когда Сахара высохла, они переместились дальше, в Южную Африку.

Вдоль экваториальной зоны основной пищей были овощи. Так и возникли две абсолютно разные группы людей, два принципиально различных культурных акцента.

Во время охоты пища добывается мужчинами ценой огромного риска. До 1500 г. до н. э. у них даже не было лука и стрел; им приходилось просто преследовать огромных животных – волосатых носорогов, мамонтов и т. д. И тогда в охотничьих племенах развилась маскулинная склонность к действию, мужественность и культ сильного человека, способного добыть пропитание для семьи.

Но в экваториальной зоне, вообще-то говоря, *каждый* мог просто сорвать банан, поэтому личные заслуги ценились не столь высоко. Более того, поскольку биологические функции женщины напоминают мифологические силы самой Земли и направлены на рождение и сохранение новой жизни, то ее магия считалась особенно могущественной в тропической зоне.

В целом, говоря об охоте, мы имеем дело с мифологией, ориентированной на мужчин, а если речь идет о культивации растений, то мифология будет женской.

Теперь еще один важный момент: на раннем этапе развития человеческого общества оно, безусловно, состояло из охотников-следопытов. Примеры подобного рода мужской мифологии мы находим в пещерном искусстве ориньякской культуры раннего палеолита, датированном примерно 40 000 в. до н. э., а наиболее ранний из известных нам мотивов искусства – обнаженные фигурки богинь, которых называют палеолитическими Венерами.

---

[14] [Эта глава создана на основе однодневной лекции на симпозиуме, который длился несколько дней, тема которого была следующей: “Myths and Mysteries of the Great Goddess”. Эту лекцию Кэмпбелл прочел в La Casa de Maria in Santa Barbara, California, on April 6, 1983; лекция называлась “The Goddess in the Neolithic Age” (L1153). Порядок и номера примечаний в этих записях соответствуют авторским пометкам в архиве Джозефа Кэмпбелла (jcf.org). Записи и транскрипты выполнены в системе Opus Archives (opusarchives.org). Примечания в квадратных скобках дополненыредактором английского издания этой книги. Другие ссылки так не выделяются.]

В охотничьих обществах главное место отводится мужчине. Для него было важно, насколько он меткий, сможет ли убить врага – тогда это было в основном крупное животное, а также сможет ли он противостоять охотившимся в тех же землях чужакам. Поэтому все направлено на то, чтобы отражать духовный склад мужчины.

В этих культурах мужчине-охотнику помогает женщина. Этнолог Лео Фробениус[15] во время экспедиции в Конго стал свидетелем одного весьма примечательного ритуала. Его группу сопровождали три пигмея, два мужчины и одна женщина. Пигмеи – отличные охотники, и потому, когда ему потребовалось больше мяса во время сафари, он попросил их подстрелить ему газель. Они очень удивились, что он просил добыть ему газель как можно скорее – ведь сначала нужно было совершить соответствующий ритуал. И тогда Фробениус пошел за ними и наблюдал за проведением удивительного ритуала.

Сначала они поднялись на холм, вырвав траву, расчистили на земле свободный участок. На этом клочке чистой земли пигмеи нарисовали газель, которую собирались подстрелить. На следующее утро в момент восхода солнца, когда его лучи упали на рисунок на земле, один из маленьких охотников[16] направил на него свою стрелу и выстрелил – вдоль солнечного луча – в изображение газели, а женщина подняла руку и что-то пронзительно выкрикнула. Тогда они отправились на охоту и убили газель – попав точно в ту часть тела, которую поразила стрела на их рисунке. На следующее утро они собрали немного крови и шерсти убитой газели и возложили их на это изображение, и, когда на него снова упали лучи солнца, стерли рисунок.

Таков основной момент в мифологии: человек действует, следуя не своим собственным импульсам, а в соответствии с законами Вселенной. Солнце всегда символизирует акт убийства, высыхание, рассечение чего-то на части, и потому тот, кто убивает, всегда ассоциируется с силой солнца. Поэтому стрела летит вдоль солнечного луча, а человек просто исполняет закон природы. Роль женщины здесь обозначена пронзительным криком, который она издает.

Так что же это все значит?

Со времен палеолита, 30 000 лет назад и больше, мы уже находим подтверждения тому, что женщина в мифах представала в роли хранительницы домашнего очага и матери человеческой зрелости, той, что сохраняет духовную жизнь человека.

В наскальном искусстве Северной Африки времен палеолита есть удивительное изображение женщины (рис. 3), пуповина которой тянется к пуповине воина или охотника, который с луком и стрелами охотится на страуса. Иными словами, его поддерживает ее сила, сила Матери-Земли и сила солнечного луча.

Маленькие фигурки стоящих Венер были найдены в жилищах людей эпохи палеолита. А вот обряды инициации мужчин проводились в глубоких пещерах, и женских фигурок там изображено очень мало.[17] В тех пещерах никто не жил. Там холодно, опасно, темно, там таинственно и страшно. Некоторые из них тянутся на многие мили, образуя длинные коридоры. На стенах этих пещер мы видим изображения мужчин-шаманов, окруженных множеством животных, на которых они собирались охотиться. Это основной мотив для охотников: животные сами готовы принести себя в жертву при соблюдении определенных ритуалов – например, если их кровь вернется в землю, – тогда их жизнь снова вернется к Матери-Земле.[18] Культ Богини восходит к тем самым первобытным пещерам. Там эти

---

[15] Leo Frobenius, *Atlantis* , vol. 1, *Volksmärchen der Kabylen* (Jena: Eugen Diederich, 1921), pp. 14–15.

[16] *Пигмеи* – очень низкорослое племя, ростом с восьмилетнего ребенка.

[17] [См. Campbell, *Historical Alas of World Mythology* , vol. 1, pt. 1, pp. 51–79.]

[18] [См. Campbell “Renewal Myths and Rites,” *The Mythic Dimension* .]

пещеры – это Она сама, и это инициирует проходящих ритуалы глубоко под землей, для того чтобы возродиться в Ее утробе.

Рис. 3. Женщина, соединенная с охотником пуповиной (резьба на камне, эпоха палеолита, Алжир, дата не установлена)

Вот в чем заключается принципиальная мифологическая роль женского начала: рожая нас физически, она является и нашей Матерью во втором рождении – как существ, обладающих духовностью. В этом состоит основное значение мотива рождения от непорочного зачатия: наши тела появляются на свет по естественным законам, но в какой-то момент в нас просыпается наша духовная природа, более высокий уровень человеческой природы, которая не просто следует законам мира животных, эротическим и силовым импульсам или желанию спать. В нас пробуждается осознание нашей духовной цели. Это и есть сущность человека, его мистическая жизнь, которую следует прожить, поднявшись над стремлением найти пищу, сексуальными влечениями, экономикой, политикой и законами общества. В этом таинственном измерении женщина пробуждает, дарит второе рождение. Мальчиков отправляли для инициации в пещеры, чтобы они из детей своих биологических матерей превратились в детей космической Матери, вернулись в утробу Земли. Там они переживали новое символическое рождение.

Это очень ярко изображено в наскальной живописи в пещере, известной под названием Труа-Фрер. В ней находится длинное русло, по которому стекала вода в период вюрмского оледенения, а из скалы выходит отверстие, напоминающее трубу, пятьдесят ярдов длиной, но не превышающее двух футов. Через нее ведет путь в огромную подземную полость. Мальчиков отправляли по этому пути для совершения символического акта второго рождения – родившись не от своих биологических матерей, а от всеобщей Матери, ведущей каждого из нас во взрослую жизнь.

Среди самых ранних поддающихся расшифровке образов Богини, имеющихся в нашем распоряжении, так называемые палеолитические Венеры – женские фигурки мадленского периода конца каменного века, которые во множестве находят от запада Франции до озера Байкал, неподалеку от границ с Китаем. Они отличаются преувеличенно массивными бедрами, ягодицами и грудью, что связано с рождением и вскармливанием детей. Природа дала женщине эту способность, поэтому она, так сказать, изображает и символизирует таинственную силу самой природы. Получается, что именно женщина была первым объектом поклонения в древнем мире.

Рис. 4. Венера из Петерфельда (амулет из черного янтаря, последняя часть мадленского периода палеолита, Германия, примерно 15 000 лет до н. э.)

Эти трехмерные фигуры – первые *идолы* , как их называют в истории искусства. А изображали они ту, которая была обычной музой, воплощавшей силу женского тела, преображающего и дающего жизнь. Такие фигурки находят не в пещерах, где мужчины исполняли свои охотничьи ритуалы, а там, где люди жили, в укромных убежищах возле скал. Одна из отличительных особенностей найденных статуэток – отсутствие лица с определенными чертами. Такая подчеркнутая таинственность объясняется тем, что они изображают не конкретную личность, а просто Женщину как явление природы. Обычно у этих фигурок нет ног, что наводит на мысль, будто их специально так делали, чтобы вкапывать в вертикальном положении в землю в маленьких святилищах.

Рис. 5. Беременная Богиня (резьба по камню, эпоха неолита, Греция, около 5800 г. до

н. э.)

> «Хотя “Мать-Земля” имела огромное значение в первобытной религии, она не единственное – пусть и очень важное – выражение аспекта раннего проявления принципа Божественной Женственности. Одна из причин такой значимости может объясняться тем, что в земледельческих сообществах Европы это верование сохраняется и до наших дней. Еще один факт, давно признанный этнографами, заключается в том, что доиндустриальные земледельческие ритуалы вполне определенно демонстрируют мистическую связь между плодородием земли и созидающей силой женщины. Во всех европейских языках Земля – женского рода. Древнеевропейская беременная Богиня, скорее всего, прототип Богини Зерна – и юной, и древней одновременно, например Деметры и Матери-Земли всего европейского фольклора.
>
> Поскольку она – Мать-Земля, то она – и Мать Мертвых. Сколько же ей лет, этому символу кормящей земли, благополучия и рога изобилия плодоносящей утробы?»
>
> ***Мария Гимбутас*** **[19]**

Изображение Венеры Лоссельской из шельфа на Пиренеях (рис. 6) наводит нас на серьезные размышления. В поднятой правой руке она держит рог бизона с тринадцатью вертикальными насечками.[20] Ровно столько ночей проходит между новолунием и полной луной. Другую руку она положила себе на живот. Таким образом, признается эквивалентность (ведь письменности тогда не было) менструального и лунного циклов. Это одно из первых свидетельств осознания связи между небесными и земными циклами жизни.

Рис. 6. Венера Лоссельская (рельеф на песчанике, ориньякская культура, юго-запад Франции, 25 000 лет до н. э.)

Здесь самое важное – беременность, это чудо! Женщины, продолжающие жизнь, сами становятся неисчерпаемым сосудом жизни. Сначала люди поклонялись животным, а потом – женщинам, источнику природной силы, а не просто еще одной ее части.

Рис. 7. Богиня, украшенная изображением лабиринта (терракота, Румыния, 5500 лет до н. э.)

> Все тело фигурки украшено орнаментом в виде лабиринта, и здесь довольно важна его центральная часть. Ее пупок – это пуп мира, а мир изображен в виде прямоугольника, который раскручивается из него: на север, на юг, на восток и на запад. Мария Гимбутас полагает, что ромбовидная форма – это идеограмма, связанная с этим прямоугольником, «вечным символом земли».[21]

Примечательно, что все эти женские фигурки изображаются просто обнаженными. В

---

[19] Alexander Marshack, *The Roots of Civilization* (New York: McGraw-Hill, 1972), p. 283.

[20] Marija Gimbutas, *The Language of the Goddess* (San Francisco: Harper & Row, 1989), p. 141.

[21] Gimbutas, *Goddesses and Gods of Old Europe* , 6500–3500 b.c.: *Myths and Cult Images* (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1982), p. 201.

отличие от них мужчины во всех пещерах изображены в каком-то облачении, и одеты они как шаманы. Напрашивается мысль о том, что воплощающая божественную силу женщина действует в соответствии со своей собственной природой, а функции мужчины зависят от его роли в обществе.

Отсюда можно сделать интересный вывод относительно всей истории женского начала в мифологии: женщина символизирует саму природу. Мы физически рождаемся от нее. А мужчина воплощает принципы общества и социальные роли. Это проявляется в психоаналитических теориях Фрейда, например, когда именно отец инициирует вступление ребенка во взрослую жизнь.

В первые годы жизни ребенка отец – это просто волосатый помощник матери. Затем, в возрасте трех или четырех лет, ребенок начинает понимать, что мужчины и женщины отличаются друг от друга. И тогда маленький мальчик должен осознать, что он мужчина и что ему необходимо освоить ту роль, которую играет отец, а маленькая девочка осознает, что она женщина, и теперь ей важно не просто стать похожей на свою мать, а стать Женщиной. Отец вводит ребенка в общество и объясняет ему смысл жизни, а мать воплощает саму Жизнь. Она представляет и ее созидающую, и ее разрушительную сторону: Земля дарит жизнь и вскармливает, но она же и забирает нас к себе. Она – мать смерти и ночного сна, в который мы погружаемся.

В одной легенде племени черноногих индейцев-охотников из Монтаны рассказывается о мифологической роли женщины в этих охотничьих культурах, чьи мифы были преимущественно ориентированы на мужчин.[22]

С наступлением осени люди делали запасы мяса на зиму. Обычно они его добывали, загоняя стадо бизонов на обрыв. Животные падали с него, ломая себе спины, а внизу их было легко добить.

Но вот как-то раз бизоны не побежали к этому обрыву, так что, похоже, людям грозила голодная зима.

Рано поутру одна девушка пошла за водой для своих родных и увидела стадо бизонов. Ей пришла в голову мысль: «Вот бы они все побежали к обрыву и упали с него, тогда я бы вышла замуж за одного из них». Неплохое предложение! К ее удивлению, они *и правда* побежали туда! Целое стадо бизонов с топотом помчалось туда и попадало вниз, сломав себе спины.

И вдруг к ней подходит огромный бизон и говорит: «Так-так, девонька…»

А она вскрикивает: «Ой нет!»

А он отвечает: «О да! Посмотри-ка, что там случилось. Ты же дала слово – и мы свое слово сдержали, а теперь что же, отмахнуться от нас хочешь? Пошли со мной!» – и он забирает ее с собой.

Тут просыпается ее семья и с удивлением видит целое стадо бизонов, которых можно легко добить, и это так здорово. После того как люди изрядно потрудились, они вдруг понимают, что этой девушки среди них нет.

Ее отец идет по следу и понимает, что его дочь ушла с бизоном. Тогда он надевает свои походные мокасины, берет лук и стрелы, спускается с обрыва и отправляется в путь. Пройдя немного, он подходит к бычьей купальне, где бизоны любят покататься по траве, чтобы очистить шкуру от комаров и мух, и там поблизости есть вода для купания. Здесь он садится на землю и думает, что делать дальше.

И тут к нему подлетает сорока. Сороки-то очень смышленые птицы (они как лисы, сороки да вороны), это же птицы-шаманы. И вот человек спрашивает у нее: «Прекрасная птица, не видела ли ты где-нибудь тут поблизости мою дочку? Она убежала с бизоном».

А сорока ему отвечает: «Да была тут какая-то молодая женщина с бизоном, совсем недавно прошли».

---

22 [См. Campbell, “Renewal Myths and Rites,” *The Mythic Dimension* .]

И отец просит: «А ты можешь полететь к ней и передать, что к ней ее папа пришел?»

И сорока вспорхнула со своего места и полетела к девушке, которая, наверное, пряла пряжу или еще что, – туда, где спали все бизоны. Рядом с ней спал огромный старый бизон. Сорока подскочила к ней и сказала: «Твой папа сидит у бычьей купальни и хочет тебя видеть».

«Скажи ему, чтобы подождал меня, я скоро приду».

Тут большой бизон просыпается и требует: «Ступай, принеси мне воды». Тогда эта женщина – «чпок»!» – отрывает один его рог и идет набрать воды туда, где ее поджидает отец.

Он велит ей быстрее отправляться домой.

Она отвечает: «Нет-нет, это слишком опасно. Подожди, пока он снова уснет, тогда я смогу уйти. Они все как раз просыпаются после дневного сна».

«Ладно, – говорит он, – я посижу тут, подожду».

Она возвращается с водой, но бизон нюхает воздух и говорит: «Фэ, Фи, Фо, Фу… Чую кровь индейскую!»

А она вскрикнула: «Ой нет!»

А большой бизон восклицает: «О да!» Он вскакивает и с ревом мчится туда, и вместе с ним скачут все бизоны. И знаете что? Они прискакали к купальне и затоптали бедного папочку до смерти, так что от него и клочка не осталось.

Девушка горько плачет. А большой бизон говорит: «Да-да, ты вот плачешь, ты потеряла папу. А как же мы? Посмотри на нас! Наши отцы, матери, наши дети и жены – все они погибли».

А она все всхлипывает: «Папочка!»

Тогда он говорит: «Ладно. Если сможешь оживить своего отца, тогда я тебя отпущу».

Тут сорока принимается за дело и приносит девушке маленькую косточку ее убитого отца.

Та кладет косточку на землю, накрывает ее одеялом и запевает магическую песнь. И вдруг становится видно, что под одеялом лежит человеческое тело. Она стягивает одеяло – ее отец цел и невредим. Но он еще не ожил, поэтому она снова накрывает его одеялом, и снова поет и поет, и вот он встает, жив-живехонек.

Бизоны потрясены. Большой бизон говорит: «Ну, если ты можешь сделать это для своего отца, то почему бы тебе не сделать это для нас? Мы покажем тебе наш танец, и ты станцуешь его и оживишь убитых тобой бизонов, и так мы заключим с тобой договор».

Таков основной древний договор между животными и охотниками, который осуществляется через магические ритуалы поклонения. А началось все с того, что сделала та молодая женщина, – она связала два мира. Существует множество подобных мифов: о жене зверя, ставшей частью его племени и связующим звеном между этими двумя мирами, в конце концов добывая пищу. За которой придут мужчины.

По мнению Фробениуса, это объясняет смысл пронзительного крика пигмейской женщины: в ее власти призвать животных, чтобы они сами пришли, позволили себя убить, и потом снова оживить их. Она несет в себе рождение и возрождение на протяжении всего жизненного пути.

Богиня как воплощение природы

В большинстве мифологий, первобытных или принадлежащих высокоразвитым цивилизациям, божества воплощают энергии природы, которые играют первостепенную роль, а божества – второстепенную. Энергетические силы природы присутствуют в окружающем мире, но и внутри нас тоже, поскольку мы – часть природы. Поэтому, медитируя о божестве, вы медитируете силами своего духа и своей души и с участием внешних сил. Практически во всех мировых религиях можно обнаружить (за редким исключением), что цель индивида заключается в том, чтобы привести себя в соответствие с

природой, в том числе со своей собственной. В этом – основа и физического, и душевного здоровья. Вот это в наших традициях и называется природными религиями, чьи божества не являются истиной в последней инстанции; они просто отсылают нас к неким духовным энергиям. Поэтому если понимать мифологию должным образом, то объект поклонения не будет окончательной истиной; объект поклонения – всего лишь персонификация внутренней энергии человека, и отношение к мифологии может развиваться по двум направлениям – сознательному и тому, которое учитывает духовный потенциал самого индивида.

Если мифология не сводится к поклонению божеству, то что она вообще такое? Для того чтобы понять мифологию, нужно верить в истинность и непогрешимость божества. И конечно, здесь возникает проблема в области, которую мы обозначаем как монотеистические религии. Господь непостижим, ведь он – истина в последней инстанции. И вся религия сводится к взаимоотношениям людей с богом. Но как только вы откроете тайну бога и осознаете, что он является воплощением некой силы, то и себя самого вы откроете как другое воплощение и носителя этой силы. В подобной системе вы можете произнести нечто похожее на Чхандогья-упанишаду:[23] *Tat tvam asi* (То ты еси).[24] Если бог абсолютно непостижим, то подобная мысль – ересь.

Поскольку мы, дети библейской традиции, собираемся обсуждать язычников, то должны понимать, что *они* не идолопоклонники. В действительности оказывается, что идолопоклонники – это как раз мы, перепутавшие символ с тем, что он обозначает. Я полагаю, что в глубине души все мы понимаем, что это и есть идолопоклонство, и потому всех вокруг обзываем идолопоклонниками, настаивая, чтобы они верили подобно нам, чтобы мы могли убедить себя в том, что с нашей-то мифологией все в порядке.

Я считаю, что *мифология* – это «религия других людей», предполагая, что наша отличается от той, в которую верят они. А *религия* , с моей точки зрения, – это «неверно понятая мифология». Заблуждение заключается в том, что символ перепутали с тем, что он обозначает. Поэтому все важные исторические события должны иметь для нас значение лишь как символы наших внутренних сил.

Приходя в церковь, вы видите распятие, и оно, без сомнения, изображает именно то, что случилось с Иисусом из Назарета в день его казни. Сначала его судил Пилат, потом его прибили к кресту гвоздями и так далее, вплоть до момента, когда Иисуса положили в могилу. То, что происходит после похорон, *не* показано в цепи реальных событий – это Воскресение. А вскоре после *этого* произойдет еще одно событие – вознесение в рай.

Если все это воспринимать буквально, то у нас возникает проблема. Прочитайте современную книгу по физике и задайте себе вопрос: а куда же именно делся Христос? Ведь даже двигаясь со скоростью света, он еще не покинул нашу галактику. И тогда мы понимаем, что нет такого физически существующего места, куда могло бы отправиться его физическое тело. «Так все это – неправда», – думаем мы и теряем веру, утрачиваем свои символы.

Когда символ интерпретируется буквально, вы не понимаете истинного смысла его послания. Символ, который должен был бы открыть нам глубины нашей собственной внутренней жизни, утрачен, и туда не пробиться. Поэтому про *миф* часто говорят, что это – «неправда». Но мифы, в том смысле, который нахожу в них я, хранят в себе глубинную мудрость жизни. Вот это я и собираюсь здесь обсуждать: не столько историю Богини, а тайну нашей собственной души, которую можно понять с ее помощью.

В мифологиях скотоводов существуют собственные традиции и внутренняя система, поэтому их божество олицетворяет энергию племени, мифологию конкретных людей. У различных племен – разные персонажи. Нам уже не кажется, что они сильно отличаются друг от друга, но представители племен считают, что они разные. В целом, божество,

---

[23] Chendogya Upanishad, VI.8.7.

[24] Когда сокровенная сущность человека совпадает с сокровенной сущностью высшей духовности.

которое покровительствует племени, играет второстепенную роль по сравнению с великими природными божествами.

Семиты сами верили и оставили это верование нам, что верховное божество их племени – это *единственный* бог. Я пытался понять, отчего это так. Читая предыдущее издание очень хорошей книги, посвященной архаичному мышлению, *«Что было до философии»* , написанной Генри Франкфортом и другими авторами, [25] я пришел к некоторым выводам. В заключительной главе Франкфорт предположил, что если ты живешь в пустыне, то не испытываешь особого почтения к матери Богине; ты целиком зависишь от племени, и тогда племенной бог становится важнейшей фигурой.

Отсюда возникает очень странная проблема: если силы, что мы рассматриваем, это силы природы, то мы можем отправиться из Греции в Индию и там сказать: «Кого вы зовете Индрой, мы у себя называем Зевсом». Солдаты Александра Македонского сразу же сообразили, кто такие индийские боги. Те, кто остался в Бактрии в качестве наместников и правителей, приняли индийских богов, потому что это были те же самые боги, что и у них, просто под другими именами. В шестой книге «Галльских войн» Юлий Цезарь рассуждает о местных религиях покоренных галлов, но обозначает местных богов римскими именами, поэтому мы никак не можем понять, о ком он говорит. [26] Это явление известно как *синкретизм* , именно так и устроены многие мировые религии. В индуизме синкретизм чрезвычайно развит, и у буддистов с этим тоже нет никаких проблем. У древнеегипетских жрецов синкретизм был развит настолько, что когда, наконец, произошло объединение маленьких деревень вдоль Нила в огромную империю, два царства – Северный и Южный Египет – смогли без труда объединить свои религии. Поэтому величайший миф об Исиде, Небетхет и Осирисе – это совмещение нескольких мифологий, но все они гармонично сочетаются друг с другом.

А теперь представьте, что древний иудей говорит: «Кого вы зовете Ашшуром, того мы зовем Яхве». Ничего не выйдет! Потому что если ваш местный бог – верховное божество, то это делает его исключительным. Перечитайте «Ветхий Завет»: богов других людей там называют *демонами* . Прочитайте историю завоевания испанцами Америки: они считали *дьяволами* божеств, которых почитало местное население. Но использовать слово «демон» довольно странно; давайте вместо него использовать слово *dīmon* – у греков оно обозначало энергию вашей жизни, а энергия вашей жизни не обязательно подчиняется законам разума. И вот *dīmon* становится опасным – он превращается в демона – для тех людей, у кого в голове царит неразбериха, и потому люди называют такие силы *демоническими* .

В этих мифологиях нас интересуют д*и* монические силы, то есть энергии наших собственных жизней.

Когда пришли семиты-завоеватели, они свергли местных богов, расчищая путь для собственного Бога. Именно иудеи шли на самые крайние меры в отношении Богини, воплощающей силы Земли. В «Ветхом Завете» местную богиню Ханаана назвали мерзостью, и эта традиция перешла в христианство.

Одна из наиболее неприятных вещей, в которых протестанты обвиняют католиков, – что те поклоняются Непорочной Деве. Католики доказывают, что они не идолопоклонствуют перед Непорочной Девой – они *прославляют* ее. Есть же разница. В молитвах вы обращаетесь к Непорочной Деве: «Смилуйся над нами!» и просите: «Моли Бога за нас». Она воспринимается как посредник; так мы указываем женщинам на их место.

---

[25] Henri Frankfort, Mrs. H. A. Frankfort, John A. Wilson, and Thorkild Jacobsen, *Before Philosophy: The Intellectual Adventure of Ancient Man* (New York: Penguin, 1960).

[26] Julius Caesar, *The Gallic Wars* , trans. W. A. McDevitte and W. S. Bohn (New York: Harper & Brothers, 1869), источник: classics.mit.edu/Caesar/gallic.html.

Силы, о которых мы рассуждаем, говоря о Богине, живут в каждой женщине во всем мире. Помню, в Индии я узнал, что все женщины – богини. Самыми страшными преступлениями там считается убить корову, брахмана и женщину, поскольку все они являются воплощением священных сил. Конечно, приехав в Индию, вы поймете, что можно быть очень, очень священным существом и все равно находиться в униженном положении – но такова уж нелогичность жизни, и это непостижимо.

Самая первая Богиня, как мы сможем убедиться, это Мать-Земля. Но если мы попадем в Египет, то узнаем, что великая богиня Нут воплощает райские выси. В традициях цивилизаций, посвященных не просто земле и почве, а Земле и планетам, которые плывут мимо созвездий, следуя регулярному ритму движений, поддающихся математическим расчетам, Богиня становится самостоятельной сферой, внутри которой мы обитаем. Мы, так сказать, находимся в ее лоне, и там же с нами находятся все живые существа, имеющие форму и имена, включая и богов. Поэтому когда Деву Марию называют Богоматерью, это повышает ее значимость, а в древней традиции означает, что она была не только матерью воплощенного Бога на земле, но и Матерью Вселенной, и что все силы, управляющие Вселенной, получили имена и формы, конкретные или мифологические. В этих традициях боги находятся под властью Богини; они просто являются Ее воплощениями.

А в конце XVIII в., когда индуистские тексты стали переводить на европейские языки, произошла интересная вещь. Накануне появления этих переводов европейская философия совершила огромный шаг вперед после публикации работ Иммануила Канта. Есть два вида философов: те, кто понял Канта, и те, кто его не понял. Кант размышлял над проблемой, которую сформулировал Локк: как можно убедиться в том, что то, что мы переживаем, существует на самом деле? Искажают ли наши чувства реальность? Кант начинает с того, что он называет категориями логики *a priori* . Мы не можем ни о чем размышлять, не опираясь на понятия субъекта и объекта, истинного и ложного – бинарных оппозиций, логических категорий. Без таких категорий обсуждать нечего. Тогда Кант подходит к мысли о том, что наши чувства просто устанавливают категории пространства и времени вокруг нас, и все, что происходит, *a priori* оценивается с точки зрения категорий пространства и времени. Но давайте предположим, что времени и пространства не существует, тогда никакого разделения тоже не будет. Нас разделяет пространство и время – иначе мы были бы теми людьми, которые были здесь год назад или столетие назад либо жили бы на другом конце земли. В целом время и пространство представляют собой то, что Ницше называет *principium individuationis* – индивидуализирующим принципом, позволяющим нам быть отдельными индивидами.

Шопенгауэр понял, что идеи Канта о формах чувственного восприятия и логических рассуждениях *a priori* были абсолютно эквивалентны идеям индуистов, выраженных в понятии Māyā (майя). Таким образом, две философские системы – европейский рационализм и индуистский мистицизм – удивительным образом слились в трудах немецких романтиков XIX в. В своей прекрасной работе «Основы нравственности» Шопенгауэр задает вопрос, отчего же человек так сопереживает боли и опасности, угрожающим другому человеку, что, позабыв о чувстве самосохранения, сразу же бросается ему на помощь?[27] Вы видите, что ребенок может попасть под колеса, и теперь, возможно, под колеса попадете *именно вы* . Почему первый закон природы, стремление к самосохранению, немедленно отбрасывается и вместо него возникает новый: то, что Шопенгауэр называл Mitleid (сострадание, в буквальном переводе – «страдание вместе с другим»)? Философ полагает, что причина кроется в том, что на самом деле вас осенило метафизическое переживание, сорвав покров разъединенности: вы понимаете, что вы и другой человек – единое целое. Вы и он вместе – одна и та же жизнь, просто в разных формах. Это прорыв в мир богов; бог – это

---

[27] Arthur Schopenhauer, *Uber die Grundlage der Moral* , 1841, found at archive.org/details/basisofmoralityooschoiala. [Кэмпбелл приводит заглавие на немецком языке; это издание больше известно в переводе на английский язык и озаглавлено “On the Basis of Morality.”]

просто мифологическое изображение тайн, которые были недоступны из-за разъединения.

Апостол Павел писал: «Я живу; но не я, а это Христос живет во мне».[28] Что он имел в виду? Иисус из Назарета, отдельное воплощение бога, уже вознесся вверх, к далеким галактикам. Так что же, апостол Павел считал, что тот спустился, чтобы поселиться в его теле? Конечно нет. У этого персонажа есть два аспекта: один – это его временное телесное воплощение, Иисус, а второй – Святая Троица, трансцендентная для времени, существовавшая вчера, существующая сегодня и завтра. Отличительной чертой христианской традиции является то, что Иисус – единственное жившее на земле существо, полностью телесно совпадающее с Христом. А одна из величайших идей буддизма заключается в том, что все мы – Будды, просто мы об этом не знаем или ведем себя не как Будда. Получается, апостол Павел вкладывает в свою фразу тот же смысл, что и буддисты.

В записках Дайсэцу Судзуки я наткнулся на забавную историю об одном философе дзен. Ученик спросил у своего учителя: «Несу ли я в себе дух Будды?»

Учитель ответил: «Нет».

Ученик сказал на это: «Но я слышал, что все живые существа несут в себе дух Будды: камни, цветы, птицы, люди».

«Верно, – ответил учитель, последователь учения дзен. – Все существа несут в себе дух Будды: и камни, и цветы, и птицы, и люди, а ты – нет».

«А я-то почему – нет?!»

«Потому что ты задал мне этот дурацкий вопрос».[29] Потому что он отождествляет себя со своим разумом, а разум видит вокруг то, что не согласуется с его внутренним миром. Функция мифа заключается в том, чтобы уравновесить нас с нами самими, с нашей социальной группой и тем окружением, в котором мы живем.

Один из самых интересных способов объяснения этой мысли, которую несет в себе мифология, заключен в верованиях индейцев навахо. Все части пустыни, где они живут, наделены божественной сущностью, а земля стала священной оттого, что она несет в себе мифологическую сущность. Признавая мифологический аспект Матери-Природы, вы поклоняетесь природе как иконе, как священному изображению, и потому, куда бы вы ни отправились, вы получаете весть о том, что божественные силы работают на вас.

В современной культуре разрушилось представление о мире как о священном месте. Считается, что если мы хотим попасть в Святую Землю, нужно отправляться в Иерусалим. А индейцы навахо на это сказали бы: «*Вот* она, и *ты – одно целое* с ней». Сейчас я рассуждаю в рамках мифологии; и я вовсе не впадаю в ересь, поскольку не считаю, что эти вещи справедливы в природном, конкретном смысле. Со мной произошла странная ситуация на семинаре в Лонг-Айленде, где я читал лекции в рамках курса переподготовки священников. Пригласивший меня священник очень хотел, чтобы я приехал, потому что мои труды открыли ему его собственный внутренний мир. Приехав туда, я обнаружил, что они изучают дзен-буддизм. Меня это потрясло, потому что я был воспитан в лоне католической церкви, и сорок лет назад я и вообразить не мог ничего подобного. Медитация связана с поиском Христа в вашей душе, она помогает вам открыть энергию внутри вас. Вот в чем смысл сидячей медитации дзадзен – в том, чтобы открыть в себе дух Будды.

И знаете, на что все это вдохновило меня? И этому я учу в разных частях света. Часто меня приглашают выступить в церкви, и я понимаю, что сейчас буду говорить о тех языческих богах, чьи изображения раньше разбивали первые христиане. В странах Средиземноморья, или в Египте, или в Греции – повсюду можно видеть разбитые статуи богов, а я возвращаю им их привычное место. Поэтому я стараюсь обдумать все это и

---

[28] Epistle to the Galatians, 2:20.

[29] Daisetz Teitaro Suzuki, *The Zen Doctrine of No-Mind: The Significance of the Sutra of Hui-Neng* (York Beach, ME: Red Wheel/Weiser, 1972), p. 94.

привести себя в гармоничные взаимоотношения с окружающим меня миром.

Проще говоря, Богиня – это сама Земля. На ином, архаичном уровне она – майя, представляющая собой формы чувственного восприятия, ограничения чувств, которые замыкают нас до такой степени, что все, о чем мы думаем, происходит в очерченных ею пределах. Она – это ОНО. Богиня – это высшие границы сознания в мире времени и пространства.

Рис. 8. Сидящая на троне Богиня рожает (терракота, Турция эпохи неолита, 6000–5800 гг. до н. э.)

Глава 2
Богиня-Мать как Творец
Эпоха неолита и бронзовый век[30]

От камня к меди: Анатолия и Древняя Европа

Рассматривая мифологию в целом, первое важное различие, о котором следует задуматься, мы проводим между тем, что можно назвать дописьменной устной фольклорной традицией, и обществами и культурами, обладающими письменностью. С изобретением письма жизнь человека кардинальным образом переменилась, изменились его мышление и духовность. Стали складываться так называемые развитые культуры.

Письменные упоминания о Богине существовали в основном в земледельческих культурах, чья жизнеспособность напрямую зависела от растений. В них все женское ассоциировалось с Матерью-Землей, которая порождает земные плоды, дарит жизнь и питает мир. Такой стиль мышления предполагал, что силы женщин в биологическом смысле наделяют их магией, благодаря чему они пробуждают силы природы и живут с ними в согласии. Итак, мы выяснили, что там, где люди живут за счет растений, доминируют Богиня и культ женщины. Есть три основных центра в мире, где зародились земледельческие культуры: Юго-Восточная Азия, около 10 000 лет до н. э., или, возможно, даже раньше; Юго-Восточная Европа и Ближний Восток, также около 10 000 лет до н. э., и Центральная Америка.[31] Эти области в Юго-Восточной Азии и Юго-Восточной Европе и станут предметом обсуждения традиций, связанных с Богиней, в эпоху неолита.

Начиная с 1970-х гг. мы узнали много нового о Юго-Восточной Европе и Юго-Восточной Азии. Углеродный анализ полученных данных предоставляет довольно убедительные сведения об их возрасте. Ученые выяснили, что космические лучи, проходящие через атмосферу Земли, отличаются в разные годы. Эти изменения выявляются при углеродном анализе, поэтому стало возможным зафиксировать их при изучении годовых

---

[30] [Эта глава была составлена на основе лекции под названием “The Goddess in the Neolithic Age” (L1153), которую Кэмпбелл прочел в 1983 в La Casa de Maria во время симпозиума под названием “Myths and Mysteries of the Great Goddess” (см. примечание 1, гл. 1); а также двух лекций с симпозиума “Classical Mysteries of the Great Goddess 1 and 2” 15 января 1982, который состоялся в the Theater of the Open Eye в Нью-Йорке (L756–757); его лекция называлась “Imagery of the Mother Goddess” и была прочитана 13 августа 1976, в Theater of the Open Eye в Нью-Йорке (L601); лекции “The Mythic Goddess”, которую он прочел 18 мая 1972 (L445); транскриптов к его неизвестной лекции, которую, возможно, не записали на видео, которые хранятся в архиве Кэмпбелла под названием “Joseph Campbell: The Goddess Lecture/Abadie.”]

[31] [См. Campbell, *Atlas* , vol. 2, где более подробно обсуждается возникновение и распространение центров сельского хозяйства.]

колец деревьев. В результате некоторые даты европейской истории сдвинулись в более ранние исторические периоды, на 1000, а то и на 15 000 лет назад. Таким образом, самые ранние культы Богини в Европе датируются теперь 7000 лет до н. э. Мы не находим никакой столь же древней социальной организации или степени развития культуры в Индии вплоть до 2500 лет до н. э. Получается, что Европа опережает всех на 5000 лет, и это значительно меняет наши представления о мире.

Именно с такой точки зрения я хочу изучить самые ранние представления о возникновении Богини. В Римской империи, в золотой век Апулея, во II в. н. э. ее знали как Богиню со Множеством Имен. В классических мифах она фигурирует под именами Афродита, Артемида, Деметра, Персефона, Афина, Гера, Геката, как Три грации, Девять муз, Фурии и т. д. В Египте она предстает в образе Исиды, в древнем Вавилоне она – Иштар, у шумеров – Инанна, а у западных – Астарта. Все это – одна и та же Богиня, и прежде всего следует уяснить, что как всеобщая Богиня она имеет широкие ассоциации в системе культуры. В более поздние периоды эти ассоциации специализировались, и их разные функции стали прерогативой различных богинь.

Таким образом, в двух регионах Древнего мира впервые возникли культивация растений и одомашнивание животных: во-первых, в Юго-Восточной Азии, во-вторых – в Юго-Западной и Малой Азии. Первые города появились в Месопотамии и Египте. Многие годы велись ожесточенные споры о том, где появились первые центры земледелия и одомашненные животные, в Юго-Восточной или в Юго-Западной Азии. В конце XIX в. Лео Фробениус настаивал на том, что, по всей вероятности, впервые это произошло в Юго-Восточной Азии; Карл Сойер, антрополог из Университета Калифорнии, Беркли, поддержал его точку зрения в своей работе «Происхождение и распространение земледелия».[32] Сейчас развивается версия, что время начала развития земледелия, овощеводства и одомашнивания животных вдоль долин рек в Таиланде, Камбодже и Вьетнаме может быть датировано 11 000 лет до н. э. и даже раньше. Там люди занимались рыбалкой; вероятно, именно их женщины научились впервые выращивать растения, которые размножали не семенами, а черенками и отводками. Среди таких растений – пальма саго, таро и сладкий картофель (батат). Они приручили собак, свиней и кур.

Сократ перед тем, как принять яд, сказал своим друзьям: «Я должен принести петуха в жертву Асклепию». То есть он имел в виду, что должен принести петуха в жертву богу медицины. А петух пришел к нам из Юго-Восточной Азии. Я всегда говорил, что если куда-то можно привезти петуха, то туда же можно принести и новую идею.

Распространившись на территорию Южного Китая, в Абиссинию, районы Ближнего Востока и Европу, исходная форма земледелия изменилась. Стали использовать посадку семян и применять плуг для вспашки сельскохозяйственных земель. Первоначально при посадке растений использовался труд женщин и детей: сначала в земле выкапывали маленькую ямку и затем в нее высаживали черенки растений. Переход к новой форме сельского хозяйства с посевом семян напоминал сексуальный акт, и пахота стала считаться мужским занятием. В сущности, в древности в Месопотамии семена высевали сразу же во время вспахивания земли – словно следуя законам космоса, воспроизводя акт зачатия человека.

В этом регионе в основном одомашнивали овец и коз, а затем крупный рогатый скот, который со временем и стал преобладающим в хозяйстве. Их выращивали в горных местностях Северного Ирака, в Иране, Южной Анатолии (Турция) и Сирии.

Карл Сойер отметил, что вши, обитавшие на одомашненных свиньях, были принесены из Юго-Восточной Азии. Это еще одно из свидетельств влияния Юго-Восточной Азии на Европу.

Итак, различие между двумя системами, как в видах растениеводства, так и

---

[32] Carl O. Sauer, *Agricultural Origins and Dispersals* (New York: The American Geographical Society, 1952).

одомашнивания животных, сыграют решающую роль в отношении человека к Богине.

В Южной Турции, которую в древности называли Анатолия, есть равнина, где группа археологов под руководством Джеймса Меллларта проводила раскопки древнего города Чаталхеюк.[33] Это древнейший центр земледелия на Ближнем Востоке или даже в мире, внешне он напоминал южноамериканское пуэбло. Дома строились прямо один над другим, а заходили в них по приставным лестницам на крыше. Такое поселение невозможно без сельского хозяйства или овощеводства, там выращивали нечто напоминающее пшеницу. Основными домашними животными здесь были свиньи, собаки и крупный рогатый скот.

Значение поселения Чаталхеюк существенно возросло, когда Мелларт обнаружил здесь древнюю керамику, которая датировалась от 6000 лет до н. э. Там, где есть керамические товары, тут же возникает фигура Богини.

Завоевать маленькое поселение Чаталхеюк можно было, только разрушив его до основания. Примерно около IV тысячелетия до н. э. такие поселения обычно были окружены высокой стеной. Это дает основания предполагать, что сюда вторгались захватчики. Семиты с юга совершили набег из пустыни именно в тот период, когда начались захватнические войны. Первым великим завоевателем был Саргон I в 2350 г. до н. э. До нас дошли прославлявшие его победы тексты:

«Я овладел городом этого человека и убил всех его жителей. Я захватил город и того человека, и там тоже убил всех жителей, и захватил город другого человека, и убил всех в этом городе, а потом я омыл свое оружие в море».[34]

Рис. 9. Двойная Богиня (резьба на аспидном сланце, Турция, 6000–5800 гг. до н. э.)

Такое заявление – «Я омыл свое оружие в море» – повторяется ужасающе часто. Самое лучшее представление о том, что это было за оружие, можно получить, перечитывая Библию, Книгу Иисуса Навина и Книгу Судей.

В Чаталхеюке (5800 г. до н. э.) нашли крупный кусок аспидного сланца (рис. 9), где Богиня изображена в двух ипостасях. Обе ее фигурки расположены спина спиной друг к другу, одна женская фигурка обнимает мужчину, а другая – держит на руках ребенка. Это ключ целой мифологии, отражающей сущность женщины как силы, трансформирующей все вокруг. Она является тем промежуточным звеном, которое превращает семя в живое существо. Она принимает в себя семя прошлого и, благодаря обитающему в ее теле чуду, переносит его в будущее. Женщина – это трансформирующая сила, а мужчина – то, что подлежит трансформации; она служит посредником между отцом и ребенком.

Мысль о том, что ребенок – это новое рождение отцовской энергии, наводит на другую – что ребенок порождает сам себя. В «Божественной комедии» Данте в молитве святого Бернара к Деве Марии ей там отводится точно такая роль, и ее сын – это Отец Небесный, единый Бог в двух лицах. Отсюда и начинается Богиня.

О дева мать, дочь своего же сына,
Смиренней и возвышенней всего,
Предъизбранная промыслом вершина,
В тебе явилось наше естество
Столь благородным, что его творящий

---

[33] James Mellaart, *Çatal Hüyük: A Neolithic Town in Anatolia* . (New York: McGraw-Hill, 1967).

[34] Ignace J. Gelb and Burkhart Kienast, *Die altakkadischen Königsinschriften des dritten Jahrtausends v.Chr* . (Freiburger altorientalische Studien 7. Wiesbaden: Steiner, 1990).

Не пренебрег твореньем стать его.
В твоей утробе стала вновь горящей
Любовь, чьим жаром райский цвет возник,
Раскрывшийся в тиши непреходящей.
Здесь ты для нас – любви полдневный миг;
А в дельном мире, смертных напояя,
Ты – упования живой родник.
Ты так властна, и мощь твоя такая,
Что было бы стремить без крыл полет —
Ждать милости, к тебе не прибегая.
Не только тем, кто просит, подает
Твоя забота, помощь и спасенье,
Но просьбы исполняет наперед.
Ты – состраданье, ты – благоволенье,
Ты – всяческая щедрость, ты одна —
Всех совершенств душевных совмещенье! [35]

Эту керамическую статуэтку рожающей Богини (рис. 10) нашли в корзине с зерном, поэтому нам известно, что она – мать не только детям, но и растениям. Именно ей мы молимся об обильном урожае. Она восседает на троне, а по бокам от нее – два зверя, напоминающие кошек, возможно, пантеры или львицы. Эта ассоциация Богини с каким-то животным из рода кошачьих – львом, пантерой, тигром или леопардом – прослеживается постоянно. Она проникла даже в более поздние традиции, когда ведьму всегда сопровождает черная кошка.

Рис. 10. Богиня на троне рожает (терракота, эпоха неолита, Турция, 6000–5800 гг. до н. э.)

Шесть тысяч лет спустя Кибела, анатолийская Богиня в Риме (рис. 11), изображается точно в такой же позе. Во время Карфагенских войн, приблизительно во II в. до н. э., культ Кибелы проник из Малой Азии в Рим и стал чрезвычайно популярным. На ее голове корона, изображающая город, потому что эта Богиня считалась покровительницей города. Это родной город, город матери, а его стены символизируют время и пространство, внутри которых мы живем. В руке она держит солнечный диск – символ круга возрождения и орбиты солнечной двери, через которую душа попадает в вечность. А рядом с Богиней восседают львы. Это свидетельствует об ассоциации и льва, и Богини с Солнцем, а вот Луна, по традиции, мужского рода.[36]

Размышление о божестве открывает нам путь во все направления к различным проявлениям той силы, которую воплощает это божество. В одном из маленьких святилищ этой Богини в Чаталхеюке изображены два леопарда, самец и самка, глядящие друг на друга. Они сидят, как стражи входа, и нужно пройти между ними, чтобы подойти к статуе Кибелы. Что же означает эта пара существ, сидящих друг напротив друга? Они символизируют тот порог, через который необходимо перешагнуть, чтобы выйти из пространства обыденного мышления (где «я» и «ты» отделены друг от друга в аристотелевском смысле, то есть когда «А» это не «не А») – в мир, трансцендирующий подобное биполярное мышление (где

---

[35] Перевод М. Л. Лозинского.

[36] [Более подробно о мифологии, связанной с богинями солнца, см. Patricia Monaghan *O Mother Sun!: A New View of the Cosmic Feminine* (Freedom, CA: The Crossing Press, 1994).]

действует скорее логика сновидений, где спящий и его сон только кажутся двумя различными явлениями, а на самом деле – это одно и то же)я. Между этой парой противоположностей вам нужно пройти через дверь в новый мир,[37] которая в другом контексте изображается как смыкающиеся скалы, как Симплегады.

Рис. 11. Кибела, Мать Богов (мраморная скульптура, поздний римский период, III в. н. э.)

> Великая фригийская богиня Кибела – мать убитого и воскресшего фригийского бога Аттиса. Ее культ проник в Грецию в древности, где ее идентифицировали с богиней Реей. Она была известна как Мать Гор и Мать Богов, ее святилища строились в горах, часто в пещерах, а ее изображали в сопровождении львов и ее служителей корибантов – полулюдей-полудемонов.
>
> Ее жрецы галлы, оскопившие себя евнухи, одевались в женское платье и носили длинные волосы, умащенные благовониями.[38]

Высшая тайна Вселенной – это трансценденция мира феноменальных явлений, состоящего из пар противоположностей, кантовских категорий разума *a priori* . Когда совершилось падение Адама и Евы, первое, что с ними произошло, – это познание добра и злая. Они обрели знание о па́рах противоположностей, до того не ведая никаких различий. Мы не можем попасть в райский сад, оттого что мыслим парами противоположностей. Отказаться от этого, вернуться к невинности – значит выйти за пределы рационального отделения одного от другого и вернуться к трансцендентному пространству прохода между смыкающимися скалами, за пределами власти храмовых стражей порога.

Рис. 12. Леопарды с пятнами в форме цветков клевера (терракотовый рельеф, эпоха неолита, Турция, 6000–5800 гг. до н. э.)

> Снова мы видим леопардов. На их шкурах изображены пятна с маленькими листьями. Поразительно, как принцип, использующий цифру 3, появляется, когда речь заходит о времени и пространстве, через которые мы должны пройти, чтобы попасть в область трансцендентного, в мир материнского света: трансцендентная Богиня дарит рождение и забирает нас назад из мира времени. Число 3, символизируя прошлое, настоящее и будущее, так или иначе возникает во многих мифах.

В Японии возле храмов можно встретить самых разных стражей. У одного рот открыт, а у другого закрыт[39] я. Обычно они и мужского и женского пола, но в буддизме они выражают две эмоции, привязывающие нас к жизни: страх и желание. Смысл тут в том, что если вы хотите пройти мимо них и обрести бессмертие, заключенное внутри храма, то эти две эмоции нужно оставить позади.

---

[37] В оригинале – «активная дверь» я.

[38] Campbell, *The Mythic Image* , p. 40.

[39] [См. Campbell, *Myths of Light* , for more discussion of these figures.]

В Индии говорят, что божественная энергия *брахман* проявляется во времени как майя. У этой энергии есть три функции, или качества, так называемые *гуны* : энергия, инерция и гармония. *Раджас гуна* – функция энергии, *тамас гуна* – функция инерции, с которой сталкивается энергия, а *саттва гуна* приводит первые две в гармоничное состояние. Китайские символы инь и ян обозначают энергию, массу и гармоничное движение. То же самое присутствует в формуле Эйнштейна $E = MC^{2}$. E – энергия, M – масса, а C – скорость света. Осознав, что леопарды изображают стражей, их символическое значение можно расшифровать как форму чувственного восприятия, категории логики, с помощью которых нам нужно проникнуть в область, обозначенную Кантом как *Ding an sich* – «вещь в себе». Индусы ее называют *брахман* – смысл жизни, воплощениями которого мы все являемся.

В Чаталхеюке была найдена керамическая фигурка Богини с руками и ногами, поднятыми в так называемой позе роженицы, а у ее ребенка, который появляется на свет, голова быка – «букраний».[40] Раньше мы видели, что она рожает ребенка, а теперь – символическое изображение лунного быка. Это различные персонификации одной и той же силы. Рога быка, так называемые *аколиты* , направлены на Богиню, с целью проявления почтения к происходящему, – они выражают обожание. С точки зрения отношения к богу здесь мы видим изображение верующего, который, в сущности, есть единое целое с этим божеством. Рога быка напоминают полумесяц, небесную сферу, которая умирает и возрождается. Луна несет в себе и собственную смерть в форме растущей тени, как и каждый из нас. Но во власти Луны отбросить эту тень и возродиться. Таким образом, она обещает нам возрождение, силу жизни, заключенную во времени и пространстве, которая может отбросить прочь смерть и поможет родиться снова. Вот в чем смысл этих символов: отбросить смерть через продолжение рода, семя возрождается благодаря чуду, заключенному в женском теле, которое символизирует пупок.

Акцент на пупке подчеркивает связь с матерью, с Матерью-Землей, и с пупом Земли. Омфал (овальная конструкция, символ пупа Земли) в дельфийском храме, например, изображает центр мироздания – с точки зрения греков, священный принцип и священное место любого культа всегда традиционно воспринимается как центр Вселенной.

Рис. 13. Богиня, рожающая голову быка (художественная реконструкция из гипса и дерева, эпоха неолита, Турция, 6000–5800 гг. до н. э.)

Следующую фазу этого чуда, с мифологической точки зрения, символизирует еще один храм Чаталхеюка, где изображена бычья голова, а под ней – человеческий череп. В этих храмах были обнаружены настоящие черепа под *букраниями* , представлявшими голову быка, который сначала умер, а потом возродился. На стене изображен стервятник, терзающий обезглавленное тело. Стервятник является прислужником Богини, поедающим мертвые тела, чтобы они могли вновь возродиться. Такова ее роль в Египте, где она известна под именем Нехбет, Богиня стервятников. В Сутре Лотоса Будда беседует с бодхисаттвами на вершине горы, подобно Иисусу, беседующему со своими учениками на Масличной горе. Гора, где Будда разговаривал с ними, называется Гридджарай Парват (Пик стервятников), место, где стервятники поедали оставленные трупы.

Гимбутас замечает:

«Человеческие ноги этого стервятника… наводят на мысль о том, что это не просто птица, а сама Богиня в образе стервятника. Она – Смерть, Та, Что Забирает Жизнь, зловещий близнец Той, Что Дает Жизнь. Наводя ужас, она подлетает, расправив крылья. Несмотря на

---

[40] В переводе с латинского – «череп быка», во времена Античности означал соответствующий символ жертвенного животного, который изображался на предметах материальной культурыя.

то, что это изображение Богини символизирует Смерть, образы стервятника из Чаталхеюка не обозначают, что смерть одерживает мрачную победу над жизнью. Скорее, они символизируют неразрывную связь смерти и возрождения».[41]

Рис. 14. Голова быка и стервятник (художественная реконструкция из гипса и дерева, эпоха неолита, Турция, 6000–5800 гг. до н. э.)

Голова человека как вместилище сознания воплощает будущее возрождение и помещена под головой быка. Символизм этого изображения можно выразить в молитве: «Пусть тело мое отойдет к Матери-Богине и возродится, как возрождается лунный бык». Итак, здесь мы видим очевидную доктрину возрождения и реинкарнации, а Луна символизирует смерть с последующим возрождением. Все умершие и возродившиеся боги Средиземноморья ассоциировались с Луной: Осирис, Аттис, Адонис и Иисус. Мифологическая Луна на три дня погружается во мрак, подобно тому как Иисус три дня пролежал в могиле, а темная скала заслоняла вход в нее.

И в Чаталхеюке, и в Юго-Восточной Европе мы находимся у истоков мифологии, посвященной Богине в ее двух ипостасях: принимающей в себя семя и дающей ему прорасти в новую жизнь и той, что пожирает тело, возвращая его себе и возрождая его обновленным.

Индийская Тайттирийя-упанишада гласит:[42]

> *Ха ву, ха ву, ха ву!* [43]
> *Я – пища, я – пища, я – пища.*
> *Я – поедатель пищи, я – поедатель пищи, я – поедатель пищи.*
> *Я – составитель стиха, я – составитель стиха, я – составитель стиха.*
> *Я есмь перворожденный в [мировом] порядке, раньше богов, в средоточии бессмертного.*
> *Кто дает мне, тот, поистине, и поддерживает меня.*
> *Я, пища, поедаю поедателя пищи.*
> *Я одолел весь мир. Золотым блеском наделен [тот], кто знает это.* [44]

Рис. 15. Святилище с головами быков (художественная реконструкция из гипса и дерева, Турция, эпоха неолита, 6000–5800 гг. до н. э.)

Головы быков царят и в другом святилище из Чаталхеюка. Под этими головами расположены груди, а на них, покрытые гипсом, челюсти кабанов.

На изображениях этих грудей есть соски, и Меллback обнаружил черепа стервятников, чьи клювы были расположены напротив этих сосков. «Та, что вскармливает, поедает и забирает назад», – вот о чем говорят эти изображения. Здесь тотем смерти не голова

---

[41] Gimbutas, *Language of the Goddess* , p. 187.

[42] Упанишады: В 3 кня. Кня. 2-я / Перя., предисля. и коммя. Ая. Яя. Сыркиная. – Мя.: Наука; Ладомир, 1991я. – Ся. 75–93я.

[43] О радость!

[44] Taittirīya Upaniṣad, 3:10:6, см. en.wikisource.org/wiki/Taittiriya_Upanishad.

стервятника, а нижняя челюсть кабана – свинья тоже поедает тело и возвращает это тело к себе, потому что она – прислужница Богини в своей пожирающей тело ипостаси.

Свинья ассоциируется с Богиней смерти во всех мифологиях Юго-Восточной Азии. В мифах народа малекула с архипелага Новые Гебриды, в Кераме на севере Новой Гвинеи мы находим клык кабана в форме полумесяца, а голову кабана – как символ темной ночи.

Тайные мужские общества играют очень важную роль в этих древних земледельческих сообществах. Женщины воспитывают детей, собирают урожай, строят дома – а мужчинам что делать? У них развивается невроз, и они собираются вместе, чтобы поддержать друг друга морально: образуют тайные мужские общества. В таких обществах малекула откармливают кабанов и превращают их в священных животных. Духовная практика предполагает, что свиньям выбивают клыки, и зубы начинают расти, закручиваясь в кольцо, иногда в три оборота. Когда собственный зуб врастает свинье в челюсть, она страдает от боли, поэтому не может растолстеть, так что это – *высокодуховная* свинья. И как только зуб закручивается в новое кольцо, нужно принести в жертву других свиней. Идея жертвоприношения в этих обществах заключается в том, что сила и энергия принесенных в жертву животных перейдет хозяину этих свиней. Так что к моменту, когда у священной свиньи отрастут зубы, трижды закрученные в кольцо, она наполнится небывалой мощью. Более того, социальный статус владельца такой свиньи повысится, и у него изменится имя. При этом человек изучает узор в виде лабиринта, который ведет в потусторонний подземный мир: ведь нужно разгадать тайну бессмертия.

Человек умирает и следует к смерти в огне вулкана, туда, где бессмертные исполняют свой танец. Путь ему преграждает Богиня – в этой культуре ее зовут Севсев, – и она хочет съесть умершего. Это – Мать-Вселенная. Приближаясь к нему, она рисует лабиринт на земле, а потом стирает его половину. Чтобы пройти мимо этой Богини, умерший должен дорисовать стертую половину лабиринта, и лишь в своем тайном обществе он может научиться этому. Если он сумеет восстановить изображение лабиринта, то приносит свою свинью Богине в жертву и продолжает свой путь.

Мы понимаем, что в знании, которое передает этот культ, содержится большая тайна: оно спасает вас от кровожадной пасти Богини смерти.

Для чего еще нам может пригодиться свинья, рассказывает Джон Лайярд в книге *«Каменный век народа малекула»* , одного из самых фундаментальных трудов, в которых изучается эта система. В сообществе, подобном существующему у народа малекула, где вездесущие женщины играют решающую роль, маленькому мальчику очень сложно оторваться от матери и направить свое либидо в другом направлении. Одна из задач, которую нужно решить мужчине, – это стать волевым и активным. Но пока он не оторвет свое либидо от Матери, этого не произойдет. Его отец и должен об этом позаботиться, поэтому он дарит сыну поросенка, за которым нужно ухаживать и любить. Так мальчик находит еще одно близкое существо, кроме собственной матери. Когда он уже совершенно привязался к этому поросенку, отец помогает принести его в жертву, чтобы мальчик научился жертвовать тем, что любит. Благодаря этому ритуалу начинается взросление мальчика и появляется возможность преодолеть привязанность к матери. Это интересное психологическое действие, поскольку наступает такой момент в жизни мужчины, когда эротический принцип не обязательно доминирует, а становится довольно агрессивным. Тогда начинается это соревнование между хозяевами свиней по отращиванию у них зубов, закрученных в три оборота, и эта свинья поможет хозяину спастись от Смерти. Освободившись от привязанности к матери, подарившей ему жизнь, мальчик освобождается и от кровожадной пасти Матери-Земли и Смерти.

Необходимо осознать, что одна из задач, которые прослеживаются в культе Богини, – это стремление избавиться от Нее, поскольку Она символизирует узы времени, привязывающие к смерти. В этой привязанности к жертвенной свинье сама свинья воспринимается как божественная мужская сила, а человек идентифицирует себя со своим животным и словно предлагает ее в жертву вместо себя самого. Он спасется, принеся свинью

в жертву, идентифицируя ее душу со своей. Здесь мы находимся у самых истоков мифологической системы, которая встраивается в земледельческие цивилизации и в этом контексте является частью культа Богини.

В более поздний исторический период, когда культура одомашнивания быков и крупного рогатого скота проникает в Юго-Восточную Азию и Юго-Восточную Европу, вместо свиньи начинают поклоняться быку. Но свинья по-прежнему ассоциируется с подземным миром. Ее клыки завернуты вниз, а рога быка торчат вверх, и, как заметила Джейн Харрисон, в античной Греции было два основных культа: один – *хтонический* , связанный с подземным миром мертвых, а другой – *уранический* , связанный с райскими высотами,[45] и мы сейчас изучим это разделение культов.

Мария Гимбутас в своей великолепной книге *«Боги и Богини Древней Европы»* рассказывает о целом созвездии образов Богини. Древней Европой она называет географическую область эпохи неолита, включая Крит и Мальту, обе области древнего неолитического культа Богини, имевших огромное значение, а также северные Балканы, Чехословакию, Югославию, Венгрию, Румынию и Болгарию. У Гимбутас мы читаем:

> «Деревни, жизнь которых зависела от окультуренных растений и одомашненных животных, возникли в Юго-Восточной Европе как минимум в VII тысячелетии до н. э., а духовность, которая развивалась в эпоху этих экономических и социальных изменений в жизни общества, проявились в возникающих в этот период художественных традициях эпохи неолита… Между 7000 и 3500 г. до н. э. у людей, населявших этот регион, сформировалась гораздо более сложная социальная организация по сравнению с их западными и северными соседями, у них появились поселения, которые часто разрастались до размеров небольших городов, что неизбежно приводило к специализации ремесел и созданию религиозных и административных структур».[46]

Карта 1. Древняя Европа

Но в IV тысячелетии до н. э. началось первое вторжение индоевропейских племен через реки Дон и Волга из покрытых травой степей, которые находились на территории современной России. Мужская воинственная мифология, привнесенная выходцами из древних племен степных охотников (а теперь скотоводов), сокрушила все на своем пути, и культурный ландшафт принципиально изменился. Но культ Богини все же сохранился в античной Греции, и поклонение ей продолжалось до 1500 г. н. э.

На рис. 16 мы видим одни из самых ранних изображений нашей Богини с тремя важными элементами. Во-первых, обратив внимание на грудь, мы сразу понимаем, что перед нами – человек, женщина; второй элемент – птичья голова; третий – длинная шея, похожая на колонну. Эта Богиня представляет собой *axis mundi* (*мировую ось*), центр мироздания, столп, на котором покоится Вселенная. Она воплощает собой энергию, наполняющую весь жизненный цикл Вселенной. Когда птица летит, ее голова парит над миром, и этот элемент символизирует духовность.

Рис. 16. Богини с длинной шеей (керамика, эпоха неолита, Греция, 5900–5700 гг. до н. э.)

---

[45] Jane Harrison, *Prolegomena to the Study of Greek Religion* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991); см. гл. 1: “Olympian and Chthonic Ritual.”

[46] Gimbutas, *Goddesses and Gods* , p. 17.

Принято считать, что Богиня символизирует лишь плодородие. Но она еще и муза. Она вдохновляет поэтов, заставляет дух парить в облаках. Поэтому у нее три функции: 1) дарить нам жизнь, 2) принимать нас в смерти и 3) вдохновлять нас, заставлять наш дух парить, побуждать к творчеству.

В древних культурах божества изображались как полузвери-полулюди. Затем их изображения становятся более похожими на людей и выразительными, и люди начинают яснее осознавать различие между миром людей и миром животных. Тогда Богиня или начинает ездить верхом на каком-то животном, или показывается в его сопровождении. Энергия этой третьей, духовной ипостаси Богини представлена в образе птицы – голубь остается главным символом Афродиты, а павлин сопровождает Геру. Образы птиц делают соразмерными друг другу метафору, которая выражается с помощью животного-символа, и метафору человечности божества. Это текст, написанный с помощью зрительных образов.

На рис. 17 вы видите скульптурное изображение мужчины в маске. Маска указывает на то, что перед нами не один человек, а два. Первый – сам этот человек, а другой – тот образ, который передается с помощью маски. Получается, маска – это какая-то определенная роль, которую он играет. Серп появился с V тысячелетия до н. э. и сделан из меди, одного из древнейших металлов в мире. Он связан со сбором урожая и покосом, значит, мы имеем здесь дело с земледельческой культурой. В этом комплексе обнаружены медные инструменты для возделывания земли, а оружия среди них нет совсем. В этот период, до прихода мужских индоевропейских культур, существовали преимущественно мирные поселения. Мария Гимбутас подчеркивает эту мысль: «Искусство, посвященное Богине, с его удивительным отсутствием образов оружия и доминирования мужчин, отражает устройство общества, в котором женщины руководили кланами, а королевы-жрицы играли главенствующую роль. В Древней Европе и Анатолии, а также на минойском Крите общественной жизнью управляли женщины.[47] Сбалансированная социальная система, не патриархат и не матриархат, нашла отражение в религии, мифах и фольклоре, что подтверждают исследования социальной структуры Древней Европы и минойской культуры, этому находятся подтверждения и в культурах Древней Греции, Рима, у басков и в других странах Европы».[48]

Рис. 17. Несущий серп (терракота и медь, меднокаменный век (энеолит), Венгрия, 5000 лет до н. э.)

Главное в этих артефактах – их эстетическая стилизация. В книге *«Трансформация природы в искусстве»* А. Т. Кумерашвами утверждает, что когда природа в искусстве подвергается изменениям, это свидетельствует о стремлении указать на ее мистическое измерение, и поэтому, собственно, о природе здесь речь не идет – так и что ж с того! Вы видите ее на картинах, вы выходите в поля и снова видите ее. Но художник создает собственное ритмическое изображение, некое таинственное измерение, которое, как блеск солнца, проникает в произведение искусства и затрагивает душу. У Сезанна была такая присказка: «В искусстве царит такая же гармония, как и в природе».[49] И эта гармония

---

[47] [“Riane Eisler в *The Chalice and the Blade* (1987) предлагает термин *gylany: gy* – «женщина», а *an – Andros – «мужчина»,* а буква «л» соединяет две эти части человечества – и этот термин указывает на равенство полов по отношению друг к другу” (Gimbutas, *Language of the Goddess* , p. xx).]

[48] Ibid.

[49] [Quoted in Joachim Gasquet, *Cézanne: A Memoir with Conversations* (London: Thames and Hudson, 1991).]

искусства присуща и нам, и природе вокруг нас. Поэтому, глядя на произведение искусства, мы вдруг восклицаем: «Ага! Так я всегда это знал!»

Рис. 18. «Мыслитель» из Гамангии (терракота, меднокаменный век (энеолит), Румыния, 5000 лет до н. э.)

Рис. 19. Богиня-рыба (барельеф на песчанике, поздний неолит, Сербия, 6000 лет до н. э.)

Рис. 20. Богиня-жаба (керамика, эпоха позднего неолита, Турция, 6000 лет до н. э.)

Мы уже видели, как божественную женственность символически изображали в образе птицы, но богини обитают и в воде. Богини-рыбы превращаются в нимф, а рыбы воплощают те силы, которые позднее найдут гуманизированное воплощение в образах различных богинь. Например, когда Артемида совершает омовение, погружаясь в воду, она изображена как человеческое существо. В древности изображение человека и животного сливались воедино. Мария Гимбутас называет богиню-лягушку «покровительницей рождения». Тот факт, что лягушка – земноводное существо, которое чувствует себя как дома и в воде и на суше, показывает взаимоотношения между двумя мирами – миром утробы и внешним миром.

Двойная Богиня – мать двух миров и двух наших воплощений: 1) во времени и в пространстве; 2) в мире нашей смерти, таинственного пространства за пределами земной жизни. Мотив лабиринта соединяет Богиню и воплощение тех сил, которые существуют за пределами лабиринта жизни.

Рис. 21. Двухголовая Богиня (терракота, меднокаменный век (энеолит), Румыния, конец VI тысячелетия до н. э.)

Свинья ассоциируется с Богиней в Румынии, Болгарии, Македонии, Северной Греции и Микенах.[50] На рис. 22 вы заметите на фигурке не только маску свиньи, но и геометрический узор – лабиринт, указывающий мистический путь. Именно с помощью Богини вы входите в мир духовности. Она и есть лабиринт, она же указывает вам путь.

В своей книге «*Золотая ветвь* » сэр Джеймс Фрезер уже в 1890 г. предположил, что великие богини Элевсина – Деметра и Персефона – были богинями, связанными со свиньей.[51] Когда Персефону похитил Аид, то целое стадо свиней помчалось вслед за ней в подземное царство. А когда мать Персефоны отправилась на ее поиски, то не могла различить ее следов, затоптанных множеством отпечатков свиных копыт. И Деметра, и Персефона ассоциируются с подземным миром, смертью и возрождением, а еще – с лабиринтом, и везде в подобных историях в эпоху неолита возникает образ свиньи.

Рис. 22. Богиня растений в маске свиньи (терракота, меднокаменный век (энеолит),

---

50 Gimbutas, *Goddesses and Gods* , p. 211.

51 James George Frazer, *The Golden Bough* (New York: Simon & Schuster, 1996), pp. 543–44.

Румыния, середина V тысячелетия до н. э.)

Лабиринт – это ворота, пройти через которые могут лишь те, кому ведом безопасный путь. Он с самых древних времен, в особенности в Юго-Восточной Азии, ассоциируется с дорогой мертвых. Путь через лабиринт – это рискованное предприятие, от которого зависит, достигнете вы бессмертия или нет.

В Западном Кераме в Индонезии есть легенда, архетипичная для земледельческих культур. В самом начале времен мужчины исполняли танец лабиринта, а женщины стояли в его центре. Танец лабиринта состоял из девяти кругов (число 9 ассоциируется с Луной). В самом центре маленькая девочка по имени Хайнувеле протягивала им растение, которое в Индии зовется бетель, чтобы танцоры могли освежиться. Однажды ночью, вместо того чтобы угощать их бетелем, она стала дарить им прекрасные подарки. Так происходило ночь за ночью, а дары становились все лучше и лучше, и, наконец, люди стали ей завидовать, а потом им стало страшно. Они испытывали ужас оттого, что у этой малышки был неиссякаемый источник богатства, – и потому они затоптали ее насмерть в лабиринте. Когда они похоронили ее тело, из него выросли все те растения, которые люди теперь употребляют в пищу.[52]

Рис. 23. Богиня лабиринта с ребенком на руках (терракота, эпоха позднего неолита, Греция, 5900–5700 гг. до н. э.)

Мы склонны думать, что смерть – это конец жизни. Но смерть и жизнь неразрывно связаны друг с другом. С точки зрения земледельца, это первичный путь тела – тела Бога. Потому, съедая растения, мы поедаем Бога. Так возникает завет Христа: «Вот тело мое, вот кровь моя». Именно лабиринт сбивает Хайнувеле с ног. И Богиня, разгневавшись на людей за это убийство, строит врата в виде спирального лабиринта. К тем, кто проходит через них, она прикасается руками этой девочки, и тот, кого она коснется, умирает. Те, кто не может пройти через эту дверь, превращаются в животных или в духов, поэтому только тот, кто умирает, остается человеком. Животные умирают, но в них заключена отрицательная энергия, как и у духов. Лишь люди могут пройти через врата, ощутить прикосновение смерти и увидеть ее. Потому, так или иначе, через лабиринт мы проходим, преодолевая психологический или духовный кризис, который превращает нас в полноценного человека. В историях, которые я все это время вам рассказывал, такой путь приводит вас к смерти и бессмертию. Но этот путь в любом случае опасен, труден, и пройти по нему смогут лишь те, кто знает, как его совершить.

Змей – это очень важный персонаж во всех земледельческих культурах мира. Он ассоциируется с силой жизни, преодолевающей смерть, потому что змей может сбрасывать свою кожу и возрождаться: в этом он подобен Луне, отбрасывающей свою тень. Луна – это энергия жизни, питающая время, энергия абсолютного существования, а Луна, которую символизирует бык, это небесный дух, который умирает.

Какой странный поворот совершила библейская история, в которой змея прокляли, и вместе с ним прокляли и женщину, и природу. Для других культур змея хотя и представляет угрозу, но является величайшим символом власти жизни во времени. Солнце двигается на Луну, и Луна умирает в Солнце; лев нападает на быка; орел, солнечная птица, нападает на змею. Змея, бык, Луна – базовая триада парных символов. И Луна, и бык, и змея символизируют торжество силы, способной победить смерть и возродиться снова. Поэтому бык становится главным священным животным в Европе, как свинья – в Меланезии.

---

[52] [For more on the myth of Hainuwele, see Campbell, *The Masks of God: Oriental Mythology* , pp. 173–76.]

От меди к бронзе: Крит

Древняя Европа кардинально изменилась после 3500 лет до н. э., когда в нее стали вторгаться индоевропейцы, поменявшие всю систему. Они ураганом промчались от Балкан и проникли в Грецию, но не достигли Крита, не сумев преодолеть морскую преграду, до 1500 лет до н. э. Поэтому у древних греков можно найти отголоски старого культа Богини-Матери.

После Второй мировой войны молодой человек по имени Майкл Вентрис, бывший во время войны пилотом и переводчиком, решил расшифровать Линейное письмо Б,[53] древнюю надпись, найденную в одном из минойских дворцов, датированную примерно XIII в. до н. э. Над ее расшифровкой безрезультатно бились ученые с тех пор, как она была найдена Артуром Эвансом при раскопках Кносского дворца в начале XX в. Вентрис обнаружил, что Линейное письмо Б было написано на очень древнем варианте древнегреческого языка, на индоевропейском языке. Это определенно свидетельствовало о влиянии индоевропейской культуры на островах, хотя в то время оно еще не было там таким значительным, как на континенте.

На Крите властвовала Богиня. В обеих руках она держит по двойному жертвенному топорику, так называемому *лабрису* , от которого произошло слово «лабиринт». *Лабрис* – это основной символ Крита, двойной топор с изображением полумесяца. Он воплощает идею о том, что нельзя получить ничего нового, пока не умрет что-то старое. Поэтому в конце жизни она – богиня смерти, а в начале – богиня рождения. Смерть и рождение идут рука об руку. С *лабрисом* в правой руке, Мать-Богиня стоит как властительница, а жертвенная кровь – это кровь материнская, и неважно, кого принесли в жертву – животное или человека. Главным жертвенным животным всегда был именно бык, а не корова. Нельзя было приносить в жертву самок, потому что женское не должно умирать или возрождаться. Она – та, кто инициирует это превращение.

Немного позже мы обсудим мужские мифологии, где солнце – мужского рода, а луна – женского; но в раннюю эпоху неолита и в высокий бронзовый век солнце было женского рода, а луна – мужского. В немецком языке говорят Der Mons («луна – он») и Die Sonne («солнце – она»). Во Франции говорят la lune («луна – она») и le soleil («солнце – он»). Если вы одинаково хорошо знаете обе системы и считаете их равнозначными, то сможете понять, каковы истоки темного германского трагизма. Это мистическая культура с мистическим языком. А французская культура характеризуется тем, что называют la clarité de français – «французская ясность», где царит свет и сияние галльского разума.

Рис. 24. Богиня с двойным топориком (фреска, минойский период, Крит, 2000 лет до н. э.)

Рис. 25. Ритон в виде бычьей головы с лунными рогами (резьба по камню, талькохлорит («мыльный камень») с перламутром и золотом, минойский период, Греция, 1500 лет до н. э.)

Позвольте мне сказать пару слов о женском солнце и мужской луне. У древнего народа, проживающего в районе Северного полярного круга, есть легенда о брате-луне и сестре-солнце. Каждую ночь к юной женщине приходил любовник, но она не знала, кто он, и не могла разглядеть его лица. Она решила во что бы то ни стало узнать, кто он, и поэтому измазала свои руки золой от костра, а когда он пришел ночью, обняла его запачканными

[53] Линейное письмо Б – позднейшая форма критского письма (XV–XII вв. до н. э.).

руками, оставив отпечатки на его спине. Утром она обнаружила, что это был ее брат, и в ужасе убежала прочь. Он, кипя страстью, погнался за ней. Временами он догоняет ее, и тогда происходит солнечное затмение. Это очень старая история, пример совершенно иной мифологии, совсем не похожей на те мифы о солнце, которые нам известны сейчас.

Знаменитые минойские игры с быками (тавромахии. – *Прим. перев* .), изображенные на фресках Кносского дворца (рис. 26.), – происходило это в действительности или это просто фантазия?

Во время учебы во Франции в университете я поехал в Бордо, чтобы посетить особую корриду, где быка не убивали. Идея заключалась в том, чтобы бык, с рогами острыми, как иглы, на полном скаку выбегал прямо на матадора, который должен был при этом пропустить его, отступив в сторону лишь на один шаг. Да, скажу я вам, от этого зрелища просто волосы вставали дыбом!

Рис. 26. Танцоры с быками (фреска, минойский период, Крит, VII–V вв. до н. э.)

Если бы рога быка оказались длиннее, чем рассчитывал матадор, то бык разорвал бы на части его рубашку, прихватив заодно и кусочек матадора.

Но больше всего меня удивил один парень, который, когда бык помчался на него, сам побежал ему навстречу! И когда бык к нему приблизился, этот парень совершил кувырок прямо через зверя. Иногда я спрашиваю себя: «Я и правда видел это или мне это только приснилось?» Несколько лет спустя я наткнулся на одну книгу, где нашел изображения похожих игрищ с быками на юге Франции. Такое возможно.

Но в чем заключается смысл подобных игрищ? Интересно, что в наши дни матадор, когда быка убивают согласно правилам корриды, должен идти прямо на рога, чтобы нанести быку заключительный смертельный удар из милосердия. В этом драматическом противостоянии он изображает бога солнца. Солнце каждый месяц убивает луну, которая умирает и возрождается, то есть порождает сама себя. В культурах неолита и раннего бронзового века в Азии луна считается существом мужского пола, а солнце – женского.

Фрезер в своей книге «*Золотая ветвь* » высказал мысль, что главной жертвой в древние времена был сам правитель. Существует восьмилетний цикл, связанный с тем, когда планета Венера возникает в одной и той же точке неба, и в конце этого цикла правителя должны убить. (Венера, как мы знаем, ассоциировалась с Богиней, как бы ее ни звали – Афродита, Исида, Иштар или Инанна.)

Карта 2. План минойского дворца

> «Кносский дворец является образцом единого стиля. Подобно тому как греческий храм отражает чувства людей в данный конкретный момент, этот дворец (а также готический храм или храмы Карнака и Люксора) отражает историю и развитие своих строителей. Более древние структуры адаптированы и подогнаны к новому плану; старые фундаменты, когда-то застроенные новыми конструкциями, лежат в запутанном лабиринте, там, где они попали под лопату археолога». – Дж. Д. С. Пендлбери.[54]
>
> Археологический термин *минойский* восходит к имени знаменитого царя Миноса, и с его помощью описывают разнообразные культурные эпохи со времен медного и бронзового века на Крите.

---

[54] J. D. S. Pendlebury, *A Handbook to the Palace of Minos at Knossos* (London: Max Parrish, 1954), p. 26.

Думаю, древнее отношение к жертвоприношению современным людям трудно понять до конца. Животное или человек, предназначенные в жертву, должны быть *совершенством* . Если в них обнаруживался какой-то изъян, то они считались недостойными, и потому правитель являлся самой главной жертвой. Нет ни одного его изображения в преклонном возрасте. Его трон (рис. 27) изображает луну под сиденьем, по бокам которого сидят грифоны. Образ грифона потом проникает в Средневековье, Данте описывал его как полуорла-полульва, таким образом символизируя двойственность Христа – и смертного человека, и истинного Бога одновременно. И вот правитель находится на пороге между этим миром и миром иным.

Сэр Артур Эванс сделал копию золотого диска (рис. 28), найденного недалеко от пелопонесского города Пилоса, – «кольца Нестора», названного в честь легендарного правителя. В его центре изображено дерево: «Печать в форме сучковатого и неровного Древа Жизни, которое вырастает из холма, покрытого недавно опавшими побегами в центре, а две его боковые ветви разделяют изображение на подземный мир внизу и жизнь после смерти вверху».[55]

Рис. 27. Тронный зал, Кносский дворец (фреска, минойская культура, Крит, 1500 лет до н. э.)

Рис. 28. Кольцо Нестора (золотая печать, минойская культура, Греция, 1500 лет до н. э.)

Рис. 29. Богиня с лабрисом у Древа Жизни (гравировка на золоте, минойская культура, Крит, 1500 лет до н. э.)

Рис. 30. Богиня со змеями (фаянс, минойская культура, Крит, 1600 лет до н. э.)

> «Богиня держит в руках змей, и это ритуализированный жест, указывающий на божественную силу. На ее юбке узор в виде сетки, которая имеет особое значение со времен палеолита и неолита и говорит том, что эта богиня сплетает сеть жизни, нити которой скручиваются, выходя из ее утробы. У ее юбки семь рядов, символизирующих два лунных цикла – прибывающий и убывающий, по количеству дней в четырех четвертях лунного цикла, как в неолитическом кресте внутри круга. Хотя число семь обозначает еще и 7 видимых планет, это, возможно, лунная система записи разных отрезков времени и способов их измерения, и потому сидящий на коленях у этой богини, там, где на юбку спускается накидка, будет испытывать ход времени, который опирается на вечность, и вечность под покровом времени».
>
> ***Анна Баринг и Жюль Кэшворд*** [56]

Группа танцующих женских фигурок с головами грифона ассоциируется с Богиней, которая отделяет мир смерти от мира бессмертия и выносит решение об этом. В культе, где

---

[55] Anne Baring and Jules Cashford, *The Myth of the Goddess: Evolution of an Image* (New York: Penguin, 1993), p. 127.

[56] Baring and Cashford, *Myth of the Goddess* , p. 112.

преобладают изображения женщин, подчеркивается важность чувственного опыта и происходит своего рода разрыв в религиозных верованиях, который естественным образом перетекает в ритмическое движение и танец. Именно танец, а не догма, потому что теоретический аспект религии формируется в мужских мифологиях. Женщины стремятся к опыту, и они призывают его через танец, как в культах Бахуса и Диониса, в танцах, которые исполняют спустя многие годы воздержания.

В такой системе верований область чувственного опыта часто ассоциируется с миром растений, и этот мотив возвращается снова в мистериях античной Греции. В мире растений очень важной является тема гниения, разложения, идея о том, что из разложения старой жизни возрождается жизнь новая. Таким образом, мотив рождения новой жизни из смерти ассоциируется здесь с растениями, с луной, со змеей, сбрасывающей свою старую кожу.

Две змеи символизируют то обстоятельство, что когда есть время – есть двойственность, есть рождение и смерть. Змеи воплощают движение к смерти и возрождение, а лев, сидящий у нее на голове, символизирует силу сознания и жизни во времени и пространстве, там, где дух обретает тело, и там, где он его покидает. В Бхагавадгите сказано: «Душа принимает новое тело/Как человек надевает и снимает одежду/».[57] Бык/змея/луна воплощают мысль о том, что жизнь замкнута во времени и пространстве, в области явлений, подвластных чувственному опыту, и искаженных форм восприятия. А вот солнце никогда не идет на убыль, разве что во время затмения, и потому не несет в себе собственную смерть; поэтому оно символизирует сознание, не подвластное времени и пространству.

Итак, основной мотив символики бронзового века проник непосредственно из высокой символики индусских традиций, в представлении йогов – *idā* и *pingālā* , первый из них воплощает лунный принцип, а второй – солнечный. Великое мистическое озарение заключается в том, что оба аспекта сознания, в сущности, слиты в нем воедино, поэтому ваше сознание, заключенное в пространстве жизни, – это то же самое сознание, которое от него оторвано. Парадокс привязанности к одному из двух аспектов истинного бытия конкретного человека и его сущности – это великий мистический акт, уравновешивающий первое со вторым. Это опасный путь – по острому лезвию бритвы – путь познания самого себя как сознания, которое может оторваться от этого поля. Вы можете выбрать оба пути, – и тогда у вас сформируется неадекватное к ним отношение, они обесценятся или будут восприниматься с преувеличенным вниманием.

Цель любой медитации и мистических странствий – пройти между двумя противоположностями. В самом начале XIII столетия, когда Вольфрам фон Эшенбах сочинил своего Парцифаля, он описывал Грааль как каменный сосуд, который принесли с небес ангелы, не принимавшие участия в войне между Богом и Люцифером. Одна проблема, связанная с существованием Бога и дьявола, заключается в том, что они представляют собой пару противоположностей. Но трансцендентное преодолевает эти противоположности, поэтому Грааль был спущен с небес на землю. И конечно, герой поэмы Эшенбаха Парцифаль получил имя, в котором угадываются французские слова *Perce le val* («пронзи долину»). То есть тот, кто следует срединным путем, между парой противоположностей.

Итак, вот она, Богиня, которая держит змей. Всё в ее руках: они содержатся в ее материнском сознании, а ее существование включает в себя оба аспекта – и солярный, и лунный.

Богиню часто изображают на вершине горы, которая и есть сама Богиня. Эта традиция восходит ко временам Древнего Шумера, когда космическую гору изображали в форме зиккуратов.[58] В Индии Парвати – это Богиня на горе, само ее имя означает гору.

---

[57] Bhagavad Gīta, 2:22.

[58] Многоступенчатое культовое сооружение в Древней Месопотамии и Эламе.

На рис. 31 Богиню охраняют два льва, а перед ней почтительно склонился мужчина. Итак, на этом изображении мы видим все вместе: знак трезубца между двумя противоположностями, проходящий между смертью и рождением, над которым не властно происходящее в мире времени; рога символизируют луну, а львы – солнце. Трезубец одновременно становится и символом бога, и того срединного пути, приводящего к месту, где совершается жертвоприношение, – алтарю Богини.

Богиня связана и с энергией солнечного абсолютного времени, и с отражением солнечного пути. Итак, если вы считаете, что центр мира лежит в центре вашего конкретного культового символа, то связываете себя не с таинством духа, а лишь со своей собственной культурной традицией. Как я уже говорил, символы связывают традиционные исторические события с духовными или психологическими явлениями и силами, которые существовали вчера, существуют сегодня и будут существовать завтра – то есть всегда.

«И я увидел, что священный нимб моего народа был одним из многих, которые составляли единый круг, широкий, как дневной свет, и яркий, как звезды».[59] Слова вождя индейцев сиу по имени Черный Лось перекликаются с герметическим текстом, переведенным с греческого на латинский язык в XII в. под названием *«Книга двадцати четырех философов»* : «Бог – это постижимая уму сфера, центр которой повсюду и которому нет предела».[60] Эту простую мысль цитировали Равалли, Николай Кузанский, Вольтер, Паскаль и множество других великих мыслителей.

Но культ показывает вам, где именно находится центр мира, и это имеет историческое значение. Во всех исследованиях мифологии присутствуют два аспекта: один – провинциальный, социальный, связывающий вас с помощью вашей социальной группы с высшими силами, существующими независимо от конкретных людей и их принципов; а другой лежит за пределами социума, он транссоциален, его нельзя выразить словами. Это тот самый духовный принцип, на который указывает общество. Поэтому символы, зарождаясь в душе человека, кажутся ему таинственными и многозначительными. Шекспир говорит, что искусство «словно держит зеркало перед природой».[61] А природа, в том числе и внутренняя, – это нечто напоминающее рентгеновские лучи, и вы смотрите на нее с удивлением и благоговением. Вам не нужно ничего объяснять, вы и так это знаете – но все же вы не знаете этого. И восторг, передающийся от символов группе людей, связывает конкретного человека с этой группой, а через нее – направляет к принципам, которые находятся за пределами личных человеческих интересов.

Рис. 31. Богиня на Мировой горе (гравюра на золоте, минойский период, Крит, 1400 лет до н. э.)

И вот наступает время, когда группа изгоняет вас, и вам говорят: «Да, вы были с нами, но пришло новое поколение». Более того, возможно, вы сами чувствуете, что пришло время их покинуть, и вы говорите: «Скажите, что у вас нового? Я уже видел раньше и то, и это, и мне это стало немного надоедать». Поскольку происходит разрыв между человеком и группой, вы обращаете свой взор внутрь себя и находите подлинный источник тех посланий,

---

[59] John G. Neihardt, *Black Elk Speaks* (Albany, New York: State University of New York Press, 2008), p. 33.

[60] Françoise Hudry: *Liber Viginti Quattuor Philosophorum* (Turnhout, Belgium: Brepols 1997), 7.1–2. [*Liber viginti quattuor philosophorum* , приписывается Гермесу Трисмегисту и состоит из двадцати четырех определений сущности бога; Кэмпбелл здесь переводит второе из них: *“Deus est sphaera infinita cuius centrum est ubique, circumferentia nusquam.”*]

[61] William Shakespeare, *Hamlet* , act 3, scene 2, l. 22.

которые раньше воспринимались как послания от социума.

В Индии такой социальный аспект мифа и легенды называется *deśī* , что обозначает «нечто провинциальное», а общий универсальный аспект называется *mārga* , слово это восходит к корню *mrg* , что означает «путь, отпечатки следов животного, по которому его можно найти». Таково трансцендентное значение подобного символа.

Первый из двух взаимосвязанных аспектов связывает вас с вашим долгом по отношению к обществу и с миром истории, а другой – с тем, что находится за пределами долга, вне пар противоположностей, за пределами добра и зла. Он ведет вас к вратам у двух смыкающихся скал, которые символизировали два глядящих друг на друга леопарда, в мир, где царят солнечный лев и лунная змея и где Богиня, мать всего сущего, показывается нам в обеих своих ипостасях. Как только вы осознаете это, все встает на свои места, а в противном случае вы застреваете в исторических экзерсисах, которые просто могут свести с ума.

Примерно около 1480 г. до н. э. из-за вулканического извержения взорвался остров Тера (ныне известный под названием Санторин). Во времена Критской цивилизации Тера была столицей эгейского культа Богини.

Вплоть до наших дней история не знала извержений такой силы; похожее по разрушительности извержение вулкана Кракатау произошло в Индонезии 26 августа 1883 г. Ученые утверждают, что извержение привело к появлению цунами высотой более двухсот семидесяти метров. После этого вся атмосфера Земли в течение нескольких лет была заполнена пеплом и обломками, ставшими причиной странных явлений на закате и на восходе.

Разрушительное извержение вулкана на острове Тера смело большую часть острова с лица земли. Огромная приливная волна, вероятно, обрушилась на Крит, на побережье Палестины и Египта, а легенды о страшных наводнениях могут быть отголосками событий тех лет.

К тому моменту главную роль в эллинском мире играли критяне, оказывая влияние на культуру микенцев. Извержение вулкана ознаменовало конец старых традиций, которые предшествовали бронзовому веку, что в эгейском мире положило конец господству минойцев, то есть древних средиземноморских жителей Крита. Далее последовал расцвет культуры микенцев и континентальных греков, индоевропейцев, пришедших с севера, которые вторглись в Европу примерно в 3500 г. до н. э. после разрушения Теры. В Древней Греции стали властвовать микенцы, совершив переход от культа Богини-Матери к культу Бога-Мужчины. Существовали оба культа, но Богиня больше не играла решающей роли. После 1500 г. до н. э. власть минойцев покатилась к закату, и стала преобладать мужественная, ориентированная на бронзовое оружие культура.

Рис. 32. Богиня в семиярусной юбке (печать на гематите, шумерский период, Ирак, 2150–2000 гг. до н. э.)

Глава 3
Индоевропейское вторжение[62]

Активные археологические раскопки и исследования, проведенные Марией Гимбутас, помогли выяснить, что земледельческие культуры неолита на территории, которой она дала

---

[62] [Эта глава составлена на основе прочитанной Кэмпбеллом лекции под названием “Classical Mysteries of the Great Goddess” 15 января 1982 (L757); и лекции под названием “The Indo-European Goddess”, прочитанной на трехдневном симпозиуме с 4 по 8 апреля, 1983 (L1155).]

название «Древняя Европа», подверглись вторжению индоевропейцев.

Одновременно аккадцы и другие семитские племена стали пробиваться в Месопотамию с юга. Около 3500 лет до н. э. земледельцы были зажаты между двумя наступающими врагами – семитами из пустыни и индоевропейцами с севера. Семиты разводили преимущественно овец и коз и в течение последующих лет набирали силу. Саргон и Хаммурапи привнесли мужскую доминанту в культуру, а Богиня постепенно теряла свои позиции.

Индоевропейцы разводили крупный рогатый скот. Ранее, в Древней Европе эпохи неолита, основным одомашненным животным была свинья, с которой ассоциируется лунная мифология. Теперь она ассоциируется с крупным рогатым скотом и с быками. Как указывает Джейн Харрисон в книге *«Введение в исследования греческой религии»* , рога быка указывают вверх, и потому принесение его в жертву совершается в честь богов Олимпа, пребывающих в высших сферах, богов уранических. А клыки кабана закручиваются вниз, поэтому принесение его в жертву древними свиноводами было даром земле, хтоническим жертвоприношением.

В этой главе мы рассмотрим исторические свидетельства влияния индоевропейцев на мужские воинственные культуры Македонии и Греции и выясним, насколько значительное влияние они оказали около 1200 г. до н. э., во времена Троянских войн. В следующих главах мы убедимся, как к 700 г. до н. э. женские культы снова возрождаются, но уже в новом качестве – не как культы плодородия и земли, а как культы Богини Мистерий: той, что инициирует в нас духовные изменения. В прежние времена инициация была более материальной, но в эпоху Античности мы станем свидетелями инициации духовной, и это произойдет в результате дуализма этих двух систем: индоевропейской и древнеевропейской, которые переплелись друг с другом.

Карта 3. Индоевропейское вторжение в Древнюю Европу

Копья и языки

Около 4000 лет до н. э. использовали два основных вида бронзовых сплавов. В горах недалеко от Каспийского моря, где добывали медь, изготавливали ее сплав с мышьяком, получая бронзу, превосходившую по прочности медь. Впоследствии отличная классическая бронза производится в Месопотамии, где медь сплавляли с оловом. Именно здесь начинает развиваться культура бронзового века Юго-Восточной Азии.

Сначала из меди изготавливали инструменты для придания формы различным объектам и для сельскохозяйственных работ. Индоевропейские народы с севера Черного моря были воинственными племенами скотоводов, первыми приручившими лошадей. Научившись выплавлять бронзу, они стали применять новый металл для изготовления оружия. На наконечниках мы видим крепления и отверстия, с помощью которых их фиксировали на древке копья или стрелы. Это было важным достижением, и такие находки указывают на присутствие в тех местах индоевропейцев начиная с 4000–3500 лет до н. э.

С IV тысячелетия до н. э. началось вторжение индоевропейцев в Древнюю Европу – в ее центральную и восточную часть и на Балканы. Затем они двинулись на Ближний Восток и в Индию и Персию. Те из них, кто достиг Индии, впоследствии создадут Веды, а те, кто останется в Персии, станут зороастрийцами. Язык зороастрийских гимнов, похожий на санскрит, доказывает, что разделение на индийцев и персов произошло после арийского нашествия.

Когда британцы завоевали Индию в XVIII в., они старались править, максимально учитывая индийские традиции. Они хотели изучить законы этой страны, чтобы ассимилировать и адаптировать их к современному миру. Но оказалось, что никто из них не

умел читать на санскрите и переводить с него на английский язык. Была собрана группа *пундитов*, ученых браминов, и они опубликовали работу под названием *Vivādārnavasetu* (Мост через океан споров). Можете представить, что происходило во время их встреч. И никто не мог перевести эту работу; ее пришлось перевести сначала на персидский и лишь потом – на английский язык. В конце концов она вышла под названием *«Кодекс законов Дженту»* в 1776 г.

Естественно, что кому-то из англичан необходимо было выучить санскрит, и нашелся такой человек по имени Чарльз Уилкинс, который отправился в Бенарес учиться в школу браминов. Затем он опубликовал перевод Бхагавадгиты на английский язык – «*Бхагавадгита, или Диалоги Кришны с Арджуной*» – в 1785 г. Так первые знания из Индии проникли в Европу. Бхагавадгита имела широкий резонанс и на многих произвела неизгладимое впечатление. Гёте и немцы были просто покорены, а также Карлайл в Англии, Эмерсон и Торо в Америке. Так было положено начало мистицизму в христианстве. Эмерсон, Торо, Карлайл, Гёте – его представители. Потом перевели *Шакунталу*, прекрасную пьесу Калидасы, индийского Шекспира V в. н. э. Восторженный Гёте сказал об этом произведении: «Если вы хотите ощутить весну и осень, вдохнуть аромат цветов и почувствовать вкус фруктов – прочтите Шакунталу».[63] Некоторые детали из нее он перенес в своего «*Фауста*». Эта индийская пьеса произвела фурор. А что в ней было особенного? Религия гармонии человека с природой во всех ее аспектах.

В 1783 г. английский юрист сэр Уильям Джонс получил назначение на должность судьи в Калькутте. Он был первым профессиональным лингвистом со знанием латыни и древнегреческого языка, приехавшим в Индию из Европы, кроме того, он владел основными европейскими языками и знал, как они сформировались. Именно Джонс заметил родственные связи санскрита с европейскими языками. Термин *индоевропейский* впервые был использован в его работе 1786 г., где он размышлял о контексте широко распространенной семьи языков.[64]

Также он признал, что индийский пантеон, описанный в Ведах, напоминал пантеон олимпийцев в Древней Греции. Индоевропейские племена, вторгаясь с разных сторон на евразийский континент, принесли с собой свои мифологии, поэтому в мифах этих регионов много общего. Изучая ранние культы в мифологии воинственных племен, чьим богом был Зевс или Индра, мы видим, что он был Громовержцем. И он не очень отличается от Яхве – бога племен, пришедших из пустыни в Месопотамию примерно в это же время.

Разграничительная линия между двумя главными группами индоевропейцев, восточными и западными, пролегает там, где однажды упал железный занавес.[65] К востоку от него живут люди Сатем – те, кто на санскрите именовался «одна сотня». На западе – люди Центум, по-латыни – «одна сотня». (Существуют определенные законы лингвистических модификаций между этими языками: *C* превращается в *S*, *E* превращается в *A* и т. д. – вот так и получаются разные слова.)

На восточной стороне Сатем основные языки – славянские (русский, чешский, польский и т. д.), персидский и языки Индии (санскрит – значит *синкретический*, пали – язык раннего буддизма, североиндийские – хинди, марати, раджастани, урду и бенгальский). Языки Центума на западе – греческий, италийский или римский (от которого произошли

---

63 *Kalidasa, Shakuntala and Other Works*, translated by Arthur W. Ryder (New York: E. P. Dutton & Co.; London: J. M. Dent and Sons, 1914, found at www.sacred-texts.com/ hin/sha/index.htm.

64 Sir William Jones, “The Third Anniversary Discourse, on the Hindus,” 1786, см. www. utexas.edu/cola/centers/lrc/books/readT.htm.

65 [Кэмпбелл сказал, «где *упадет* железный занавес», поскольку он ушел из жизни за два года до распада Советского Союза и Варшавского договора в 1989.]

французский, испанский, итальянский, рейнский, провансальский и португальский), кельтские (сохранившиеся до наших дней на Британских островах – шотландский, уэлльский, мэнский, гэльский язык на острове Мэн и ирландский), а также германские языки (английский, немецкий, голландский, скандинавские и старые готские языки). Также Джонс сделал открытие, что все это лингвистические следы родственных друг другу народов, которые пришли из одного мира – северных европейских равнин, и что у них общая мифология, которая рассказывается на разных языках. Где бы она ни распространялась, она побеждала культы Матери-Богини местных народов.

После открытия индоевропейских языков тот же метод сравнительной лингвистики был применен к языкам семитской группы. Они имеют больше сходства друг с другом по сравнению с индоевропейскими языками. На индоевропейских языках говорит значительное количество рас, а семитская семья является более унифицированной. К ней относятся аккадский, вавилонский, арамейский, иврит и арабский – языки тех племен, которые вторглись в различные регионы Юго-Западной Азии.

Другая группа языков обнаружена к востоку от Уральского хребта: урало-алтайские народы или монголы на востоке, финны в Скандинавии, венгры в Восточной Европе и турки.

Отдельно от языков Европы и Западной Азии существует группа языков, связанных с Китаем, и австралазийские языки, распространившиеся на Полинезию и более дальние регионы. Поэтому при изучении сравнительной мифологии необходимо знать об этих унифицирующих, интегрирующих системах, всегда вступающих в контакт с местными системами, связанными с культом земли.

В тех зонах, о которых мы рассуждали, индоевропейцы вышли на мировую арену как люди, управляющие боевыми колесницами. Когда первые антропологи в XIX в. осознали, что все высокоразвитые цивилизации более поздних периодов истории, вероятно, имеют общие корни, начала формироваться идея арийского, или индоевропейского, превосходства. *Ārya* на санскрите обозначает «высокородный». Признание того, что пришельцами был создан фундамент для таких высокоразвитых цивилизаций, похоже, посеяло в умах мысль об их превосходстве.

Дальнейшие археологические исследования доказали, что индоевропейцы появились сравнительно поздно. Установленные современными учеными даты существования Шумера, Египта и Древней Европы показывают, что их культуры сложились задолго до вторжения арийцев – и это значительно меняет всю картину.

Теперь мы убедились, что индоевропейцы были воинами-захватчиками, и в каждом захваченном регионе они полностью стирали с лица земли местную цивилизацию, усваивая при этом ее элементы. В результате такого синтеза сформировались культуры высокоразвитого Золотого века Древней Греции. Ранние цивилизации поклонялись Богине; более поздние – богам-мужчинам. В Юго-Западной Азии это ярко проявилось, когда во время вторжения семитов в Месопотамию, Египет и дальше главным интересом этих жестоких кочевых народов было оружие.

Примерно в 1800 г. до н. э. индоевропейцы с севера научились приручать лошадей и изобрели боевые колесницы. Они были абсолютно непобедимы, их боевые колесницы мчались повсюду – в Европе, Египте, Персии. Во времена династии Чан в Китае, около 1523 г. до н. э., поразительная мощь этих людей потрясала весь евразийский мир.

Погребальные курганы и обряд сати

Типичная для индоевропейцев постройка – это курган, или могильный холм, в русском языке звучит как *kurgan* . Мария Гимбутас обозначает различные культуры, для которых типичны подобные сооружения, культурами курганов. Индоевропейцы вторгались волнами в регионы Древней Европы, Восточной Балтии и Средиземноморья, где уже сложились культы Богини-Матери.

Когда произошло вторжение курганной культуры, в бывших земледельческих и

торговых сообществах стали главенствовать сообщества воинов и появились так называемые *акрополи,* то есть крепости воинов. Их погребальные комплексы свидетельствуют о новых принципах стратификации общества. Как говорит Гимбутас,

> «Обычно гробницы правителей располагаются отдельно от кладбищ других членов сообщества… Похоронные обряды указывают не только на социальные различия, но и на главенствующую роль мужчины в этом сообществе: в первой и центральной могиле в таком кургане, как правило, похоронен мужчина, возможно, отец семейства или старейшина деревни. Женщинам и детям отводятся второстепенные места. Старая индоевропейская традиция предполагает, что мужчина, глава семьи, обладает неограниченной властью над собственностью жены и детей и что его жена должна умереть вместе с ним. Это подтверждается при раскопках, когда обнаруживаются двойные захоронения мужчины и женщины, какого-то взрослого и нескольких детей, которых положили в могилу одновременно. То, что это – родители и их дети, было выяснено с помощью исследования костей».[66]

Рис. 33. Александропольский курган (могильный холм, меднокаменный век (энеолит), Россия, IV в. до н. э.)

В мифологиях воинов доминировал бог солнца, а женские божества были связаны с разными планетами и с луной. Похоронный обряд *сати* (ритуальное сожжение заживо или принесение в жертву вдовы и захоронение ее вместе с усопшим мужем) восходит к этим историческим эпохам и до сих пор существует в современной Индии. В захоронении, известном под названием Вдова Воина, которое находится в Македонии, жена покоится рядом с усопшим мужем. Вместе они отправились в потусторонний мир. Героизм жены заключается в добровольном уходе из жизни, чтобы вместе с мужем войти в бессмертие. Двое воссоединяются: и муж и жена – это два разных аспекта бытия. Обычно мужчина умирает первым – он может пасть в бою. Умирая и отправляясь в загробный мир, он призывает жену присоединиться к нему, чтобы разделить друг с другом вечность. Она становится спасительницей павшего героя. Поэтому когда Богиня отправляется в загробный мир, подобно Иштар и Брунгильде.[67] В этом заключается странствие героя, где двое – мужчина и женщина – воссоединяются в вечной жизни.

Название обряда *сати* происходит от санскритского слова *satī* , причастия женского рода от глагола «быть». Иными словами, если сказать о женщине *satī* , это значит, что она – *есть* . То есть она прошла свой жизненный путь как жена, для того чтобы последовать за своим мужем и в смерти. Женщина, которая не совершит такой ритуал, будет называться *a-satī* , то есть «никто». В подобных традиционных обществах человек обретает себя, всю свою жизнь соблюдая ритуалы, во всем следуя букве законов, установленных в обществе. С подобным отношением ассоциируется определенная мифология. Например, в Индии с древних времен можно увидеть особые памятники на местах обряда *satī* с изображением женской руки, которая жестом шлет свое благословение. Это рука Венеры, богини любви. Такой поступок женщины приносит спасение и ей, и ее мужу. Здесь важнее всего вечность, которую они должны провести вместе, а не происходящее в физическом мире.

---

[66] Gimbutas, *The Kurgan Culture and the Indo-Europeanization of Europe: Selected Articles from 1952 to 1993* , Miriam Robbins Dexter and Karlene Jones-Bley, editors (Washington, D.C.: Institute for the Study of Man, 1997), p. 89–90.

[67] Персонаж древнего скандинавского эпоса «Старшая Эдда», которая покончила с собой после смерти любимого мужа.

Позднее в Месопотамии, Египте и Китае мы обнаруживаем захоронения людей, погребенных заживо.[68] Такие захоронения стирают все личное в человеке, всякий его индивидуальный опыт, его боль или наслаждение, его личные суждения. Эти люди как солдаты, а хороший солдат исполняет приказ и не отвечает за сделанное, а лишь за то, насколько хорошо это было сделано. Рассуждая о мифологии воинов, важно понимать, что именно так были устроены эти сообщества.

Итак, проблема состоит в том, чтобы связать нас сегодняшних – с нашим индивидуализмом и личной ответственностью – с этими мирами, но так, чтобы они нас не поглотили. Когда индийский гуру приезжает преподавать в Соединенные Штаты, он учит так, чтобы растворить в человеке все индивидуальное, согласуя свое учение с той мифологией, которую он представляет. Но обряд *satī* ассоциируется не только с богом, но и с богиней, потому это очень важный вопрос.

Микены

После извержения вулкана на острове Тера индоевропейские Микены стали главным источником культуры в эгейском сообществе. Арийское влияние очевидно прослеживается в микенской стеле, где изображена боевая колесница (рис. 34). Обратите внимание на то, что в этой широкой двухколесной повозке вы видите мандалу, сложенную из изображения колеса и его оси. Эта ось очень важна, являясь центром, вокруг которого вращается весь мир. Движение и состояние покоя едины, а ось символизирует неподвижную точку в душе человека – точку неподвижности. Именно здесь должен находиться тот, кто действует, – атлет, актер или писатель. Она не приходит полностью в движение – существует равновесие между покоем в центре и движением вокруг него. Таким образом, колесо боевой колесницы – это точка духовного покоя, конь – бешеная динамическая энергия тела, а возница – ум, контролирующий все происходящее.

У великих врат Микен (рис. 36) Богиня теперь изображена абстрактно – как колонна, у которой стоят ее животные-спутники. Она символизирует мировую ось. Отбитые головы животных и то место на их теле, где они должны были бы находиться, указывают, что это могли быть или львы, или грифоны,[69] подобно изображениям на критских памятниках.

Рис. 34. Боевая колесница (резьба по камню, Микены, Греция, 1500 лет до н. э.)

Посмертная маска воина (рис. 35), найденная в Микенах (названная Генрихом Шлиманом «Маской Агамемнона»), свидетельствует о том, что у индоевропейцев были грубые, крепкие тела, в отличие от эгейцев, обладавших более хрупким телосложением. Две различные расы слились воедино в новой микенской культуре.

Здесь прослеживается весьма интересная закономерность этого исторического периода, которая в равной степени относится и к семитскому, и к арийскому вторжению. Во-первых, кочевые племена пришли как воины-захватчики, а затем они стали усваивать более изысканную культурную систему завоеванных народов. Мифология завоевателей соседствует и впитывает в себя местные традиции, где центральной фигурой является Богиня. Это сочетание затем трансформируется в более позднюю мифологию эпохи Античности. Такого рода усвоение более древней и высокоразвитой культуры, которая служит целям новой, менее развитой культуры, особенно ярко выражено в Библии, в Книгах

---

[68] [См. Campbell, *The Masks of God: Primitive Mythology* , pp. 405ff.]

[69] [См., например, John Bintliff, *The Complete Archaeology of Greece: From Hunter-Gatherers to the 20th Century a.d.* (Chichester, England: John Wiley and Sons, 2003), p. 200.]

Исхода и Иисуса Навина.

То же самое происходило и во время вторжения индоевропейцев в эпоху неолитических культур Древней Европы. Матриархальный общественный уклад тогда не был вытеснен патриархальным, как пытались утверждать некоторые ученые, создавшие классификации этапов развития доисторической Европы. Скорее всего, индоевропейская культура наслоилась на культуру Древней Европы.

Рис. 35. Посмертная маска воина (золото, Микены, Греция, 1500 лет до н. э.)

Рис. 36. Львиные ворота в Микенах (резьба по камню, Греция, 1500 лет до н. э.)

Гимбутас пишет в своей книге:

> «Исследования мифологических образов дают нам одно из лучших доказательств, что в Древней Европе мир не был протоиндоевропейским и что не было прямой, не встречавшей на своем пути препятствий линии развития от нее к Европе современной. Самая ранняя европейская цивилизация была варварски разрушена патриархальными силами, после чего так и не смогла восстановиться. Однако ее наследие подспудно сохранялось все это время, подпитывая дальнейшее развитие культуры. Творения Древней Европы не были утрачены; они видоизменились и невероятно обогатили европейскую духовность».[70]

На рис. 37 мы видим двух богинь рядом с маленькой мужской фигуркой, идущей от одной богини к другой. Это древняя двойная Богиня, мать жизни и мать смерти. Женственность предстает здесь в двух ипостасях, а мужчина символизирует активную силу, движущуюся от одной женской ипостаси к другой, из ночи – в день, от смерти – к жизни. Эта сила присутствует и в женщинах, и в мужчинах, а природа, воплощенная в двух женщинах, живет и в мужчине. Вопрос в том, что для нас здесь важнее. Маленький человек перед ними, возможно, Посейдон, культ которого существовал в тот период.

Рис. 37. Богини и ребенок (слоновая кость, Микены, Греция, 1300 лет до н. э.)

Посейдон – повелитель водной стихии, он держит в руках трезубец, он находится в середине, между двумя противоположностями. Водная стихия, которой он повелевает, это не просто соленая морская вода, это и воды подземных глубин, оплодотворяющие землю. Иногда Посейдона изображают с бычьими копытами на ногах, потому что его всегда сопровождает бык. В христианской традиции преемником Посейдона стал дьявол, который держит трезубец, и у него тоже копыта на ногах. Вот что случилось с Повелителем, воплощавшим жизненные силы, когда его победила система, где любой естественный импульс считается греховным.

Точно так же Шива вооружен трезубцем, и его сопровождает бык. Шива – это воплощение *лингама* , божественной энергии, оплодотворяющей лоно Богини, несущей животворную силу. Главные его символы – *лингам* , который соединяется с *йони* , женским органом, в который проникает мужской орган. Шива и Посейдон представляют старую традицию, когда была распространена мифология Богини-Матери, исторический период наших первых древних обществ.

В иконографии индуизма Шиву нередко изображают вместе с Шакти, богиней Парвати.

---

[70] Gimbutas, *Goddesses and Gods* , p. 238.

У Шивы есть трезубец и бык по имени Нанди, а Парвати часто изображается одетой в шкуру леопарда или львицы. И мы снова видим, что бог ассоциируется с лунным быком, а Богиня – с солнечным львом. Это старая история, которая продолжает жить, а не подавление, с которым мы сталкиваемся в библейской традиции. Библия уничтожает Богиню, а в индийской традиции Богиню почитают как Мать, и в Древней Греции тоже полновластно правит Богиня.

Здесь важно признать связь между этими мифологиями, понимать, что, изучая одну из них, вы имеете дело и с другой. Великий погребальный курган, *акрополь* , и погребальный обряд сати – это части единой мифологии.

Другим ключом к разгадке этой связи является Линейное письмо Б, которое Майкл Вентрис расшифровал, распознав в нем древнюю разновидность греческого языка. Открыв позднюю критскую и домикенскую культуры Эллады, что он обнаружил? Он обнаружил имена Диониса, Афины и Посейдона. Это не божества ведического пантеона, они принадлежат более древней критской культуре, то есть эти божества существовали еще до прихода арийцев.

По континентальной части Греции прокатилось несколько волн вторжения арийцев. Сначала ионийцы, затем эолийцы, последними пришли и обосновались дорийцы. Они внедрились не только на греческий полуостров, но и в Малую Азию. Так что троянцы, на которых напали греки, фактически принадлежали к одной с ними расе индоевропейцев, заселивших это благоприятное место на входе в Босфор («Коровий пролив», названный так в честь Европы, которая, как гласит легенда, переплыла его в облике коровы), где встречаются Азия с Европой. Троя стала процветающим и очень могущественным городом, которому предстояло быть разрушенным. Набеги на нее начались около 1200 г. до н. э. В период Троянских войн – с 1800 по 1190 г. до н. э. – существовавшая там цивилизация была практически стерта с лица земли. Она начинает восстанавливаться в VIII столетии, тогда же и возникает военная тема в искусстве. Это также и период творчества Гомера, современника ранних текстов Книги Бытия в Библии.

Дорийцы принесли с собой два разных стиля ведения войны и два различных вида вооружения. Первый – бронзовый меч или копье и тяжелый щит из бычьей кожи, защищавший все тело. Воин закрывался этим щитом и из-за него наносил удары. Более поздний вид вооружения представлял собой относительно легкий щит, который носили на левой руке, и оружие из железа. Оба эти вида вооружения, разительно отличающиеся друг от друга, описываются в *Илиаде* . Начало *Илиады* относится к бронзовому веку, а ее окончание – к позднему железному веку, поэтому в эпосе присутствуют оба вида вооружения.

В одной группе табличек с Линейным письмом Б в старом дворце Нестора в Пилосе рассказывается о том, как двигались войска. Вторжение начиналось с севера в эпоху Троянских войн, в тот же самый период, что и вторжение дорийцев. Получается, что арийцы вторгались в эгейскую южную зону несколькими волнами. Вспомним, что и нападавшие, и защитники Трои принадлежали к одним и тем же семьям арийцев. Поэтому на найденных во дворце Нестора глиняных дощечках с Линейным письмом Б до нас дошло последнее послание из доарийского исторического периода Эллады: появляются захватчики, и возводятся крепости и убежища для женщин и детей. Дальше – тишина.

Рис. 38. Исида с младенцем Гором (бронза, поздний период, Египет, 680–640 гг. до н. э.)

Глава 4

Шумерские и египетские богини[71]

Область абстрактного: азвитие цивилизации

Для того чтобы перейти к следующей части нашей истории, нам необходимо отправиться в более древние времена, примерно в IV тысячелетие до н. э., и уделить внимание долинам рек Тигр, Евфрат и Нил. Сельское хозяйство и одомашнивание животных в Древней Европе произошли примерно в X тысячелетии до н. э. Но цивилизация в тех областях, которые раньше именовали зоной Плодородного Полумесяца, не возникала до IV тысячелетия до н. э. Люди переселились из ранних неолитических поселений Малой Азии и Юго-Восточной Европы в долины великих рек, и это дало начало высокоразвитым цивилизациям. Поселившись там, у огромных рек, люди должны были организовать свое общество самым серьезным образом, чтобы справиться с наводнениями и отводом поступающей воды, но большим преимуществом было то, что ежегодные разливы рек удобряли почву.

В 3500 г. до н. э. в Месопотамии появились первые города, именно там впервые возникли общества с социально дифференцированными функциями отдельных людей. В простом кочевом племени все взрослые в одинаковой степени контролируют общее культурное наследие. Крупные сообщества развиваются в том случае, когда люди могут оставаться на одном месте, где есть постоянная возможность заниматься сельским хозяйством. Такое развитие многочисленных городских сообществ сталкивается с важной мифологической проблемой, поскольку их жители начинают выполнять различные задачи, и у каждого возникают свои специфические заботы. Появляются профессиональные правители, профессиональные жрецы, профессиональные торговцы и т. д. Те, кто занимается торговлей, никогда и не притронутся к плугу. Поэтому образуется нечто подобное сохранившейся по сей день в Индии системе четырех каст: жрецы, правители, те, кто контролирует деньги, и слуги. Таким образом, люди объединяются в дифференцированные группы, и именно в это время впервые и возникает образ мандалы.

Духовным центром каждого города был храм со своими жрецами. Развивались письменность и математика, основанная на десятичной и на шестидесятеричной системе. На основе числа 60 мы до сих пор измеряем части окружности. Наблюдения за райским небосводом записывались, что позволяло наблюдателям фиксировать увиденное, в результате чего возникли представления о закономерностях движения планет возле неподвижных звезд, созвездий и доступных визуальному наблюдению планет. Сначала были Земля, Солнце и Луна, потом жрецы-астрономы обнаружили Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер и Сатурн – семь небесных тел, в честь которых были названы дни недели. Они признали существование математической закономерности в движении планет, поэтому возникла новая концепция космического порядка, которая по сути своей была математической.[72]

Итак, люди всех времен знали о движении планет, в особенности Солнца и Луны, но теперь они связывали их с математической системой. Возможно, это самая важная трансформация представления о Вселенной в истории человеческого сознания. Древние земледельцы и скотоводы интересовались происходящими в мире исключительными вещами: вот необыкновенное животное приходит и приносит нам какую-то весть, вон

---

[71] [Эта глава составлена на основе прочитанной Кэмпбеллом лекции под названием “The Goddess in Crete and Sumer” на трехдневном симпозиуме с 4 по 8 апреля, 1983 (L1154); лекция называлась “The Mythic Goddess” и была прочитана 18 мая, 1972 (L445); а также транскрипте не записанной на видео лекции “Great Goddess” от 21 апреля, 1983, прочитанной им в New School for Social Research in New York City.]

[72] [См. Campbell, “The Mystery Number of the Goddess,” *The Mythic Dimension* , где он проводит детальный разбор развития мышления, с использованием чисел, применительно к космологии в различных мифологиях.]

чудесное дерево, а там – пруд. Но теперь умы людей начинает занимать скоординированность и предсказуемость происходящего. Так начинается новый этап развития цивилизации. Мы совершили скачок от Матери-Земли и ее детей – к Матери-Космосу и устройству Вселенной, и оказалось, что математика каким-то образом стала ключом к пониманию природы Матери-Богини, которой принадлежит весь мир.

Концепция математически измеримого космического порядка, управляющего всем миром, воплощается в образе Богини, о чем я уже упоминал: не Матери-Земли, а Космической Богини, небесного свода над нами, той материнской утробы, в которой мы все пребываем. Богиня становится центральной фигурой. Богини судьбы – греческие Мойры и скандинавские Норны – управляли жизнью человека, и эта безличная сила представала в образе женщины. Эту идею символизировали древние фаллические образы *лингама* и *йони*, когда мужской орган изображался проникающим снизу в орган женский. Рассматривая этот символ, отражающий проникновение божественной трансцендентной энергии в мир времени и пространства, мы сами при этом словно находимся в утробе Богини, приобщаясь к чуду постоянного сотворения мира и восхищаясь им, когда трансцендентное постоянно струится и проникает в область временных и непостоянных явлений. Именно в этой области пространства и времени мы все и живем, именно в ней существуют пары противоположностей и категории мышления, которыми мы все оперируем. Богиня логики и Богиня пространства и времени замыкает нас в нашем собственном мышлении и в нашем действии. Так что даже имена бога и формы, которые он принимает, когда мы ему поклоняемся, – это нечто свойственное Ее детям. Она – самое первое и самое древнее божество, наша Мать, и ее утроба – это наш мир, в котором мы замкнуты.

Сначала мы увидели ее на старых наскальных рисунках и в образах первобытных статуэток. Теперь она живет в мифах, порожденных нашими традициями, где она изображается как Мать того мира, в котором живут даже боги. Выходя за его границы, вы попадаете за пределы того, что поддается осмыслению, вы находитесь за рамками категорий бытия и небытия. Она – самое первое, что существовало в мире.

Примерно в 4000 гг. до н. э. в шумерских городах возникает понятие об организованном, ограниченном эстетическом пространстве, появляются различные абстрактные изображения. В центре керамического блюда из шумерского города Халафа, которое вы видите на рис. 39, показан процесс цветения в виде маленького цветка Вселенной. В центре цветка, как и в центре города, находился храм. Важно, что изображение разделено на квадраты. Это композиция целого города, где изображаются четыре касты. В искусстве эпохи палеолита нет подобной целостности, там присутствует мотив пещеры и более или менее реалистичное изображение животных. А на этом абстрактном рисунке присутствует приятная глазу эстетическая композиция, балансирующая четыре квадрата и четыре касты. Здесь мы видим четыре угла и выделенный центр.

Орнамент из крестов часто утонченно изображался в виде свастики, обозначающей четыре части света, которые двигались вокруг своей оси. В центре обозначалась ось движения мира в пространстве времени. Посмотрите на следующий пример (рис. 40) – из города Самарры в Ираке. Поражает его эстетическая элегантность и простота форм. Космическое древо в центре представляет мировую ось, другими словами – саму Богиню, которую сопровождают животные.

Еще на одном образце росписей из Самарры (рис. 41) композиция рисунка значительно напоминает то, что мы видели на рис. 39. Она строится на квадратах и четырех углах, что в сумме дает число 8. Развевающиеся по ветру волосы женщин складываются в свастику. Как и в былые времена, женщина находится в центре мироздания.

Рис. 39. Область абстрактного (керамика, меднокаменный век (энеолит), Ирак, 5000 лет до н. э.)

Рис. 40. Богиня в окружении животных и свастик (керамика, меднокаменный век (энеолит), Ирак, 4000 лет до н. э.)

Рис. 41. Фигурки женщин в окружении скорпионов (керамика, меднокаменный век (энеолит), Ирак, 4000 лет до н. э.)

Во время раскопок в городе Хафадже был обнаружен древнейший храм; еще один, очень на него похожий, – в поселении Аль-Убайд, датированном 3500 г. до н. э. Они были посвящены богине Нинхурсаг (или Ки), Владычице лесной горы.[73] Во всех древних шумерских городах храм являлся центром поселения и самым большим зданием. Храмы, посвященные Богине, строились в форме коровьей вульвы.[74] Священная корова, которую до сих пор почитают в Индии, является воплощением Матери-Вселенной в облике животного. Богиня-корова – это Богиня-Мать всего мира, и с ней в этот мир приходят все блага, вся энергия, все люди.

В своем исследовании *«Миф Богини: Эволюция образа»* Анна Баринг и Жюль Кэшфорд высказывают следующую мысль:

> «Богиня по имени Ки, или Нинхурсаг, была одним из главных шумерских божеств, “мать всего живущего”: мать богов и всего человечества; мать самой земли, почвы и скал, всех растений и злаков, которые из нее выходят…
>
> Предположительно, ложе, на котором рожали женщины, ассоциировалось с храмом, овчарней, коровником или амбаром для хранения зерна. Все первые собранные плоды и родившиеся детеныши животных в первую очередь принадлежали богине, потому что она – Великая Мать, и поэтому их приносили в ее храм, а оттуда жрецы раздают эти дары людям, которые ей поклоняются, или скармливают их животным».[75]

Обратите внимание на то, что у шумеров одним и тем же словом обозначают *овчарню, утробу, вульву, чресла* и *колени*.[76]

В ту же эпоху начинают строить зиккураты. В этих сложных храмовых комплексах жрецов воспринимали как пастырей весьма специфического стада. Молоко этих коров считалось молоком Богини, священной амброзией, и его пили представители семьи правителя. Это символическое действие было призвано вызывать у пьющего чувство приобщения к таинственному источнику существования человека, а также объясняло, отчего у каждого человека своя особенная функция в обществе.

---

[73] P. Delougaz, “A Short Investigation of the Temple at Al-’Ubaid.” (*Iraq* 5, 1938), pp. 1–11.

[74] [См. Harriet Crawford, *Sumer and Sumerians*, 2nd ed. (Cambridge, England: Cambridge University Press, 2004), p. 80. Она указывает: «Из трех известных нам примеров два относятся к богиням, один из обнаруженного в аль-Хибба, связанный с Иннаной, а другой из аль-Убайда, связанный с Нинхуршаг. Предположительно, артефакты овальной формы были связаны с женскими божествами. Лучше всего сохранились те, что были обнаружены в храме Овал в Хафайе (Khafaje) (Delougaz 1940).”]

[75] Baring and Cashford, *Myth of the Goddess*, p. 190.

[76] Diane Wolkstein and Samuel Noah Kramer, *Inanna: Queen of Heaven and Earth* (New York: Harper & Row, 1983), p. 146.

Рис. 42. Овальный храм в Хафадже (художественная реконструкция, шумерская культура, Ирак, 3500 лет до н. э.)

Рис. 43. Фриз из храма в городе Аль-Убайд (резьба по камню, шумерская культура, Ирак, 3000 лет до н. э.)

Насколько нам известно, именно у шумеров возникла первая в мире высокоразвитая цивилизация. В течение долгого времени считалось, что самыми древними языками были семитские, ученые так и говорили: «Это тайные письмена древних семитских жрецов». Как ни трудно было расстаться с этим мнением, но в конце концов пришлось это сделать. Язык шумеров не был родственным ни с семитскими, ни с индоевропейскими языками.

А сейчас я хочу познакомить вас с Богиней-Львицей (или напомнить вам о ее существовании). На шумерском фризе из Храма Быков в Уруке (рис. 44) изображен знакомый мотив: солнечный лев-орел пожирает луну-быка. Лев и орел – это эквивалентные символы солнечной энергии, представляющие Богиню. Это не простой, а мифический бык – из суставов на его ногах исходят потоки энергии, а правая часть его лба направлена на полумесяц, вершину космической горы. Энергия быка направлена вниз, словно оплодотворяя Богиню-Землю. И огорчает ли его то, что лев-орел его пожирает? Нет, он улыбается. Бык символизирует тайну энергии, которая вливается в наш мир, постоянно разрывается на части и возрождается вновь, – что мы и наблюдаем каждый месяц на небе, когда луна сначала умирает, а потом снова начинает прибывать.

На вавилонской печати (рис. 45) изображена Богиня со змеей – как и на Крите. Когда этот артефакт обнаружили в 1920-е гг., то увидели в нем предысторию знаменитого библейского сюжета.

Рис. 44. Лунный бык и Птица-лев (терракота, шумерская культура, Ирак, 2500 лет до н. э.)

Рис. 45. Бог и Богиня со змеей позади, сидящие у Древа жизни (глиняная печать, шумерская культура, Ирак, 2500 лет до н. э.)

Но в этой мифологии грехопадения нет. Дерево, которое мы видим здесь, – это Древо Вечной Жизни – мировая ось Богини, а бог-мужчина с лунными рожками, похоже, спустился сюда, чтобы угоститься плодом с этого дерева, который ему предлагает Богиня, за спиной у которой мы видим змею. В библейской мифологии это Ева и змей, которые угощают фруктом бога-мужчину. Но в этой шумерской мифологии грехопадения не происходит. «Иди сюда, освежись», – говорит Богиня.

Книга Бытия на самом деле представляет собой перевод, в патриархальном иудейском стиле, мифологии древних шумеров, которая древнее этой книги на тысячу лет.

На знаменитой вазе, обнаруженной в древнем городе Уруке (рис. 46), жрецы нарисованы обнаженными, они несут какие-то сосуды на вершину пирамиды или горного храма, а скол в вазе находится там, где предположительно должен быть стоящий правитель, который что-то говорит или предлагает. А перед еще одним жрецом, который держит подношение правителю, может быть изображена Богиня в одном из своих воплощений – в Уруке ее звали Инанна. Две колонны за ее спиной – это типичный признак значимости храма в этой культуре.[77]

---

[77] [Кэмпбелл цитирует работу Andrée Parrot, в своей работе *The Mythic Image,* интерпретируя изображение на вазе Варки, тему культа богини Иннин. Предположительно, это один из вариантов имени

Богиню почитали как высшее божество. В шумерской культуре ее называли или Иштар, или Инанна (под этим именем она упоминается в *Сказании о Гильгамеше*). На скульптурном изображении (рис. 47) мы видим ее в чрезвычайно важной роли – в роли музы. Эта маска – самое раннее, утонченное и очаровательное изображение женской головы, и не было найдено ничего подобного ей, что бы относилось к этому историческому периоду. Глаза, без сомнения, были изготовлены из лазурита, брови – тоже из лазурита или эбенового дерева, а на голове у нее должен был быть парик.

Рис. 46. Ваза из Варки (резьба по алебастру, шумерская культура, Ирак, 3000 лет до н. э.)

Рис. 47. Голова из Варки (резьба по мрамору, шумерская культура, Ирак, 3200 лет до н. э.)

В изображениях женщин эпохи раннего палеолита и неолита подчеркиваются грудь и бедра, когда женщина представлена как рожающая Богиня плодородия. Но в описанном примере угадывается иное отношение к плодородию, это – плодотворность духа. Подобно тому как Богиня превращает прошлое в будущее, она преображает жизнь материальную в жизнь духовную. Здесь женщину показывают не как источник физической жизни, а как музу, трансформирующую дух.

Рождение от Непорочной Девы есть рождение нашей духовности – вот что здесь сообщается. Другие изображения Богини в этом смысле не столь утонченны, но они многое говорят нам о том, что происходит в данный момент.

Фигурки так называемых глазастых богинь (рис. 48) – это еще один облик Богини, где главное не физическое рождение, а рождение духовное. Вероятно, у большинства богинь были голубые глаза, напоминающие синь высших небесных сфер. Это очень важный момент, потому что теперь перед нами не только Богиня Земли, женственность которой ассоциируется с плодородием. Существует множество символов Богини, которые в большей степени связывают ее образ с чем-то большим, чем просто физический аспект Земли. От нее исходит высшее вдохновение жизни, физической и духовной.

А теперь отправимся вместе с «глазастыми богинями» на Британские острова и в Скандинавию. В эпоху бронзового века, как я уже упоминал, научились делать сплав меди и олова. Где бы ни находили олово – в Трансильвании, на Балканах, в Корнуолле, – всюду были и шахты с поселением вокруг них. И там мы сталкиваемся с культурой бронзового века и его прекрасными произведениями искусства из бронзы и золота.

Рис. 48. Раннешумерские изображения «глазастых» богинь (алебастр, Сирия, 3500–3000 гг. до н. э.)

Карта 4. Территория распространения фигурок «глазастых богинь» и связанных с ними традиций

В 1920-е гг. английский археолог сэр Леонард Вулли проводил раскопки перед

Иннана, от более раннего Нин-ана («повелительница рая»). Но Гельб (Gelb) выражает иную точку зрения, утверждая, что Иннин – это более древний корень имени и он связан с другой богиней (1960). I. J. Gelb, “The Name of the Goddess Innin” *Journal of Near Eastern Studies* 19, no. 2 (Chicago, IL: University of Chicago Press, April, 1960), pp. 72–79.]

зиккуратом из Ура. Им были найдены так называемые царские гробницы Ура.[78] Вулли обнаружил не только похороненных царя и царицу, но и всех их придворных, повозки, в которые запрягали быков, возниц, танцовщиц и музыкантов.[79] Судя по состоянию скелетов, все они спустились в гробницу живыми; неизвестно, было ли совершено ритуальное убийство царя или он умер естественной смертью. Царь был похоронен со всей своей свитой, затем это захоронение засыпали, а сверху была похоронена царица (ее имя, Пуаби, было вырезано на печати из лазурита) со всей ее свитой. Женщину воспринимали как воплощение космического порядка, пробуждающее к будущей жизни, и когда умирал мужчина, женщина умирала вместе с ним, чтобы спуститься за ним в подземный мир и даровать ему жизнь. Это главный смысл обряда *сати* .

А что, собственно говоря, значит «быть героем»? Герой – это не тот, кто забил шестьсот голов на матчах за всю свою жизнь. Герой посвящает свою жизнь какому-то важному делу или отдает ее за других людей. Героизм и самопожертвование женщины в том, что, исполняя роль жены и представляя единое целое со своим мужем, она спускается в подземный мир вместе с ним и дарует ему вечную жизнь. Этот мотив звучит в великой истории о подземном путешествии Иштар, которая хочет вернуть своего мужа Таммуза в мир живых. Это великий миф о Богине, спустившейся в подземный мир, чтобы принести дар вечной жизни себе и своему мужу. В основе древних традиций лежит образ женского предназначения быть не только создательницей космоса, но и спасительницей внутри этого космоса.

Рис. 49. Головной убор принесенной в жертву царицы Пуаби (золото, шумерская культура, Ирак, 2500 лет до н. э.)

Одно из древнейших письменных изложений сказаний о странствии героя – возможно, созданное до эпоса о Гильгамеше, – шумерский миф о том, как небесная богиня Инанна спустилась в подземный мир.[80] История про «Нисхождение Инанны» была высечена на табличках, относящихся к 1750 г. до н. э.; они пролежали в земле около 4000 лет в руинах Ниппура, культурного и духовного центра шумеров.[81]

С Великих Небес к Великим Недрам
Помыслы обратила.
Богиня с Великих Небес к Великим Недрам
Помыслы обратила.
Инанна с Великих Небес к Великим Недрам
Помыслы обратила.
Моя госпожа покинула небо, покинула землю,
В нутро земное она уходит.
Инанна покинула небо, покинула землю,
В нутро земное она уходит. [82]

---

78 Sir Leonard Woolley, *Ur of the Chaldees* (Quebec, Canada: InExile Publications, 2012).

79 [См. Campbell, *Atlas* , vol. 2, pt. 1, p. 80.]

80 [См. Campbell, *Hero with a Thousand Faces* , pp. 87–89, 185–86.]

81 Wolkstein and Kramer, *Inanna* , p. 127.

82 Перевод В. К. Афанасьевой.

Рис. 50. Инанна (терракота, шумерская культура, Ирак, 2300–2000 гг. до н. э.)

На каждом из семи порогов в подземный мир Инанна должна что-либо снять с себя (одежду или украшение), поэтому она прибывает в царство своей сестры нагой, лишенной всех земных одежд. Когда она, в конце концов, достигает самых глубин, ее сестра Эрешкигаль, повелительница подземного мира, убивает ее «смертельным взглядом» и крюком подвешивает труп на столбе на три дня.

Когда Инанна не вернулась из подземного мира, ее служитель Нниншубур обращается за помощью к Энки, богу ремесел. Он отправляет в подземный мир своих слуг. Когда те спустились в подземный мир, Эрешкигаль страдала от родовых схваток. Они пожалели ее, и она в награду отдала им труп Инанны. Инанну оживили, и она поднялась в верхний мир, где все оплакивали ее исчезновение – кроме ее мужа Думузи. Поскольку вместо себя Инанна должна была отправить кого-то в загробный мир, она выбирает для этого Думузи.

Нашествие семитов: Саргон и Хаммурапи

Начало бронзового века, безусловно, было ознаменовано вторжением захватчиков, которые принесли с собой свое оружие и свои мифологии.

В Месопотамии это были семиты-аккадцы.

Рис. 51. Саргон из Аккада (бронза, шумерская культура, Ирак, 2300 лет до н. э.)

Первым великим семитским правителем был Саргон I, правивший примерно в 2300 г. до н. э. История его жизни звучит знакомо: его мать была простолюдинкой и жила у реки. Когда у нее родился сын, она сплела маленькую корзинку из камышовых листьев и промазала ее смолой, чтобы та не промокала. Потом она положила туда своего младенца и пустила корзинку по реке, вниз по течению, вдаль, к царским садам.

Младенца нашел и воспитал царский садовник. Когда мальчик вырос, то стал возлюбленным богини Иштар. Царь с уважением относился к нему, и в конце концов тот стал Саргоном I.

Рис. 52. Хаммурапи получает кодекс законов от бога Шамаша (резьба по граниту, Вавилон, Ирак, 1780 г. до н. э.)

Хаммурапи правил новым городом-государством Вавилоном до своей смерти в 1750 г. до н. э. На одной из стел, где выбит текст его знаменитого кодекса законов (рис. 52), вы видите, как Хаммурапи получает эти законы от бога солнца Шамаша, от плеч которого расходятся солнечные лучи. В мифологиях воинственных народов мы впервые обнаруживаем, что солнце мужского рода, а луна – женского.

Правление Саргона (2300-е гг. до н. э.) и Хаммурапи (1793–1750 гг. до н. э.) знаменует вторжение мужских традиций в города-государства Месопотамии, куда из Сирийско-Арабской пустыни совершали набеги семиты.

Это были отчаянные воинственные народы. Они не обращались к звездам с вопросом: «Пришло ли мне время сойти в могилу?»; они делали так, чтобы туда отправился кто-то другой, и предлагали подземному миру дары вместо собственной жизни, оставаясь хозяевами положения.

И вот появление семитов в древнем мире, где правила Богиня, отражается в новой мифологии: великая история о Мардуке, мужественном солнечном боге, восставшем против

повелительницы бездны Тиамат, которую здесь считают демоном.[83] А ведь на самом деле она – Мать богов. Он убивает ее, разрубает на куски, из верхней части ее тела создает райские высоты, а из нижней части – подземный мир, из ее крови он сотворил людей и т. д. и т. п.

Как мило поступили с бабушкой! Так родилось убеждение, что бог-творец был мужчиной. Впервые прочитав об этом, я подумал: «Если бы Мардук подождал пару минут, она и сама бы сделала все это». Ведь она и правда сама становится окружающим нас миром, добровольно жертвует своим телом, но делает вид, что так произошло по воле Мардука. Но вот что интересно – и этому нас научила психология: там, где появляется мужчина, происходит разделение, а там, где появляется женщина, происходит объединение. Например, именно жена бизона объединяет два противоборствующих мира – мир людей и мир животных. Мать объединяет своих детей. Именно с понимания того, что отец отличается от матери, начинается разделение и приходит осознание различий всего вокруг.

В мужественных семитских мифологиях мы впервые сталкиваемся с разделением человека и божественности. Таков один из самых важных и принципиальных мотивов в истории мифологии: вечная жизнь и единство со Вселенной теперь нами утрачены. Мы отрезаны от Бога, Бог отрезан от созданного им мира, человека настроили против природы, а природа ополчилась на человека.

В мифологиях Великой Матери ничего подобного нет.

Вот что еще интересно: во всех других известных мне мифологиях главные божества воплощают природу, в нас и вокруг нас, а предок племени всегда играет второстепенную роль.

В шумерских мифологиях все наоборот. Главное божество во всех семитских традициях – это местное божество, дух предков. Как я уже подчеркивал, когда ваши боги похожи на богов других людей, вы можете сказать: «У вас он зовется Зевс, а у нас – Индра». Но если ваше главное божество – местный предок вашего племени, такого уже не скажешь.

Так рождается мысль о собственной исключительности; подчеркивается значение социальных установлений или законов общества и возникает стремление противодействовать природе. Вся история Ветхого Завета – это история противоборства Яхве культам природы. Богиню называют мерзостью, ее и ее богов считают демонами, отказывая им в божественности. При этом возникает чувство, что божественное не находится *внутри* нас, божественное – снаружи. Молитва устремлена вовне, тогда как в древние времена она была направлена внутрь, к имманентной божественности. После таких изменений как же можно приобщиться к божественному? Через особую социальную группу: племя, касту, церковь.

Вот что главное в мужественных верованиях по сравнению с верованиями, связанными с Богиней; если нечто подобное происходит в области психики человека, то начинают преувеличивать роль отца; унижая природу, вы унижаете и женщину. Ницше называет это гамлетовским состоянием души: преклонение перед отцом и обращенные к Офелии слова: «Офелия, иди, топись!»

О, если б ты, моя тугая плоть,
Могла растаять, сгинуть, испариться! [84]

И вот человек уже ненавидит свое тело, природу, желая избавиться от них. Такое

---

83 [Тиамат – это богиня-прародительница в вавилонской мифологии. В вавилонском эпосе *Enûma Eliš* это прародительница первого поколения богов. См. Stephanie Dalley, *Myths from Mesopotamia* (Oxford, England: Oxford University Press, 1989) and Enûma Eliš*: The Epic of Creation* , translated by L.W. King (London: Luzac and Co., 1902), см. sacred-texts.com/ane/enuma.htm.]

84 Шекспир. Гамлет/Перевод Б. Пастернака.

отношение абсолютно противоречит принятому в культах Богини. В библейской традиции, последней великой традиции, восходящей к культурам древних семитов, вообще нет никаких богинь. Здесь есть Бог Отец, а Матери-Богини нет – как это странно…

Что же происходит с Матерью-Богиней? Она сводится к первичным элементам жизни. Она становится космическими водами, теми самыми, над которыми носился дух Бога до сотворения мира. Ему придают человеческие черты, а ей – нет. Хаос – это и есть Тиамат, богиня бездны, лишенная личности. И это становится страшным испытанием для культуры.

Затем вы также понимаете, что в иудейской традиции договор с Богом скрепляется через обряд обрезания, а женщине здесь нет места.

И вот происходит радикальный раскол в истории цивилизаций и мифологий – между мужественностью, которой теперь отдана вся власть, и женственностью, которую лишили власти, а ее мир красоты и природы подвергли поруганию. Теперь даже красоту отвергают в этой традиции, оттого что красота отвлекает и вводит в искушение.

Египет

Египет оказал невероятное воздействие на мировую историю. Около 4000 лет до н. э. начинает заселяться дельта Нила и возникают небольшие поселения, где поклоняются Богине. История Египта зарождается на севере, центральный момент его истории развивается в его географическом центре, а поздний период – на юге. Нил представляет собой единое целое, и по обеим сторонам от него расположены пустыни, поэтому Египет хорошо защищен. Единственное нападение на него возможно из дельты Нила.

В небольшом захоронении у поселения Гиераконполис, за тысячу лет до правления первых фараонов, были обнаружены росписи стен, изображавшие животных (рис. 54). Мотивы этих росписей напоминают те, что были обнаружены в Ираке: животные двигаются по кругу. Это наводит на мысли о том, что в глубокой древности высокая культура проникла в Египет из Месопотамии. Безусловно было установлено, что культура Месопотамии древнее. Мы видим, что около 3200 лет до н. э. стиль египетской культуры еще не сформировался.

Рис. 53. Фигурка Богини (терракота, доисторический Египет, приблизительно 4000 лет до н. э.)

Рис. 54. Настенная роспись в захоронении в Гиераконполисе (раскрашенный гипс, доисторический Египет, 3500 лет до н. э.)

В Северном Египте доисторическая культура существовала в 3200 г. до н. э., в 3200–2685 гг. до н. э. возникли первые династии фараонов. Затем образовалось Древнее Царство, когда стали возводиться пирамиды во время правления III–VI династий. Потом наступает так называемый промежуточный период между 2280–2060 гг. до н. э. – у каждого ученого своя датировка египетской истории, – и в эти два столетия Египет был погружен в хаос.

За промежуточным периодом последовал второй принципиально значимый период истории – Среднее Царство, 2200–1650 гг. до н. э. Столицей государства стали Фивы, так продолжалось с XI по XIII династию. В это время захоронения фараонов располагались в склонах гор, поскольку пирамиды опустошались расхитителями гробниц.

Следующий промежуточный период истории совершенно уникален: с 1650 по 1580 г. до н. э., 100 лет спустя после Хаммурапи, когда произошло вторжение в дельту Нила из Западной Азии. Возможно, именно тогда иудеи пришли в Египет.

Но западно-азиатских захватчиков изгнали около 525 г. до н. э., а Александр

Македонский завоевал Египет около 332 г. до н. э. Затем Египет покорили римляне около 30 г. н. э. – во времена Клеопатры. Весьма насыщенная событиями история для такой узкой полоски земли в долине серебряного Нила.

В любом случае, в 3200 г. до н. э. вдруг появляется тот самый Египет, о котором мы все знаем; интересно, как внезапно возникает его стиль. На палетке Нармера (рис. 55) изображен правитель Верхнего Египта, победивший правителя дельты Нила и объединивший два государства. В верхних углах с обеих сторон изображены головы коров, символ богини Хатор, охраняющей горизонт, которую зовут Дом Гора. Фараон носит ее изображение на ремне – сзади и по бокам, и потому о нем говорят, что он заполняет собой горизонт. Это один из самых первых известных нам фараонов и высшее божество. Он воплощает высшее проявление божественности, а богиня Хатор – это горизонт, в пределах которого он живет, и ей он подчиняется. В облачении фараона присутствует коровий хвост, потому его считают воплощением бога Осириса – лунного быка, который умирает и воскресает, снова умирает и снова воскресает, представляя собой модель смерти и воскрешения всех божеств. Ястреб – это бог Гор, изображенный на тотеме правителя Верхнего Египетского Царства, а растение под этим тотемом – это болото дельты Нила, где растет папирус, то есть завоеванные земли. Голова представляет царя земли папирусов, которую держит бог Гор. Это мистический символ реального факта из жизни царя, схватившего правителя дельты за волосы и убившего его. Фараон-завоеватель увенчан короной Нижнего Царства, а перед ним начертаны четыре направления частей света и знаки его могущества. С этого момента фараона коронуют дважды: один раз – как повелителя юга, а второй – как повелителя севера, а потом эти короны объединяют, и впоследствии корона фараона представляет собой комплекс из этих двух корон.

Рис. 55. Палетка Нармера (резьба по алевролиту, Древнее Царство, Египет, 3200 лет до н. э.)

Во времена правления IV династии (2613–2494 гг. до н. э.) были построены четыре Великие пирамиды. Они символизируют ежегодный разлив Нила, который связывают со смертью бога Осириса: влага из его разлагающегося тела удобряет землю. Ежегодное наводнение воспринимается как возврат Земли в ее древнее первичное состояние, когда все покрыто водой, все вокруг – это вода. Когда наводнение отступает, проглядывает первый клочок земли, который символизирует семя Вселенной, и это пирамида. Этот первичный холм и есть Богиня, что несет в себе всю жизнеродную энергию Вселенной. Внутри этой пирамиды похоронен царь, как тот, кто вырабатывает энергию внутри Мировой горы, – он является аналогом мертвого Осириса. Эта архитектура имеет символическое значение: фараон – это усопший Осирис, первый знак возрождения всего живого, что возвращается в этот мир, который был затоплен водой на время его смерти, а сама его смерть – то, что оплодотворяет землю.

Рис. 56. Пирамиды в Гизе (Древнее Царство, Египет, 2560–2540 гг. до н. э.)

Сфинкс символизирует прочность власти фараона; разные фараоны приходят и уходят, но все они несут в себе власть. Сфинкс родился от богини-львицы Секмет и странного божества Луны по имени Птах, которого всегда изображают в виде мумии.

В Египте считалось, что небо представляет богиня Нут, а землю – бог Геб, ее супруг. Солнце рождается из ее утробы на востоке, ежедневно проходит над ней в лодке и заходит ей в рот на западе. На следующее утро оно снова рождается из ее утробы на востоке.

В мифологии Месопотамии и Греции бог – это небо, а Богиня – земля, потому что дождь приходит с неба и оплодотворяет землю. Когда-то давно небо и земля были единым

целым, но потом они разделились. Иногда считается, что это произошло в результате грехопадения или несчастного случая. В древнегреческом мифе об Уране рассказывается, что он так плотно прижался к Гее, Земле, что их дети не могли появиться на свет. Поэтому она передала своему сыну Кроносу серп, чтобы тот оскопил Урана и оттолкнул его. А в египетском мифе происходит наоборот: оттолкнули именно Богиню (рис. 58).

Рис. 57. Великий сфинкс (резьба по песчанику, Древнее Царство, Египет, 2500 лет до н. э.)

Рис. 58. Разделение Нут и Геба (роспись на папирусе, Египет, дата неизвестна)

Миф об Исиде и Осирисе

Богиня Нут дважды родила близнецов. Старшими были Осирис и Исида, а младшими – Небетхет и Сет. Осирис был правителем и создателем культуры в обществе. Богиня Исида, его сестра и супруга, изображается в головном уборе в виде трона. Она символизирует трон, на котором восседает фараон. Поэтому трон Египта – это Богиня, а воплощенный бог сидит на нем, поскольку он ей служит. Такое представление о Богине было очень популярно в Египте.

Однажды Осирис провел ночь с Небетхет, по ошибке приняв ее за Исиду. Такое невнимание к мелочам всегда плохо заканчивается в подобного рода историях, и в результате его брат Сет, супруг Небетхет, решил ему отомстить. Для этого он изготовил красивый, богато отделанный саркофаг, подходящий по размеру Осирису. Однажды вечером на пышном празднестве Сет показывает этот саркофаг и говорит: «Тот, кому подойдет этот саркофаг, может забрать его себе».

Рис. 59. Осирис стоит между Исидой и Небетхет (барельеф, Египет эпохи правления Птолемеев, II в. до н. э.)

И тут все стали его примерять на себя, как дамы примеряли туфельку в сказке о Золушке. Едва Осирис улегся в этот гроб, на праздник ворвались семьдесят два сообщника Сета, захлопнули крышку гроба, запечатали его и швырнули в Нил. Так и пришел конец Осирису.

Поскольку в Месопотамии традиционно считалось, что жена должна спуститься за мужем в подземный мир, чтобы спасти его, Исида следует за Осирисом. Саркофаг с его телом плывет вниз по Нилу, и его выбрасывает на берег в Сирии (там, где сейчас находится Ливан). Рядом с саркофагом вырастает прекрасное дерево эрика,[85] скрыв его под собой.

Рис. 60. Осирис под деревом эрика (барельеф, Египет периода правления Птолемеев, I в. до н. э.)

Царь сирийского города решил неподалеку построить себе дворец. Когда он спустился к реке, чарующий аромат этого дерева так покорил его, что он решил срубить его и сделать из него самую главную колонну в жилом зале своего дворца (рис. 61). А в это время жена как

[85] Растение семейства вересковых.

раз родила ему сына.

Исида проделала долгий путь. У богов очень развита интуиция, поэтому она приходит именно туда, где река выбросила Осириса на берег. Она нанимается няней к новорожденному сыну правителя, во дворце которого в одной из колонн находился саркофаг с телом Осириса. И по вечерам она совершает небольшой ритуал: она кладет младенца в очаг, чтобы подарить ему вечную жизнь и сжечь в нем все смертное, а сама превращается в ласточку и летает вокруг колонны, горестно чирикая.

Однажды вечером мать малыша приходит и видит своего ребенка в очаге, вокруг него летает ласточка, а няни нигде не видно. Она издает душераздирающий крик, тем самым разрушив заклятье Исиды, так что приходится спасать малыша от огня.

Рис. 61. Столб Джед (барельеф, Египет эпохи правления Птолемеев, I в. до н. э.)

Тогда ласточка превращается в Исиду и говорит, что из ее супруга сделали колонну и что она хочет забрать его домой.

И вот Исида забирает эту колонну, грузит ее на лодку, которая отплывает домой. Там она открывает саркофаг, ложится на тело мужа, в результате чего происходит зачатие и рождается сын Осириса Гор. Это очень важный момент всей истории – Гор, сын Осириса, был зачат, когда его отец был мертв. Исида ужасно боится Сета, занявшего трон брата, поэтому она остается в дельте Нила и в страшных муках рожает там сына Гора.[86]

Солнечный бог Амон-Ра и бог Луны Тот, указывающий путь мертвым, были единственными, кто помогал ей в родах. Исида – это один из главных прообразов Мадонны в христианской традиции; здесь тоже присутствует мотив рождения ребенка без отца. Этот привычный мотив будет прослеживаться и дальше в фольклоре и эпических сказаниях.

Тем временем Небетхет тоже родила от Осириса сына с головой шакала, а назвали его Анубис.

Рис. 62. Исида и Гор на папирусных болотах (барельеф, Египет эпохи правления Птолемеев, I в. до н. э.)

Однажды Сет отправился охотиться на кабана – вот он снова, наш хтонический друг-кабан, с клыками, обращенными к земле, воплощение смерти и воскрешения. Преследуя кабана в зарослях папируса, Сет обнаружил там Исиду с малышом Гором и тело Осириса. Он разорвал тело Осириса на пятнадцать кусков и расшвырял их по всем сторонам света.

И снова Исиде пришлось отправляться на поиски. На этот раз к ней присоединились Небетхет и маленький Анубис, мальчик с головой шакала, который стал вынюхивать, где же разбросаны куски тела Осириса. Они нашли четырнадцать кусков, но пятнадцатый – его гениталии – проглотила рыба. Так умерший Осирис стал ассоциироваться с удобрением египетской земли, которое происходит всякий раз, когда разливается Нил. Когда Исида собрала все части тела Осириса, она забальзамировала тело.

Это был обряд воскрешения, возвращения к жизни. Когда египетские жрецы бальзамировали тела умерших, они надевали маску Анубиса и воспроизводили все события этого мифа.[87] В странствиях и ритуалах умершего именовали Осирис N («Осирис Джонс»,

---

[86] [См. Campbell, *Mythic Image* , p. 23.]

[87] [См. Serge Sauneron, *The Priests of Ancient Egypt* , translated by David Lorton (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000).]

например), а целью этих ритуалов было отправить Осириса Джонса к настоящему Осирису, чтобы тот признал в нем божественность, присущую и ему самому.

И вот Гор отправился сразиться с Сетом, чтобы отомстить за смерть своего отца, и в этом сражении потерял глаз. Поэтому Глаз Гора рассматривается в качестве жертвы, которая позволила Осирису воскреснуть и даровала ему бессмертие, и тогда Осирис стал судьей мертвых. Усопший фараон отождествлялся с Осирисом в подземном царстве, а живой фараон ассоциировался с Гором.

Когда люди умирали, их бальзамировали, точно так же, как и Осириса, и затем Анубис провожал их к весам, на одну чашу которых укладывали сердце умершего, а на другую – перышко (рис. 63). Перо символизирует духовность, а сердце – символ физического мира. Если сердце человека не тяжелее пера, то он считался достойным духовного бессмертия. Если же нет, то демон-аллигатор пожирал этого человека. Перышко на вершине колонны, которая поддерживает эти весы, принадлежит богине Ма-Ат, которая олицетворяет единство Космоса и его упорядоченность, те правила и законы, которые управляют Вселенной.

Рис. 63. Взвешивание сердца умершего (папирус, Новое Царство, Египет, 1317–1301 гг. до н. э.)

Рис. 64. Ма-Ат (раскрашенный барельеф, Египет эпохи Птолемеев, I в. до н. э.)

Рис. 65. Артемида (бронзовая скульптура, античная Греция, 330–320 гг. до н. э.)

Глава 5
Богини и боги греческого пантеона[88]

Число Богини

Боги – это метафоры, открытые трансцендентному переживанию. Я понимаю под мифологическим кодом следующее: и богов, и людей нужно рассматривать именно как метафоры. Это их поэтическое понимание, в том смысле, который Гёте вложил в уста Фауста: «*Alles Vergängliche ist nu rein Gleichnis*» («Все преходящее – лишь намек на что-то»).[89] Это намек на то, что нельзя выразить словами, что неподвластно всем способам словесного выражения и всем образам. У меня более прозаический взгляд на все это – скорее теологический, чем мифологический. В теологии бог считается истиной в последней инстанции, неким сверхъестественным явлением. Если божество непрозрачно для восприятия, тогда оно не открыто для трансцендентного, не открыто тайне наших собственных жизней.

В поэтических мифологических системах та сила, к которой человек обращается,

---

[88] [Эта глава составлена на основе лекции, прочитанной Кэмпбеллом на двухдневном симпозиуме под названием “Classical Mysteries of the Great Goddess IV” 16 января 1982 в Theater of the Open Eye в Нью-Йорке (L759), а также лекции под названием “Building of Deities: Greek Pantheon”, прочитанной 14 августа 1976 в Theater of the Open Eye в Нью-Йорке (L605); и транскрипта записей его неизвестной, возможно, не записанной на видео лекции из архивной коллекции Фонда Джозефа Кэмпбелла под названием “Joseph Campbell: The Goddess Lecture/Abadie.”]

[89] Johann Wolfgang von Goethe, *Faust* , pt. 2, ll.12104–12105.

представляет собой преувеличенное описание сил, свойственных самому человеку. Божество соответствует способности верующего переживать божественное и нести это в себе. Это отражение собственной позиции человека в иерархии духовных ценностей. Как гласит одно из изречений Чандогья-упанишады, созданной примерно в 900 г. до н. э. в Индии: «*Tat twam asi»* («То ты еси» – «Ты и бог – это единое целое»). Таинство вашего бытия – это необъяснимое, невыразимое словами чудо, к которому вас метафорически отсылают образы божеств вашего пантеона. Есть еще и такое изречение из Брихадараньяка-упанишады: «Люди говорят: Молись этому богу! Молись этому богу! – Тому богу, другому богу – вся эта вселенная – творенье божье!»[90] Те, кто ищет объект поклонения вовне, совсем ничего не понимают. Обратитесь вглубь своей души, там вы и найдете отпечатки тайны бытия.

Именно эта мысль и заключена в древней египетской Книге Мертвых, когда умершего называют «Осирис по имени…», например «Осирис Джонс». Человек отправляется в царство мертвых, в загробную жизнь – к трону Осириса, умершего и воскресшего бога. То же самое произошло и с Иисусом Христом. Умерший человек на пути к Осирису сам становится Осирисом: он – это Оно. По пути в загробный мир «Осирис Джонс» понимает, что все божества, которым он поклонялся, – лишь элементы таинства его собственной жизни; он погружается в серые сумерки загробного мира и имеет право сказать о себе: «Мои волосы – это волосы Нут, мое лицо – это лицо Ра, мои глаза – это глаза Хатор. Любая часть моего тела – это часть тела кого-то из богов».[91] А потом он говорит: «Я был вчера, сегодня и буду завтра, и мне подвластно родиться во второй раз. Я и есть та тайна, благодаря которой возвысились боги».[92] В вашем пантеоне отражается идея о том, что вы есть то, что вы видите, и вы должны признать себя источником того, что и порождает мифологию.

В прозаическом подходе к мифологии, который я бы назвал теологией, бог рассматривается как истина в последней инстанции: он не с нами, он – где-то там, далеко, и вы не можете идентифицировать себя с ним, вам нужно установить с ним отношения. Поэтому я делаю различие между этой системой и той, в которой указывается на единение и идентичность этих сил или реализацию этих таинственных сил в вашей собственной жизни через органы вашего тела, в вашей фантазии. Когда великие йоги в Индии, которые поклоняются Шиве как своему богу, осознают это, то они наряжаются как Шива и говорят: «Sivo ham» («Я и есть – Шива»). Вы можете прожить свою жизнь так, словно вы и есть Шива. И если она будет достаточно долгой, наполненной верой и надеждой на лучшее, то в конце концов вы поймете, что так и есть. В синтоистской ветви буддизма это называется «фазой пробуждения», когда вы осознаете, что никто не сможет отнять у вас вашу внутреннюю духовную жизнь и энергию, которые наполняют Вселенную, зажигают в небе звезды, питают птиц и деревья в лесу, потому что эти сила и энергия поддерживают и вас тоже. Вы – часть этой вечной тайны.

С теологической точки зрения, где утверждается, что создавший вас бог – это некое внешнее явление, страшным святотатством будет сказать: «Я – божественное существо». Христа за это распяли, и поэтому сказать такое – значит солгать. Библейские религии – иудаизм, христианство, ислам – это религии, где с божеством выстраивают особые отношения, в них все строго регламентировано. Как общаться с Богом? Вы можете установить свои отношения с ним, если станете частью определенного сообщества, а таких сообществ существует два. Одно – биологическое; у таких сообществ существуют

---

[90] Bhadāranyaka Upanṣad, 1.4.6.

[91] E. A. Wallis Budge, *The Papyrus of Ani* , book 10, “The Chapter of the Deification of the Members,” (New York: Putnam, 1913), см. archive.org/details/papyrusofanirepr01budg.

[92] *Papyrus of Nesbeni* , chapter 64, “Chapter of the Coming Forth by Day in a Single Chapter” (London: British Museum Press, 2002) ll. 2–3.

племенные религии, и, родившись в этом племени, вы поклоняетесь его конкретному божеству. А второе я бы назвал сообществом мировых религий, и это единственное сообщество, которое приобщает вас к Богу.

Великие мировые религии – это буддизм (скорее построенный на мифологии, чем на особой системе религиозных взаимоотношений с Богом), христианство и ислам. Буддизм относится к индуизму как христианство и ислам – к иудаизму. Индуизм и иудаизм – это племенные религии. Человек рождается индусом – и не просто индусом, а человеком, принадлежащим к конкретной касте, – или человек рождается иудеем. Современным иудеям, утратившим иллюзии в отношении теологического аспекта религии, приходится нелегко, поскольку они могут утратить свою религию, но при этом все равно останутся иудеями, это накладывает на них двоякую ответственность.

Иудаизм, христианство и ислам принципиально отличаются от индийских религий, поскольку они скорее прозаичны, чем поэтичны, а вот индуизм и буддизм по сути своей метафоричны.

В связанных с Богиней мифологиях древней и античной Европы многое берет начало от истоков сельского хозяйства и одомашнивания животных. Древнейшие малочисленные группы кочевников, охотников и собирателей психологически испытывали совершенно иные проблемы по сравнению с представителями более поздних оседлых сообществ, где начинает развиваться дифференциация общества. В самых древних кочевых племенах каждый представитель сообщества был полностью приобщен ко всему его культурному наследию. Там существовали культурные различия, самое явное – между ролью мужчины и женщины. Второе принципиальное различие зависело от возрастной группы, к которой относится человек – дети, молодежь, люди зрелого или преклонного возраста. А третье различие – между рядовыми людьми этого сообщества и шаманом, пережившим глубокий психологический кризис под воздействием динамических энергий, отраженных в символике мифов этого сообщества.

Но с развитием городов на Ближнем Востоке, около 3500 лет до н. э., возникло общество с настоящей, узкой специализацией жителей. Теперь там были профессиональные правители, профессиональные землепашцы, а впоследствии и профессиональные ремесленники – гончары, плотники и т. д. В это время получила развитие мощная социологическая мифология, смысл которой заключался в том, что такое разнообразное общество, тем не менее, представляет собой единое целое. Подобная точка зрения явно прослеживается в индуистской кастовой системе: все мы – части единого тела, и каждый отдельно взятый человек – словно клеточка огромных органов этого тела. Брамины, или жрецы, руководят обществом, это его голова; кшатрии, или правящая каста, – воины и руки этого общества, они способствуют исполнению законов, установленных браминами; вайшья, или торговцы, – это тело общества, его костяк. Три эти касты представляют собой так называемые касты дважды рожденных, они образованные интеллектуалы. Есть и четвертая каста, совершенно отдельная от них, – это шудры, ноги и ступни, которые поддерживают все это тело.

Примерно 3500 лет до н. э. на Ближнем Востоке (этот период известен как шумерский Урук Б) началось систематическое наблюдение за райским небесным сводом, стала развиваться письменность, системы расчетов в десятичной и шестидесятеричной системах (вторая строится на числе 60), которые мы до сих пор используем для расчета единиц времени или пространства.

Наличие письменности и системы мер сделало возможным с точностью предсказывать движения планет и созвездий. Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн были доступны наблюдению, и жрецы выяснили, что эти планеты двигаются по математически предсказуемой траектории относительно неподвижных звезд. Мифология поддающегося математическим расчетам цикла времени навела на мысли о том, что существует некий космический порядок. Более ранние мифологии отражали интерес к чему-то необычному – к этому конкретному дереву, этому интересному камню, к странным

маленьким силуэтам, какому-то животному с необычными повадками. А в новой космической мифологии центральным объектом интереса стали великие законы, поэтому именно в это время начинает развиваться математический мистицизм. Поскольку великий космический порядок – это огромная утроба, где обитает все живое, то его начинают отождествлять с женской силой, с Богиней, Матерью Вселенной.

Этой Вселенной присуща ее собственная математика, а число 9 становится великим числом Богини. Девять Муз – это трижды три, три триады граций. Три грации – это (как мы в дальнейшем убедимся) три ипостаси Афродиты, и ритм ее энергии пульсирует в мире, вливаясь в него, возвращаясь обратно к ней, а затем она снова объединяется в этих двух направлениях движения.

432 – это еще одно интересное число: сложите числа, из которых оно состоит, и получите девять. В древнеиндийских сказаниях о деяниях божеств под названием «Пураны» говорится о том, что 43 200 лет длится Кали-юга – нынешний, последний и самый короткий период истории, за которым последует более продолжительный, Маха-юга, который продлится 4 320 000 лет. В величайшей из исландских саг «Поэтическая Эдда» говорится, что в небесном чертоге павших в бою воинов Вальхалле находятся 580 дверей. В конце каждого исторического периода, когда мир снова идет к концу и все должно начаться снова, 800 воинов проходят через эти двери, чтобы вступить в бой с антибогами и принять участие во взаимном разрушении вселенной. Я обратил внимание на числа: 800 × × 540 = 432 000.

Во II столетии до н. э. вавилонский жрец Берозус оставил описание на греческом языке халдейской мифологии Вавилона, указав на то, что с начала возникновения нового города (в той традиции – города Киш) и до прихода мифологического наводнения, пережитого Ноем, прошло 432 000 лет. И снова это число, во II в. до н. э., в Месопотамии. В течение этого периода правили всего десять царей.

Но кто же может жить так долго? Если обратиться к Библии, сколько патриархов мы насчитаем от Адама до Ноя, включая самого Адама? Десять. Сколько лет прошло между Адамом и Великим потопом? 1656 лет жизни этих патриархов. Я провел три сумасшедших дня, пытаясь соотнести 1656 и 43 200 – но математик из меня никакой, и ничего у меня не вышло. Тогда я сказал себе: наверное, кто-то другой уж точно смог это подсчитать.

Это сделал еврейский специалист по Ассирии Джулиус Опперт в 1972 г. Я наткнулся на его работу «Даты в Книге Бытия», где приводятся его расчеты. Общий счет годов правления допотопных царей, о которых упоминал Берозус, и допотопных патриархов из Книги Бытия составили 72 как общий множитель – 72 года нужно для того, чтобы произошла серия равноденствий для передвижения на один градус по зодиаку: 432 000 разделить на 72 получится 6000, а 1656 разделить на 72 получится 23, поэтому соотношение чисел здесь будет 6000: 23.

В еврейском календаре год состоит из 365 дней; после 23 лет (плюс 5 високосных лет того периода) получается 8400 дней, или 1200 семидневных недель. Помножим 1200 на 72, и получится количество семидневных недель за 1656 лет (23 × 72), что меньше, чем 1200, на 72 = 864 000, то есть дважды по 432 000.

Все это поражает воображение. Это было скрыто в Библии, и это обнаружил Берозус.

Одни и те же числа вдруг появляются в Исландии, Индии, Вавилоне и в Библии. Откуда же они взялись?

Я задался другим вопросом: учитывая ряд прошедших равноденствий, мы входим в Эру Водолея. Сейчас у нас Эра Рыб, ранее была Эра Овна, до того – Эра Тельца и т. д. Сколько должно пройти лет до наступления зодиакального равноденствия? 25 920 лет. Разделите это на 60 из шестидесятеричной системы – и получите 432.

Один друг дал мне почитать книгу под названием «Аэробика», чтобы из нее я узнал, сколько физических упражнений мне нужно делать для сохранения здоровья. В одной из сносок там было указано, что пульс идеально здорового человека в состоянии покоя составляет примерно один удар в секунду, то есть 60 ударов в минуту. За 12 часов будет 43

200 ударов. Итак, число, выражающее ритм Вселенной, – это количество сокращений нашего сердца, микрокосма и макрокосма одновременно. Поэтому когда вы здоровы, биение вашего сердца совпадает с ритмом Вселенной. Когда вы уходите, уходит и ваш ритм. Вся мифология построена на этом; ритуальный год – это год ритмический, чтобы вы существовали в одном ритме со Вселенной, становясь ее частью. Болезнь – это утрата ритма, а мифологический ритм возвращает вас в норму, вот так и появляются циклические мифологии. Те мифы и ритуалы, которые индейцы племени навахо связывали с охотой, теперь используются для исцеления больных, чтобы снова привести людей в состояние гармонии – помочь им стать прозрачными для трансцендентного.

9 – это великое ритмическое число. Сложите 4 + 3 + 2 = 9 – получите число Богини. В Индии у Богини 108 имен, а в ее великих храмах жрецы заливают в йони, алтарь, красный порошок, который женщины наносят себе на лоб, при этом распевая вслух 108 имен Богини. Умножьте 108 на 4 – и у вас получится 432. Буддисты верят в то, что 108 земных желаний привязывают нас к печальному миру иллюзий, который зовется майя. 108 – это число Богини в данный момент, в период равноденствия, в момент солнцестояния и на рассвете, днем, в полдень, в полночь и т. д. Именно в Богине проходит вся ваша жизнь.

Конечно, можно сложить 1 + 0 + 8 и получить 9. Трижды в день в европейских странах вы слышите звон колоколов, которые знаменуют чтение молитвы «Ангел Господень». Колокола звонят: раз, два, три; раз, два, три, раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять. Молитва «Ангел Господень» посвящена Благой вести, когда ангел Господень сообщает Марии, что она имеет во чреве от Духа Святого, и так божественная энергия проникает в этот мир.[93]

Это та самая мифология, о которой свидетельствуют и греческие богини.

Благодаря археологическим исследованиям мы узнали о происхождении Богини Древней Европы, где с момента возникновения первых земледельческих сообществ Богиня являлась главным действующим лицом, воплощением космического центра и защитницей всего вокруг. Индоевропейские воинственные племена, совершая набеги в IV–II тысячелетиях до н. э., провоцировали столкновение двух противоречащих друг другу мифологий – женской, где все было связано с матерью, и мужской, где была важна идентификация с отцом.

В греческой традиции это столкновение достигает высшей точки в истории об Оресте, в легенде об «Эвменидах», когда Аполлон и Афина, символизирующие мужественность, снимают с Ореста вину за матереубийство.

В «Одиссее» мы становимся свидетелями того, как женская сила возвращается, крепнет и празднует победу. Если присмотреться к античному греческому пантеону и его эволюции, нетрудно заметить, как менялся характер и облик его божеств в зависимости от изменений в обществе. Божества в действительности зависят от времени и от пространства. Они возникают из идей и образов, которые передаются по наследству от одного человека к другому, но взаимодействуют друг с другом, исходя из локального пространственно-временного контекста.

Один из существенных недостатков литературных или описательных традиций, например библейской, состоит в том, что божество кристаллизуется, каменеет в определенном времени и пространстве. Оно больше не растет, не развивается и не может подвергаться влиянию новых культурных сил или научных открытий, и в результате возникает этот воображаемый конфликт между наукой и религией. Одна из функций мифологии заключается в создании образа Космоса, представляющего мистическое откровение, чтобы вы смотрели на него как на икону, на священное изображение. И тогда расступаются границы пространства и времени, и вы оказываетесь в новом, таинственном

---

[93] [Более подробное исследование математических и числовых значений в мифологии, связанных с числами 432 и 9, изложены в работе Кэмпбелла “The Mystery Number of the Goddess,” *Mythic Dimension* .]

измерении, которое и есть ваше внутреннее измерение.

Сегодня наука открывает это измерение гораздо более чудесным способом, чем это происходило во II тысячелетии до н. э. Не существует абсолютно никакого противоречия между наукой и религиозным сознанием или мифологическим мировосприятием – но действительно существует конфликт между наукой XII в. н. э. и наукой XX в. н. э. Именно это и происходит в нашей религии, застывшей в том состоянии, в котором она пребывала в IV в., во времена римского императора Феодосия, когда власть Византии стала ослабевать под воздействием идей Святого Августина и пришлось принять новые взгляды и убеждения. С этого момента проявляется косность наших традиций и нарастает разрыв между научными и религиозными воззрениями.

В античной Греции ничего подобного не происходило. Одна из потрясающих особенностей Греции заключалась в том, что там никогда не было ничего похожего на священные тексты. Даже наоборот, у греков были веселые сказания Гомера и «Гомеровские (Гомеровы) гимны», сказания Гесиода и т. д. В некоторых легендах Эрос – один из самых молодых богов, а в других версиях (как в «Симпозиуме» Платона) этот бог был самым древним и старым. У греков существовали ритуалы, но не было авторитетов, указывавших: «Вот как надо».

В определенном смысле можно сказать, что и в Индии было так, поскольку там никогда не существовало единого ортодоксального культа, не было никакого высшего авторитета, который бы мог повелеть всем: «Вот именно так нужно верить в бога». Там существует огромное разнообразие культов, и каждый человек может найти своего собственного бога, выбрав его среди множества божественных воплощений. И в греческом мире, и в первые столетия, когда зародилось христианство, существовало огромное разнообразие способов интерпретировать божественную тайну.

И вот мы видим, как в греческих мифах вновь возникает Богиня под множеством личин.

Артемида

Мир античной Греции удивителен тем, что Богиня самым неожиданным образом проявляется в самых разнообразных культах. Мартин Нильсон, авторитетный исследователь религии античной Греции, утверждает, что Артемида была верховной богиней.

Рис. 66. Лето, Артемида и Аполлон (краснофигурный кратер, античная Греция, 450 г. до н. э.)

В знакомых нам античных легендах Артемида предстает девственной богиней, но это лишь одно из ее описаний, одна из ее ролей.[94] Подобно всякой богине, она – Всеобщая Богиня. Рассуждая о ней, я хотел бы обсудить с вами некоторые проблемы.

Гомеровы гимны описывают ее следующим образом:[95]

Песня моя – к златострельной и любящей шум Артемиде,
Деве достойной, оленей гоняющей, стрелолюбивой,
Одноутробной сестре златолирного Феба-владыки.
Тешась охотой, она на вершинах, открытых для ветра,

---

[94] Martin P. Nilsson, *A History of Greek Religion* , translated by F. J. Fielden (New York: W.W. Norton & Co., 1964), pp. 28–29.

[95] Тексты Гомеровых гимнов здесь и далее приводятся в переводе В. В. Вересаева.

И на тенистых отрогах свой лук всезлатой напрягает.
Стрелы в зверей посылая стенящие. В страхе трепещут
Главы высокие гор.
Густостенные чащи лесные
Стонут ужасно от рева зверей. Содрогается суша
И многорыбное море. Она же с бестрепетным сердцем
Племя зверей избивает, сюда и сюда обращаясь.
После того, как натешится сердцем охотница-дева,
Лук свой красиво изогнутый она, наконец, ослабляет.
И направляется к дому великому милого брата
Феба, царя-дальновержца, в богатой округе дельфийской.
Чтобы из Мух и Харит хоровод устроить прекрасный.
Там она вешает лук свой с концами загнутыми, стрелы,
Тело приятно украсив, вперед выступает пред всеми
И хоровод зачинает. И пеньем бессмертным богини
Славят честную Лето, как детей родила она на свет,
Между бессмертными всеми отличных умом и делами.
Радуйтесь, дети Кронида-царя и Лето пышнокудрой!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

Первоначально богиня Артемида ассоциировалась с медведем. Медведь, возможно, один из первых зверей в мире, ставший объектом поклонения, и эта Богиня указывает нам на те далекие времена. К востоку от Афин находилось святилище Артемиды – Враврон, в древние времена там проводились празднества, где маленькие девочки танцевали во славу богини, и их называли маленькими медведицами. Имя Богини в Европе связывают с мужским именем Артур: оба этих имени связаны со звездой Арктур и с медведем.

Артемида и Аполлон – это два божества совершенно разного происхождения, но в античной греческой традиции они представлены как брат и сестра, которых родила Лето на острове Делос. Лето была дочерью титана Кея и титаниды Фебы. Гесиод утверждает, что она была женой Зевса до Геры. Когда Лето была беременна, Гера постоянно преследовала ее, так что бедняжке пришлось бежать на остров Делос. Артемида родилась первой и помогла матери родить Аполлона. Поэтому ее еще называют Илифия (предположительно, так звали одну из богинь минойской культуры) – помогающая в родах – и к ней обращаются так: «Артемида Илифия, божественная сила, которая приносит облегчение в страшный час родов».[96]

Представляя собой более позднюю комбинацию двух древних образов, эти близнецы воплощают две силы. Аполлон – это покровитель и воплощение рациональности, а Артемида воплощает созидательные силы природы.

Рис. 67. Артемида с оленем (мраморный барельеф, античная Греция, V в. до н. э.)

Непременным атрибутом Артемиды является лук. Потому когда она выступает в роли охотницы, смерть от ее руки приятна и легка. У мусульман есть удивительное изречение об Ангеле смерти: когда он приближается, то кажется ужасным, но вблизи его облик прекрасен.

Когда-то давно Артемида сама принимала облик оленя, а теперь она – Богиня, убивающая оленя; это две ипостаси одного и того же существа. Жизнь – это лишение жизни, и так происходит постоянно, потому богиня убивает сама себя, принося себя в жертву

[96] *The Hymns of Orpheus* , “Orphic Hymn I to Prothyraeia,” перевод Thomas Taylor (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999), см. http://www.theoi.com/Text/ OrphicHymns1.html#1.

своему собственному животному. Любая жизнь несет в себе свою смерть, а тот, кто лишает вас жизни, был предназначен вам с того момента, как вы родились. То же самое происходит и с животными, и с богами – животное убивает бога, подобно тому, как кабан убил Адониса, а Артемида убивает оленя, и это – две ипостаси одной и той же тайны природы.

Рис. 68. Артемида и Актеон (краснофигурный кратер, античная Греция, 470 г. до н. э.)

Актеон охотился на оленей со своими собаками и устремился по следу зверя по реке, к ее источнику. Там, в озере у истоков реки, Артемида купалась обнаженной в окружении нимф. Актеон, бедолага, увидев ее наготу, стал похотливо разглядывать богиню без всякого благоговения.

Так относиться к божествам не подобает. Заметив этот взгляд, Артемида плеснула на охотника водой, и тот превратился в оленя, а собственные псы загрызли его. Эти псы, как моряки на кораблях в Одиссее, символизируют низменные желания, а олень, в которого превратили Актеона, отражает его низкую, животную натуру, что и погубило его, когда он оказался рядом с Богиней.

При встрече с божеством возникает такая проблема: если вы не готовы к такой встрече, то совершите ошибку и вас разорвут на куски. Божество представляет собой определенную степень концентрации и средоточия силы, некий силовой центр. Обычный человек наделен гораздо меньшей духовной силой по сравнению с божеством. Поэтому смертный должен быть готов к такому несоответствию и медитировать, стараясь привести свое сознание в такое состояние, чтобы увидеть в божестве – божество, увидеть его, так сказать, обнаженным.

Как электрическая сеть не выдерживает нагрузки, если по ней пустить слишком сильный ток, человек взрывается, если силовая нагрузка оказывается выше его возможностей. Поэтому прежде чем приблизиться к богу или Богине, нужно предпринять ряд подготовительных мер, так сказать, укрепить себя, чтобы встретить божество, принять его в себя и подчиниться его силе.

Все те силы, которыми наделена Артемида, символически выражаются в ее разнообразных изображениях и связанных с ней ассоциациях. Мы видели ее в облике оленя или купальщицей в образе нимфы, что напоминает нам о древней богине-рыбе 6000 лет до н. э. (см. рис. 19).

У шумеров Богиня предстает в облике Повелительницы дикой природы (см. рис. 40). В этом облике она – Мать Всего Мира, то есть весь мир принадлежит ей, и все мы – ее дети. И в античных греческих мифах Повелительница зверей предстает нам под аватаром Артемиды. Как указывали Бэринг и Кэшфорд, «Артемида стала Богиней диких зверей, таким титулом ее величают в Илиаде, называя Понтия Терон. Таким образом, она становится наследницей палеолитической Богини, которая покровительствовала диким зверям и охоте».[97]

Все лесные звери находятся под защитой Артемиды, и потому в более поздней, несколько более сентиментальной литературной традиции она предстает в облике охотницы. Такой образ в большей степени связан с Космосом: волки и журавли ассоциируются с богиней-прародительницей жизни, а свастика символизирует круг времени. Этот образ присутствует и в заинтересовавшем меня числе 432 000, круге вращающихся сфер.

И все объединяется в одной великой Богине, все это – Артемида.

Голуби на головном уборе (рис. 70) демонстрируют, что жрица служит Богине, повелевающей зверями, Понтии Терон, Повелительнице диких зверей. Рога быков, служившие частью культа и ритуалов, связанных с богиней, в центре этого изображения, напоминают культовые изображения в Чаталхеюке и в Кносском дворце. Голуби и бычьи

---

[97] Baring and Cashford, *Myth of the Goddess* , p. 322.

рога символизируют власть Богини сразу в двух мирах: в царстве жизни и в царстве смерти.

Центром культа Артемиды был город Эфес на Эгейском побережье Малой Азии. Статуя Артемиды Эфесской из ее храма (рис. 71) увенчана нимбом из рогатых фигурок животных с воздетыми к небесам лапами. На ее тяжелом ожерелье изображены знаки зодиака. К ее рукам прильнули животные, напоминающие львов, а колонна, изображающая ее тело, украшена фигурками животных – львов, быков и баранов. У подножия статуи видны фрагменты изображения копыт сопровождавших Богиню оленей.

Рис. 69. Артемида в облике повелительницы зверей (чернофигурная ваза, античная Греция, 570 г. до н. э.)

В своей книге *«Вечное настоящее: начало искусства»* Зигфрид Гидион говорит:

> «Самым выразительным элементом статуи, возможно, являются копыта оленя по обе стороны от нее. Именно эти элементы – ключ к разгадке происхождения этого божества, которое подверглось такому множеству трансформаций… Корни этого культового идола – в далеком доисторическом прошлом… Артемида из Эфеса – продукт долгого процесса антропоморфизма, начавшегося в те времена, когда доминировали животные и люди им поклонялись, а затем на смену им пришли божества, которым придавали облик людей».[98]

Рис. 70. Жрица Богини (терракота, минойский Крит, 1500–1300 гг. до н. э.)

Артемида вместе с Селеной и Гекатой была одной из триад античной Греции, символизировавших тройственность или три воплощения в разных телах сущности Богини. На рис. 72 показана Артемида в облике трех воплощений Гекаты. Сначала столб – богиня-мать – это столп Вселенной. Вокруг него – три воплощения Богини, среди них – Артемида и Геката, представляющая подземный хтонический мир, – это магическая ипостась Богини; а потом мы видим три ипостаси Богини в облике непринужденно танцующих трех граций.

Артемида – источник изобилия: Повелительница дикой природы и Мать всех диких зверей, управляющая всей природой. Она очень и очень отличается от изображений богини-девственницы или просто охотницы, которые мы всегда в ней видели.

Рис. 71. Артемида Эфесская (мраморная статуя, эллинский период, Турция, I в. до н. э.)

Рис. 72. Гекатейон (резьба по камню, античная Греция, III в. до н. э.)

Аполлон

Феб!
Воспевает

---

[98] S. Giedion, *The Eternal Present: The Beginnings of Art* (Oxford, England: Oxford University Press, 1962), pp. 212–20.

и лебедь тебя
под плескание крыльев,
С водоворотов Пенейских взлетая на берег высокий.
Также и сладкоречивый певец с многозвучною лирой
Первым всегда и последним тебя воспевает, владыка.
Радуйся много! Да склонит тебя моя песня на милость! [99]

(Гомеровы гимны)

Рис. 73. Аполлон (краснофигурный кратер, античная Греция, 475–425 гг. до н. э.)

Нильсон полагает, что Аполлону первоначально поклонялись хетты.[100] Хетты были индоевропейцами, проникшими в Малую Азию в те времена, когда древние греки эпохи Гомера переселились на греческий полуостров, поэтому между этими народами существует родственная связь. Хетты пришли в эгейский регион и поддерживали разнообразные контакты с греками. Аполлон поддерживал троянцев в Троянской войне, и предполагается, что его культ первоначально возник в Язылыкая, неподалеку от реки Порсук и поселения Аладжа-Хююк, тех областях, где правили хетты.

На входе в великое хеттское святилище в Язылыкая на территории современной Турции установлено изображение (рис. 74) хеттского бога Шаррума, который охраняет царя. В этих святилищах прослеживается мотив защиты стражами – львами или леопардами – порога, отделяющего обыденный мир чувственного восприятия от области трансцендентного. Хеттское слово *upulon* обозначает «врата» или «страж стены», что является лингвистическим свидетельством того, что первоначально Аполлон был стражем порога, который защищал вход в храмы.

Рис. 74. Хеттский царь Тудхалия IV в объятиях бога Шаррума (барельеф, культура хеттов, Турция, XIII в. до н. э.)

Аполлон вошел в греческий пантеон богов как брат-близнец Артемиды. Он стал покровителем человеческой культуры, чтобы гармонизировать влияние богини – покровительницы природы.

Обратите внимание на змею, которая ползет вверх по колонне, на знаменитой статуе Аполлона Бельведерского (рис. 75).

Со временем Аполлона стали ассоциировать с врачеванием и со змеей, которая до сих пор изображается на чаше, символизирующей медицину. Это изображение обозначает силу жизни в пространстве времени, способность отринуть прошлое и двигаться в будущее: победу над смертью. Этой великой мощью впоследствии наделили бога врачевания Асклепия.

Рис. 75. Аполлон Бельведерский (римская мраморная копия греческой бронзовой статуи, 350–325 гг. до н. э.)

Еще одной важной фигурой была дочь Асклепия Гигейя, богиня здоровья, от имени которой образовалось слово «гигиенический», она же ассоциируется и с силой змеи. Именно

---

99 *Homeric Hymns* , p. 182.

100 Nilsson, *Greek Folk Religion* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972), p. 79.

змеиную силу прокляли в Книге Бытия, но в небиблейских культурах она воплощает силу жизненной энергии и живительные силы сознания в окружающем нас мире. Богиня кормит животное, которое символизирует жизненные силы всех живущих существ. Так аллегорически представлена гигиена, а также ограничения и дисциплина, способствующие хорошему здоровью: мы должны насытить свои тела жизненными силами и мощью змеи и отринуть тень болезни.

На рис. 76 мы видим Асклепия с его спутницей Гигейей, которую в индуистской традиции именуют *шакти* .[101] Асклепий облокотился на булаву, возможно, принадлежащую Геркулесу,[102] но на нее вползает змея, символ его культа. Рука Гигейи покоится на треножнике, который связан с культом Апполона в Дельфах. Обсуждая этот памятник в своей книге *«Мистический образ»* , я указал на изображенные над головой Богини инструменты, символизировавшие мистические культы: справа – кувшин для вина с вползающей на него змеей, а слева – корзинка (*cista mystica*), где сидит змея и божественный ребенок. Ниже, рядом с Богиней, стоит другой персонаж, напоминающий ребенка.[103]

Рис. 76. Асклепий и Гигейя (резьба по слоновой кости, Рим, Италия, конец IV в. до н. э.)

Асклепий, бог медицины, просто заменил Аполлона, выполнявшего эти функции раньше, а Аполлон заменил какое-то древнее божество, существовавшее до него, – какое, мы не знаем. Как указывает Нильсон, где бы вы ни нашли святилище Аполлона, этот бог появился там в более поздний исторический период вместо какого-то другого бога, в той или иной мере приняв на себя его роль покровителя.

Великий храм Асклепия в Эпидавре, на северо-востоке Греции, был санаторием для тех, кто обращался туда в надежде исцелиться. А как было организовано лечение в Эпидавре? Это было хорошо организованное и роскошно украшенное медицинское учреждение, исполненное гармонии и красоты, где располагались спальные корпуса, храмы и парки. Человек мог прийти туда, медитировать и молиться под руководством жреца, а потом отправиться в святилище бога и там уснуть, и в этом сне должны были проявиться целительные силы.

Карл Кереньи в своем великолепном, хотя и трудном для чтения труде *«Асклепий»* обращает наше внимание на то, какое значение имели различные идеи, проявлявшиеся в снах, в античной медицине. Кереньи рассказывает о том, что в лечебницах Асклепия:

> «Самому пациенту предоставлялась возможность найти свое исцеление, которое он уже нес в себе самом. Для этого создавались необходимые условия, которые, подобно тому, как это происходит на современных спа-курортах и в санаториях, были призваны максимально изолировать пациента от травмирующих и разрушающих его здоровье воздействий окружающего мира. Религиозная атмосфера также помогала пробудить в человеке внутренний потенциал для его излечения. В принципе, не от врача зависело чудо исцеления каждого человека в отдельности».[104]

---

[101] Шакти – супруга бога Шивы, реже – Вишну и других богов индуизма; в более широком смысле как творческая, так и разрушительная женская энергия божества.

[102] The Archive for Research in Archetypal Symbolism, commentary on record 3Pa.063, см. www.aras.org.

[103] Campbell, *Mythic Image* , p. 287.

[104] Carl Keréenyi, *Asklepios: Archetypal Image of the Physician’s Existence* , перевод Ralph Manheim, translator, Bollingen Series LXV.3 (New York: Pantheon Books, 1959), p. 50. [Quoted in Campbell, *Mythic Image* p.

На рис. 77 показан пример подношения богу одного пациента, где он изображен спящим. Во сне ему явился бог и исцелил его, прикоснувшись к его плечу; еще ему приснилась змея, которая возникла из его собственного тела и прикоснулась к его плечу. Это изображение одного и того же действия, но по-разному. Может быть, этим врачевателям был известен какой-то секрет? Весь смысл лечения в Эпидавре заключался в том, чтобы разбудить внутренние целительные силы самого пациента и включить психосоматические механизмы его выздоровления. На этом изображении юношеские силы исходят из тела пациента, и при этом ему снится, что его излечил бог. В сновидениях содержатся сразу несколько посланий одновременно, и в этом сновидении есть два способа его интерпретации.

В Дельфах можно приобщиться к глубокой философии античного мира, непохожей на то, что вы знали раньше. Омфал – этот пуп мира, *мировая ось* , и его охранял Аполлон. Древние богини Земли тоже были связаны с пупом мира, центром космического квадрата. Она – это и есть центр мира; в ней он весь заключается.

Город Дельфы был местом пребывания оракула – жрицы, в состоянии транса отвечавшей на вопросы государственной важности или касающиеся человека лично. К ней мог прийти любой – самый обычный человек или персона высокого ранга, и она давала ответы.

Когда Афинам грозило вторжение персов, афиняне отправились к оракулу, чтобы спросить, что им делать.

И оракул дает им совет: «Возьмите свои деревянные стены», что означало: «Сядьте в корабли. Покиньте город. Пусть персы возьмут его. Спасайтесь на кораблях».[105] Так жители и поступили, нанеся таким образом урон ужасному персидскому флоту.

Рис. 77. Змеиный бог Амфиарай (барельеф, античная Греция, IV в. до н. э.)

Рис. 78. Дельфийский Омфал (пуп Земли) (резьба по мрамору, античная Греция, IV в. до н. э.)

Ответы на вопросы часто звучали загадочно, когда их произносила женщина, сидящая на треножнике, вдыхавшая какой-то пар или дым и, безусловно, находившаяся в состоянии транса. Ее называли «пифия», потому что она была спутницей космического змея, а самым древним божеством в этом регионе был Пифон. Этого змея убил Аполлон (получив за это свое прозвище Пифийский) и потом занял его трон. Тут мы снова видим мотив прихода и победы Аполлона; он становится защитником оракула. Так появляются новые мифологии: старых богов убивают, а их энергия питает нового бога.

Рис. 79. Богиня Пупа Земли (терракота, поздний неолит, Венгрия, 5500–5000 гг. до н. э.)

Сидя в дельфийском амфитеатре, можно увидеть священную гору Парнас, где когда-то обитали музы. Именно здесь зародилась и расцвела духовная жизнь античной Греции.

В книге Мартина Бубера *«Я и Ты»* сказано: «*Я* , связанное с *Ты* , отличается от *Я* ,

---

287.]

[105] [см. Joseph Fontenrose, *The Delphic Oracle, Its Responses and Operations, with a Catalogue of Responses* (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1981).]

связанного с *Оно* ».[106] Задумайтесь об этом. Подумайте, как вы относитесь к животным: обращаясь к ним на «ты» или считаете, что животное – это «оно»? Здесь есть существенная разница.

В Дельфах все пронизано духом «*Ты* ». Все здесь живое – деревья, птицы, животные, на них смотрят как на *одушевленных существ* . Если вы, как я, живете в Нью-Йорке, вас окружают здания из мертвых кирпичей и тому подобное. Такое окружение для нас *лишено души* . Вот почему так трудно сочинить настоящие, душевные стихи, живя в городе. Вы начинаете задумываться о стихотворном размере, поэтическом языке и тому подобных вещах, и это весьма интересно для литературных критиков, но кто это читает? Редкий поэт действительно совершает прорыв и превращает город в нечто *одушевленное* . В греческой мифологии нет ничего неодушевленного, там есть только психология «*Я и Ты* », мистический способ общения с окружающим миром, когда ты воспринимаешь свое окружение как нечто живое.

Рис. 80. Феб Аполлон (краснофигурный кратер, античная Италия, V в. до н. э.)

Еще одна из ролей Аполлона – быть солнечным богом по имени Феб. Он управляет солнечной колесницей, пересекая небо (рис. 80), лучи солнца образуют нимб вокруг его головы, в то время как *эфебы* (маленькие звездные мальчики) падают в море. Это пример того, как различные божества слились в единое целое и потом вся мифология превращается в нечто такое, чем она раньше не была.

Дионис

Одним из главных святилищ был амфитеатр, место, посвященное в основном богу Дионису. Там разыгрывались сцены на мифические темы в качестве ритуального ролевого действа. Этот ритуал оживлял миф (проявление духовных сил), и, участвуя в нем, вы становитесь участником самого мифа, то есть активизируете внутри себя соответствующие духовные силы. И вот не просто отдельный человек участвует в каких-то ритуалах, а целое сообщество воссоздает и оживляет миф в форме трагедии или комедии.

Рис. 81. Амфитеатр в Дельфах (песчаник, античная Греция, IV в. до н. э.)

Поразительно, как в античной греческой традиции сосуществуют два совершенно противоположных божества: Аполлон, воплощающий рациональность, свет и сознательность, и Дионис, представляющий наше подсознание. В традициях Ближнего Востока Дионис ассоциировался с дьявольскими силами и считался антибогом. У древних греков же он признавался равным Аполлону. И вот мы становимся свидетелями идеи о гармонии и взаимосвязи между ними. Довольно длительный период, в VII–V вв. до н. э., культ Аполлона уступал культу Диониса, когда царили поражающие воображение оргиастические ритуалы, пользовавшиеся тогда скандальной известностью. Но культ Диониса в конце концов встроился в античную традицию, а восторженные песнопения сатиров и непристойности стали ярким противовесом принципам культа Аполлона.

Наилучшее исследование культов Аполлона и Диониса на сегодняшний день по-прежнему представлено в книге Фридриха Ницше *«Рождение трагедии»* . Он пишет, что всякий раз, когда разум прорывается в область трансцендентного, он преисполняется

---

[106] [Кэмпбелл приводит парафраз из Martin Buber, *I and Thou* , перевод Ronald Gregory Smith (New York: Scribner, 2000).]

благоговением и восторгом, и в такие моменты рождается искусство.[107] Внимание наблюдателя направлено на красоту и чудеса окружающего мира и всех, кто в нем живет.

В пространстве различий, в пространстве времени у нас есть формы, в которых проявляется сила трансцендентного, а художник через эту форму доносит до нас мысль о том, что трансцендентное неизменно присуще этим формам. Тело, воплощающее мечту, и сама мечта сливаются воедино. Это называется проявлением духа Аполлона.

С другой стороны, нас может привлечь невероятная энергия, перед которой ничто не устоит и которая рождает новое, то есть момент чистого творчества, а не внимания к форме. Это уже проявление дионисийского духа. Дух Аполлона выражает восторг перед ярким преходящим настоящим, а дионисийский дух – это слияние с энергией, сметающей все на своем пути и создающей новые формы. Оба этих духа объединяются в искусстве.

Ницше считает скульптуру главной формой изобразительного искусства, а музыку – главной формой искусства, представляющей динамику во времени и пространстве. И то и другое мы видим в произведениях искусства. Если динамика не сформирована, то остаются лишь крики и стоны, а если форма не учитывает внутреннего динамизма, то в итоге получается какая-то окаменелость, образчик мертвой, не трогающей душу скульптуры.

Объединив оба аспекта, вы совершаете прорыв к тайне, к *mysterium tremendum et fascinans* ,[108] и переживаете высшую духовность как потрясение – *tremendum* . Вот отчего в религиях говорится о *страхе божьем* , а еще это называется *любовью к богу* . Вы не можете постичь тайну, как бы мощно ни воздействовала она на всю вашу систему жизни и мысли, пока вы не испытаете двух этих чувств.

Гёте рассуждает о том, что «*der Menschheit bestes Tell*» (лучшее в человеке)[109] – это нечто похожее на ощущение мимолетности всего сущего, когда человек осознает, как недолговечен краткий мир нашего бытия во Вселенной. Именно это и дает человеку культ Диониса.

Зевс

Наконец, в контексте этих рассуждений я перехожу к арийским богам. Зевс, появившийся вместе с индоевропейцами, не имел никакого отношения к культам Богини, господствовавшим в этом регионе. Имя Зевса восходит к греческому слову θεός (*theos Бог* , которое на санскрите пишется как . Вумф – «бог». Итак, боги из мира санскрита связаны с арийскими богами античного мира. Зевс – действительно индоевропейский бог, который пришел в Грецию с захватчиками в IV, III и II тысячелетиях до н. э.

Зевс,
меж богов
величайший и лучший,
к тебе моя песня!
Громораскатный,
владыка державный,
судья-воздаятель,
Любишь

[107] Friedrich Nietzsche, *The Birth of Tragedy* , перевод Shaun Whiteside (London, England: Penguin Books, 2003). [Кэмпбелл приводит мысль Ницше в своем изложении.]

[108] К невероятной, волнующей тайне (*лат* .).

[109] Goethe, *Faust* , pt. 2, l. 6272.

вести ты
беседы с Фемидой,
согбенно сидящей.
Милостив будь,
громозвучный Кронид, —
многославный, великий!

(Гомеровы гимны)

В гимне Афродите, созданном Гомером, говорится о том, как Ганимед попал на Олимп:

> Воистину мудрый Зевс похитил златокудрого Ганимеда из-за его красоты, чтобы тот был среди Бессмертных и стал виночерпием в доме Зевса, чтобы ему дивились, чтобы его чтили все Бессмертные, когда он черпал алый нектар из золотой чаши… затаивший дыхание и вечно молодой, такой, как и сами боги.[110]

Изображение на килике (рис. 82) рассказывает о похищении Зевсом Ганимеда, чтобы тот служил виночерпием на пирах на Олимпе. Об этой роли во время совершения мужских ритуалов я уже упоминал: отделить красивого мальчика от внешнего мира. Но Зевс сумел связать себя с более древними мифологиями.

Зевса поглощает более древняя, существовавшая на протяжении многих веков, традиция, связанная с Богиней-Матерью.

Рис. 82. Зевс похищает Ганимеда (краснофигурный килик, античная Греция, 475–425 гг. до н. э.)

Ниже (рис. 83) вы видите его классическое античное изображение с Лето, матерью Аполлона и Артемиды.

Как мы помним, культ Артемиды зародился в минойской культуре. Аполлон – у хеттов. Лето – это Мать-Богиня Древней Европы. А Зевс – бог-громовержец из индоевропейского пантеона.

Иными словами, перед нами – четыре совершенно разных божества, которые зародились в четырех разных местах, воссоединенные в синкретическом мифе, объединившем противоборствующие и противоречащие друг другу мифологии. Проблема состояла в том, как примирить друг с другом два общества: Матери-Богини и бога-мужчины.

Обычно божества воинственных племен не подчинялись Богине. Индоевропейские боги никогда не рождались от женщины: они представляют собой вечные силы природы и духа внутри нас, природы внутри нас. Но вот она побеждает, и мы видим рождение младенца Зевса. Кронос, отец Зевса, оскопил своего собственного отца, Урана. Боясь, что его сыновья поступят с ним точно так же, он стал поедать их, как только они рождались. Рея, его жена, спрятала новорожденного Зевса, а вместо него подсунула отцу камень, завернутый в пеленки. Она отправила сына на гору Ида на Крите, где о нем заботились нимфы и куреты – юные воины. Эти куреты исполняли сакральный танец, гремя мечами по щитам, чтобы заглушить плач новорожденного Зевса и помочь укрыть малыша от Кроноса.

Рис. 83. Зевс, Лето, Аполлон и Артемида (мраморный барельеф, античная Греция, IV в. до н. э.)

---

[110] “The Homeric Hymn 5 to Aphrodite,” перевод H. G. Evelyn-White, *Homeric Hymns* (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1998), p. 421.

На рис. 85 мы видим изображение свадьбы Зевса и Геры, где она собирается снять с себя одежды, а он с любовью смотрит на нее.

Хотя в античной греческой мифологии Гера считается женой Зевса, она гораздо древнее и появилась в эпоху индоевропейского синкретизма. Поэтому она не зависела от мужа и была наделена значительно большим могуществом. Как замечает Гаррисон, «в Олимпии, где в давние времена Зевсу поклонялись как высшему божеству, древний Герайон, в котором почитали Геру, был гораздо древнее, чем храмы Зевса… Сам Гомер смутно помнил о тех временах, когда Гера была не просто женой Зевса, а самовластной Повелительницей».[111]

Рис. 84. Куреты танцуют вокруг новорожденного Зевса (терракотовый барельеф, местонахождение неизвестно, дата не установлена)

Рис. 85. Свадьба Геры и Зевса (мраморный барельеф, античная Сицилия, 450–425 гг. до н. э.)

Эту мысль продолжают Баринг и Кэшфолд:

> Есть одна легенда о том, что брак Геры и Зевса был заключен благодаря уловке: во время страшной грозы Гера, отстав от компании богов и богинь, сидела одна на горе, там, где позднее выстроили храм в ее честь. Зевс превратился во взъерошенного петуха, вымокшего под дождем, и уселся на колени к Гере. Та пожалела бедную мокрую птицу и накрыла его подолом своего платья, и тут Зевс принял свой истинный облик. Так что в этой истории Зевс предстает незваным гостем, который сумел хитростью заключить брак, а не великим богом, который имел на это право.

Религиовед Карл Кереньи пишет: «С помощью этого уникального мифологического вымысла Зевс *идеально вписывается в историю религии Геры в Аргосе* ».[112]

Арес

Арес,
сверхмощный боец,
колесниц тягота,
златошлемный,
Смелый оплот городов,
щитоносный, медяноружный,
Сильный рукой и копьем,
неустанный,
защита Олимпа.
Многосчастливой Победы родитель,
помощник Фемиды,
Грозный тиран для врагов,
предводитель мужей справедливых,

---

111 Harrison, *Prolegomena* , p. 315–316.

112 Baring and Cashford, *Myth of the Goddess* , p. 313.

Мужества царь скиптроносный,
скользящий стезей огнезарной
Меж семипутных светил по эфиру,
где вечно коней ты
Огненных гонишь своих по небесному
третьему кругу!
Слух преклони,
наш помощник,
дарующий смелую юность,
Жизнь освещающий нам
с высоты озарением кротким,
Ниспосылающий доблесть Аресову.
Если бы мог я
Горькое зло от моей отогнать головы,
незаметно
Разумом натиск
обманный души укротить и упрочить
Сызнова
острую силу в груди,
чтоб меня побуждала
В бой леденящий вступить.
Ниспошли же,
блаженный,
мне смелость,
Сень надо мной сохрани
неколеблемых мирных законов,
И да избегну насильственных Кер
и схватки с врагами!

(Гомеровы гимны)

Рис. 86. Арес и Афродита (фреска, Рим, Италия, дата неизвестна)

Еще одно индоевропейское божество – Арес, бог войны. Мы видели его в союзе с Афродитой, Богиней утренней звезды. Она подобна великим богиням Инанне и Иштар, воплощающим божественную женственность.

Арес относится к ней именно так.

Главными патриархальными божествами были боги-мужчины. Яркий пример тому содержится в Ветхом Завете, где богинь нет. Из библейской традиции богини попросту исключены. А вот у греков, как мы уже могли убедиться, бог женился на Богине, или защищал ее, или Богиня защищала этого бога. У них устанавливались отношения, которые связывали их и их собственных богов с землей и местным культом, вступая с ними с тесное взаимодействие.

Это очень отличается от истории Иудеи и Израиля и попытке последователей культа Яхве навязать его завоеванным народам. Ветхий Завет – история царей, отвернувшихся от Яхве, чтобы на склонах холмов приносить жертвы природным богам и богиням, и история попыток последователей Яхве установить господство своего бога.

Ничего подобного с греками не происходило. Скорее мы становимся свидетелями того, как складывались взаимоотношения между богами и богинями, воплощавшими божественную мужественность и божественную женственность.

Афина

Славную петь начинаю богиню,
Палладу-Афину,
С хитро искусным умом,
светлоокую,
с сердцем немягким,
Деву достойную,
градов защитницу,
полную мощи,
Тритогенею.
Родил ее сам многомудрый Кронион.
Из головы он священной
родил ее,
в полных доспехах,
Золотом ярко сверкавших.
При виде ее изумленье
Всех охватило бессмертных.
Пред Зевсом
эгидодержавным
Прыгнула быстро
на землю она
из главы его вечной,
Острым копьем потрясая.
Под тяжким прыжком Светлоокой
Заколебался великий Олимп,
застонали ужасно
Окрест лежащие земли,
широкое
дрогнуло море
И закипело
волнами багровыми;
хлынули воды
На берега.
Задержал Гиперионов
сын лучезарный
Надолго
быстрых коней,
и стоял он,
доколе доспехов
Богоподобных своих
не сложила
с бессмертного тела
Дева Паллада-Афина.
И радость объяла Кронида.
Радуйся много,
о дочерь
эгидодержавного Зевса!
Ныне ж,
тебя помянув,
я к песне другой приступаю.

(Гомеровы гимны)

Рождение Афины из головы Зевса – еще один пример ассимиляции патриархальной культуры в культуру Богини. Метида, титанида океанид и, предположительно, первая жена Зевса, ждет ребенка, и оракул предрекает ей, что у нее родятся двое детей: один будет мудрым и могущественным, а другой убьет первого. Зевсу это не понравилось, поэтому он превратил свою беременную жену в муху и проглотил ее. В это время Метида рожает. Однажды у Зевса страшно разболелась голова, он позвал Гефеста, который своим молотом раскроил Зевсу череп, и оттуда выскочила Афина в полном боевом облачении.

Рис. 87. Афина Пирейская (бронза, античная Греция, 360–340 гг. до н. э.)

Рис. 88. Рождение Афины (чернофигурный килик, Древняя Греция, 560 г. до н. э.)

Рис. 89. Афина с Ясоном, выходящим из пасти дракона (краснофигурная ваза, античная Греция, 490–480 гг. до н. э.)

Рис. 90. Афина с горгонейоном[113] и змеями (краснофигурная амфора, античная Греция, 530–520 гг. до н. э.)

Рис. 91. Богиня со змеями (фаянс, минойский период, Крит, 1600 лет до н. э.)

Замечательное изображение, которое вы видите на рис. 89, впервые продемонстрировала Джейн Харрис. Мы видим Афину с нагрудником, на котором изображена голова Медузы (это та же самая Богиня в своей отвращающей беду ужасной ипостаси, ее язык высунут). В руке она держит сову, свою тотемную птицу. Здесь Афина предстает в роли вдохновительницы и защитницы героев, их *шакти* .[114] На ее шлеме отчетливо виден Пегас – рожденный, когда Медузе отсекли голову. На голову Медузы нельзя было смотреть, иначе вы бы тотчас обратились в камень. Поэтому Афина подарила Персею сверкающий щит; глядя на отражение Медузы на его поверхности, герой и убил ее. Потом Персей взял голову Медузы и положил ее в сумку. Из ее отсеченной шеи родился Пегас, крылатый конь, а голова Медузы превратилась в горгонейон на нагрудной пластине боевого облачения Афины.

На рис. 90 и 91 вы видите прародительницу всех этих богинь – Великую Богиню Крита. Афина означает «защитница порта». Значит, есть Афина города Афины, Афина города Пирея, Афина Эфеса и т. д. Она – преемница микенской и минойской Богини-покровительницы со змеями в руках (рис. 91). Это прекрасный пример того, как божества ассимилировались и трансформировались, приобретая черты античных богов.

Рис. 92. Парис похищает Елену (мраморный барельеф, Рим, Италия, дата неизвестна)

---

[113] Амулет с изображением головы Медузы Горгоны.

[114] Как говорят индусы. – *Прим. перев* .

Глава 6
Илиада и Одиссея

Возвращение к Богине[115]

В *Илиаде* изображается мужественный индоевропейский мир, а фигуры Зевса, Аполлона и олимпийских богов здесь играют ведущую роль. За *Илиадой* следует *Одиссея* , свидетельствующая о возвращении Богини.

Предположение, что *Одиссею* могла сочинить женщина, высказал Сэмюэль Батлер.[116] Важный момент здесь заключается в том, что от мужского сюжета и настроения *Илиады* мы переходим к *Одиссее* и узнаем о жизни от Богини. Я хочу рассказать историю *Илиады* и *Одиссеи* по-своему.

В этом эпосе повествуется о странствиях Одиссея с того момента, как его флот погиб по воле богов и до его возвращения домой, на берега Итаки. В первой части истории он имеет дело с людьми на поверхности Земли. Попав в страну пожирателей лотоса, он оказывается в мире мифов и чудовищ, и все, кого он встречает, – существа мифологические: циклопы, Сцилла и Харибда, лестригоны, всякие чудовища, Цирцея, Калипсо и Навсикая, все нимфы. Когда же он наконец снова оказывается дома и приходит в свой дворец, то обнаруживает, что за это время поклонники его жены пытались занять его место. Все заканчивается избиением женихов и воссоединением с женой Пенелопой. Совершенно очевидно, что странствие героя и главные приключения, которые изменяли странника, связаны с нимфами – то есть с воплощением женственности.

Подумайте о Цирцее, Калипсо и маленькой Навсикае. Присмотревшись к этим персонажам, мы сможем убедиться, что Цирцея – соблазнительница, Калипсо – жена, а Навсикая – девственница. Теперь давайте вспомним о причине Троянской войны: три богини, Афродита, Гера и Афина, соревнуются друг с другом, желая узнать, кто из них прекраснее, а Парис выступает судьей и должен вручить победительнице приз. Это главные символы женственности, и они воплощают разные ипостаси ее силы и власти.

Суд Париса

Афродита – воплощение абсолютного эротического импульса. Похожий на нее персонаж в *Одиссее* – Цирцея. Гера, супруга Зевса, почтенная мать семейства, Мать-Повелительница Вселенной. Ей соответствует Калипсо, с которой Одиссей прожил семь лет. Афина – богиня-девственница, родившаяся из мозга Зевса, дочь своего Отца, та, что вдохновляет и защищает героев. В Одиссее ей уподобляется Навсикая. Каждая из них воплощает какую-то ипостась женской силы, какой-то из аспектов энергии жизни: *шакти* .

Рис. 93. Суд Париса (краснофигурный стамнос,[117] античная Греция, V в. до н. э.)

---

[115] [Эта глава составлена на основе прочитанной Кэмпбеллом лекции под названием “The Mythic Goddess” 18 мая 1972 (L445); лекции “Classical Mysteries of the Great Goddess I”, прочитанной на симпозиуме 15 января 1982 в Theater of the Open Eye в Нью-Йорке (L756); и лекции под названием “Imagery of the Mother Goddess”, прочитанной 13 августа 1976 в Theater of the Open Eye в Нью-Йорке (L601).]

[116] Samuel Butler, *The Authoress of the Odyssey* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009).

[117] Род амфоры.

Джейн Харрисон в своей замечательной книге *«Введение в исследование греческой религии»* предполагает, что когда три богини обратились к Парису с просьбой рассудить их спор, этот суд сводился к мужскому унижению Богини. Потому что как иначе объяснить, что три ипостаси единой Божественной женственности, воплощенной в трех образах, обращаются к Парису – посредственному молодому человеку, который должен вынести решение о том, кто из них красивее, – словно речь идет о конкурсе красоты за звание «Мисс Атлантик-Сити»! И ради победы они соблазняют его взятками и обещаниями.

Афродита говорит: «Выбери меня, и я добуду тебе Елену Троянскую, самую красивую женщину в мире. Ничего, что она замужем за Менелаем, она будет твоя».

Гера говорит: «Выбери меня, и я наделю тебя величием, достоинством, и ты будешь властвовать среди всех людей».

А Афина говорит: «Выбери меня, и станешь героем, увенчанным славой».

Главное здесь, по мнению Джейн Харрис, что молодой человек выбирает свой жизненный путь, решая, за кем из этих богинь он последует. Он выбирает себе духовную наставницу, покровительницу и путеводительницу, а новая интерпретация этого действия – не что иное, как патриархальное унижение самой Богини.

В этом, как предполагается, и заключалась причина Троянской войны, десять лет мужских забав – женщины и грабеж. Когда Ахиллес, великий греческий герой, удаляется в свою палатку, с горечью задумавшись о причине своего раздора с Агамемноном? Аргумент, который заставил Ахиллеса пренебречь войной, – это стратегия или тактика? Нет, это попытка ответить на вопрос: «А кому достанется блондинка?».

И такое отношение к женщине и всему, что с ней связано, в корне отличается от полноценного уважительного диалога между мужчиной и женщиной.

Провоевав десять лет, Одиссей отправляется домой со своим флотом из двенадцати кораблей. Как только вам попадается цифра 12, знайте, что это – мифологическая ситуация. Двенадцать кораблей воплощают двенадцать ипостасей существования Одиссея. Он и его люди высаживаются на берег по пути домой, насилуя женщин и грабя города просто для собственного развлечения. А когда они возвращаются на свои корабли, вмешиваются боги и говорят: «Это непорядок, в таком безобразном виде к своей жене не возвращаются!» Необходим обряд возрождения, или, выражаясь современным языком, реадаптации.

Поэтому, спустя десять лет войны, боги насылают ветра, которые уносят флот в страну пожирателей лотоса. Так люди Одиссея попадают в пространство мечтаний и таинственных образов, в пространство мифа. Одиссею суждено там встретить трех нимф, и ни одну из них ему нельзя отвергнуть, потому что он должен встретиться с женственностью, диктующей свои правила. Конечно, ему помогает Гермес, и это интересно. Ему помогает не бог войны Арес, не Зевс, а именно Гермес – бог-вестник, указывающий душам путь к возрождению. И благодаря инициации у этих трех богинь, к которым в начале истории так пренебрежительно отнеслись на суде Париса, Одиссей наконец-то подготовлен к возвращению к своей жене, Пенелопе, чтобы избавить ее от назойливых поклонников.

С Пенелопой здесь связан очень интересный мотив: ткачество. В отсутствие Одиссея она каждый день ткала полотно, а по ночам распускала его. К такой уловке они прибегла, чтобы отвадить навязчивых женихов, потому что пообещала им, что выберет одного из них, когда закончит ткать. И все воплощения женственности, с которыми устанавливал контакт Одиссей, тоже связаны с этим мотивом: прекраснокудрая Цирцея ткет ковер, Калипсо ткет ковер, а Навсикая стирает белье. Это воплощения женственности в пространстве майи, они сплетают ткань мира иллюзий, создают ткань этого мира.

У Одиссея было стадо свиней в триста шестьдесят голов (цифра отражает число дней в году по старой традиции летоисчисления), и его ранил в бедро своим клыком один из кабанов. Адониса убил кабан; ирландского героя Диармуида убил кабан; Осирис, умирающий и воскресающий бог Египта, был убит своим братом Сетом во время охоты на кабана. Таковы отношения бога с хтоническим кабаном – тема, которая постоянно повторяется в мифологии. В *Одиссее* она также присутствует.

Если луна и солнце находятся в одном знаке зодиака во время весеннего равноденствия, то в таком же положении они находились ровно двадцать лет назад. Сколько лет Одиссей не видел Пенелопу? Двадцать. Проблема соотношения лунных и солнечных мифологий в этот период была принципиально важна, и история строится на этом контексте.

Итак, я уже указывал, что солнце, на которое ничто не отбрасывает тень и которое символизирует вечную жизнь, обозначает сознание, оторванное от мира времени и пространства. Но луна, которая умирает и возрождается каждый месяц, это и есть сознание *внутри* мира времени и пространства. Смысл в том, что два этих явления сливаются воедино, как и наша вечная и временная жизнь. Нам не следует задаваться вопросом: «Буду ли я жив после смерти?», а просто переживать вечные ценности здесь и сейчас. Вот в чем дело. Как связаны солнечная и лунная жизни друг с другом, пока мы живы? В «Илиаде» и «Одиссее» предпринимается попытка соединить друг с другом две мифологии, и ответ напрашивается в связи с силой и мощью богинь, о которых там повествуется.

Как уже упоминалось, в каждой из этих богинь воплощена Великая Богиня, а остальные – интонации ее сил. Афродита – это небесная богиня, чья сила любви изливается на землю, как та энергия, которую воплощает Эрос, сын Афродиты и главное божество античного пантеона. В *Симпозиуме* Платона он предстает как бог-прародитель всего мира. В триаде богинь Афродита воплощает чувственность, у Геры там своя роль, а у Афины – другая. Но сама Афродита может выполнять все три. Как всеобщая Богиня, она олицетворяет ту энергию, которая поддерживает *шакти* всей Вселенной. В более поздних системах три грации выражают три аспекта ее власти, которые насыщают мир энергией, возвращают энергию в ее источник и объединяют оба энергетических аспекта.

В древней мифологии Богиню рассматривали как главную созидающую силу Вселенной. Когда вместе с индоевропейцами появилась мужская мифология, акцент сместился. Я уже рассказывал историю о небесном боге Уране, который так прижался к своей супруге Гее, что ее дети не могли появиться на свет. Гея, обладавшая волшебной силой, дала Кроносу, самому старшему и самому смелому из детей, серп, которым тот оскопил своего отца. Итак, Кронос кастрирует Урана и отделяется от земли.

Тема разделения рая и земли постоянно возникает в различных мифологиях. Например, в древнеегипетском мифе о Нут, богине неба, которую прижал к земле небесный бог Геб. Есть интересный вариант этой истории в мифах Нигерии, когда некая женщина так усердно толкла зерно в ступе, что толкушка стала царапать небо, и поэтому небесный король устремился все выше, и выше, и выше.

Так или иначе, бывшие ранее единым целым, земля и небеса разделились, как и первоначальный космический андрогин разделился на мужчину и женщину. Когда Кронос оскопил своего отца, от просто выбросил его гениталии в море, оно вспенилось, и из этой пены родилась Афродита.

Рис. 94. Рождение Афродиты (резьба по мрамору, античная Греция или, возможно, античная Италия в античном греческом стиле, 470–460 гг. до н. э.)

В этой истории мы снова наблюдаем унижение Великой Богини. Ведь она изначально существовала, но в этом мифе все перевернуто: получается, что она является воплощением сексуальной силы Урана. А в произведениях искусства она часто изображается плывущей на морской раковине, как на знаменитой картине Боттичелли, и ее звали «пенорожденная» или «океанорожденная». В более поздних образах эпохи античной Греции и древнего Рима, стремясь к скромности, богиню изображали прикрывающей руками свою наготу. Но в ранний период именно эта часть тела Богини открыто изображалась, воплощая ее животворную силу.

Поскольку любовь и война связаны друг с другом, Ареса изображают как первого возлюбленного Афродиты (рис. 95) и слова «В любви, как и на войне, все средства хороши»

принадлежат ему. Венера и Марс – это две планеты по обе стороны от Солнца в классической астрологической системе.

Рис. 95. Арес, Афродита и Эрос на войне с Гигантами (краснофигурная амфора, античная Греция, 400–390 гг. до н. э.)

Еще один связанный с Афродитой мужской образ – бог Гермес (рис. 96), проводник к бессмертию. Это энергия шакти, которая вдохновляет и на бой, и на поиск духовного просветления. Маленькую повозку Гермеса везут два коня, которых зовут Эрос и Психея.

Арес и Гермес – это два главных вида взаимоотношений с женской точки зрения. Один – молодой мужчина, защитник, воин, победитель драконов. Другой – мудрый Гермес зрелого возраста, который ведет души к бессмертию. Посох Гермеса в виде двух переплетенных змей, представляющих лунную и солнечную энергию, называется кадуцей. Его часто изображают в сопровождении тотемного животного, собаки. Она может следовать по невидимому пути, ведущему к более долгой жизни, по пути, который показывает нам Гермес. Гермеса обычно изображают как спутника Геры, Афродиты и Афины на суде Париса.

Рис. 96. Афродита и Гермес (терракота, античная Греция, 470 г. до н. э.)

В работе Джейн Харрисон есть еще одно изображение суда Париса (рис. 97), где эта сцена напоминает конкурс красоты.

Гермес обращается к Парису, чтобы тот решил, какая из богинь прекраснее. Афродиту наряжает Эрос, надевая ей на руку браслет. Вы видите пса Гермеса и оленя, который ассоциируется с Артемидой, но может сопровождать любую из этих богинь. Гера чинно наряжается, как и подобает почтенной даме, а Афина, как замечает Джейн Харрисон, «решила просто как следует помыться».[118]

А затем последует суд Париса, и он выберет Афродиту. Прекрасную Елену, жену Менелая из Спарты, похитят, и это станет началом мировой войны XII в. до н. э., целью которой будет освободить Елену.

Рис. 97. Суд Париса (краснофигурный кратер, античная Греция, V в. до н. э.)

Рис. 98. Суд Париса (краснофигурный кратер, античная Греция, V в. до н. э.)

Далее Харрисон показывает нам интерпретацию событий во время суда Париса, сильно отличающуюся от привычной. На краснофигурной вазе V в. до н. э. (рис. 98) мы видим стоящих вместе трех богинь, с современной точки зрения вовсе не красавиц, и у каждой в руках венок – символ колеса судьбы. А Гермес словно говорит Парису: «Тебе придется с этим что-то делать, парень». Но Парис пытается уйти от ответственности, выбирая свою судьбу в облике этих богинь. Харрисон об этом пишет:

> «Гермес просто схватил Париса за руку, чтобы заставить его действовать. Богини не выглядят обольстительными. Три фигуры девушек поразительно похожи друг на друга, у каждой в руках венок. Сделать между ними выбор будет

---

[118] Harrison, *Prolegomena* , p. 293.

трудно».[119]

Это три *шакти* , каждая из которых символизирует определенный жизненный путь. И по какому пути пойдет этот молодой человек? По пути Афины, к героической жизни, по пути Афродиты, во власти эроса, или по пути Геры – пути царского правления, величия и достоинства?

Силы, которые представляют эти божества в человеческом облике, формируют и мир природы, и нас как природные объекты, поэтому они одновременно и внутри, и вне нас. Приблизиться к ним можно или призывая их, или открывая их в медитации, подобно индусам.

Итак, и шаманы, и материалы священных писаний со всего мира сообщают нам о том, что божество можно понять только так. Энергии, которые насыщают мир, могут рассматриваться как один вариант единственной энергии или как дифференцированные сущности, совпадающие с тем или иным аспектом природы в наших собственных жизнях. Поэтому божества могут быть или всеобщими, или специализироваться на каких-то конкретных функциях.

Индусы обращаются к своим божествам или как к воплощению конкретной стихии огня, ветра или солнечного света, или – как к божеству всеобщему, тотальному. Макс Мюллер обозначил такой способ поклонения особым термином – *генотеизм,* то есть конкретный бог может восприниматься как представитель всех сущностей во Вселенной. Тогда это будет бог – создатель мира, хотя и не сам главный Создатель, но божество, через которое в этот мир приходят сущности, причастные к его сотворению.

С другой стороны, бога можно воспринимать как то или иное проявление всеобщности. Так оно и происходит со всеми этими греческими богинями. Все греки воспринимали одно божество через призму другого.

Я уже заявлял, что божество или миф – это метафора, прозрачная для трансцендентности. Семьдесят лет размышляя обо всем этом, я наконец открыл этот термин в работе психиатра Карлфрида фон Дюркгейма, последователя Карла Юнга. Божество или миф – это метафора. И вам следует помнить о том, что это – именно метафора, которая прозрачна для трансцендентного. Лишь поняв это, вы сможете оказаться за пределами познаваемого мира.

Ту же самую идею сформулировали для нас представители немецкого романтизма и индусы. Гете говорит: «Все преходящее – лишь намек на что-то еще»,[120] а Ницше к этому добавляет: «Все вечное – это всего лишь символ».[121] Вот так обстоит дело с божествами: они – воплощения, метафорические изображения сил, действующих в нашей жизни в данный момент. В них есть правда жизни – правда наших жизней и нашего отношения к тому, что происходит. Бог, в которого кто-то решается верить, – это выбор тех сил, которые человек считает главными в своей жизни. Человек выбирает тот или иной аспект жизни как возможность представить себе то, что реально для него существует.

В нашем открытом обществе мы можем совершать свой собственный выбор. В традиционном обществе люди могут минимизировать риски, выбирая любую карьеру, и каждая из них будет находиться под покровительством того или иного божества. Потому трудно судить о силах, управляющих человеческой жизнью, и в этом суть выбора Париса:

---

119 Harrison, *Prolegomena* , p. 294.

120 Goethe, p. 152.

121 Nietzsche, *Also Sprach Zarathustra* , “Auf den glückseligen Inseln,” 1883, found at www. zeno.org/Philosophie/M/Nietzsche,+Friedrich/Also+sprach+Zarathustra/Zweiter+Tei l.+Also+sprach+Zarathustra/Auf+den+glückseligen+Inseln.

ему нужно было выбрать ту Богиню, которая станет его *шакти* , ту энергию, которая отражает смысл его жизни. Потому что женские силы в мифах воплощают энергии, простым орудием которых становится мужчина. Как муза, Мать-Богиня или вдохновительница героической жизни, эти богини являются отражениями главной силы, которую воплощает женственность – она та, кто открыт для природы. Природа управляет ее жизнью, но не жизнью мужчины.

Три богини представляют три возможных варианта судьбы Париса, и от его выбора зависит, как будет в ней выстроено взаимоотношение мужского и женского начал. Все богини связаны с определенного рода взаимоотношениями, и, насколько мне известно, не существует изображений богинь или богов без изображения полярностей этого мира.

Парис выбирает Афродиту, и та в награду добывает для него Елену.

Илиада

Елена была женой Менелая, скорее всего, они оба – бывшие божества Спарты. Существует два аспекта в античной греческой мифологии: один известен по произведениям литераторов после VII–VI вв. до н. э., а другой выражается в местных культах. Когда вы попадаете в Спарту или Беотию, вам встречаются местные культы, которые ассоциируются с местными ритуалами. В так называемой афинской литературной редакции персонажи существуют сами по себе – они оторваны от своих корней и становятся участниками эпического сказания.

Итак, Елену похитили, и Менелай отправляется к своему брату Агамемнону и сообщает: «Этот троянский парень убежал с моей женой!»

Агамемнон ему отвечает: «Так-так, это ему с рук не сойдет, мы ее вернем!» К жене здесь относятся как к собственности. Они собирают армию героев и снаряжают корабли, чтобы идти войной на Трою.

Но никому из героев не хочется идти на войну. Одиссей притворяется психически больным, чтобы откосить от армии. Он только что женился, и у них родился сын, так что он хочет остаться дома.

Но тут Агамемнона осенило: «Что, ты псих, да?» И он кладет маленького Телемаха, сына Одиссея, в борозду перед плугом, когда Одиссей работал в поле. Одиссей останавливается – и игра закончена. Надо идти на войну.

Агамемнон и Одиссей призывают на войну Ахиллеса, потому что без него им не победить.

Но вот незадача: все корабли снаряжены, готовы отплыть в Трою, но ветер стих. Причина в том, что Агамемнон разгневал Артемиду, убив на охоте беременную зайчиху. Калхас, корабельный жрец, советует Агамемнону совершить человеческое жертвоприношение, чтобы задобрить ветер. И Агамемнон отправляет домой весть своей жене, Клитемнестре, чтобы та прислала к нему его младшую дочь Ифигению. И ее приносят в жертву, чтобы ветер снова подул. И конечно, когда Агамемнон возвращается домой с войны, жена его убивает. И разве ее можно в этом упрекнуть?

Рис. 99. Ифигению приносят в жертву (фреска, Рим, Италия, 79 г. до н. э.)

На римском изображении этой сцены (рис. 99) отец Ифигении, Агамемнон, стоит слева и отводит взгляд. А справа стоит жрец, спрашивая: «И что, нам *действительно* нужно?..»

Сверху изображена Артемида. Мартин Нильсон, один из выдающихся исследователей религий античной Греции, считает, что Артемида была всеобщей Великой Богиней и воплощала силы природы. Когда произошла дифференциация божеств и разделение их функций, Артемида стала богиней природного мира и леса, Матерью всех живых существ. В версии Еврипида, когда Ифигению должны были принести в жертву, Артемида отправила на

ее место призрак девушки, а саму Ифигению забрала к себе и сделала жрицей в Тавриде.

В *Илиаде* говорится о том, что когда Ифигению принесли в жертву, поднялся ветер, и корабли отбыли в Трою.

Ахиллес – герой Илиады, но его не изображают благородным героем – этот титул принадлежит Гектору Троянскому. Греки с одинаковым уважением отзываются и о собственных войсках, и о врагах, описывая их как людей достойных, с состраданием и уважением.

Очень интересный пример подобного отношения описан в эпизоде, когда Одиссей и Диомед захватили в плен троянца по имени Долон. К нему относятся с уважением: славные воины общаются на равных, очень «по-гречески». Это типично для греческих эпосов и трагедий. Эсхил создал свою трагедию *Персы* лишь несколько лет спустя после того, как сам воевал против персов, и гуманизм, с которым он относится к бывшим противникам, очень характерен для Греции.

Эпосы Гомера относятся примерно к тому же историческому периоду, что и Книга Судей в Библии. Прочтите Книгу Судей, и вы увидите, как израильтяне относятся к своим врагам. Это совершенно другая история.

Гомер начинает *Илиаду* со слов «Гнев Ахиллеса воспой, Пелеева сына…».[122] На что же Ахиллес разгневался? На то были две причины, и они возникли одна за другой.

Первая касалась прекрасной пленницы Брисеиды. Она принадлежала Ахиллесу, но Агамемнон возжелал ее и решил выкрасть. Как на это отреагировал Ахиллес? Он ушел в свою палатку и отказался выходить из нее и сражаться. Поскольку Ахиллес – герой и великий воитель, битва без него не могла состояться. В конце концов Одиссея послали к нему с уговорами присоединиться к битве. Здесь Одиссей выступает в роли гуру, или учителя. Но герой не выходит сражаться – пока не убили его друга Патрокла, надевшего Ахиллесовы доспехи.

Рис. 100. Брисеида и Ахиллес (фреска, Рим, Италия, 20–50 гг. н. э.)

Рис. 101. Андромаха и Астианах прощаются с Гектором (краснофигурный кратер, античная Италия, 370–360 гг. до н. э.)

Только теперь в гневе Ахиллес ринулся отомстить за смерть своего друга.

И тут наступает звездный час Гектора. Только он, единственный герой троянцев, может вступить в противоборство с Ахиллесом. На краснофигурном кратере (рис. 101) жена Гектора, Андромаха, держит на коленях маленького сына, Астианаха. Ребенка испугал боевой отцовский шлем, и Гектор снимает его, нежно успокаивая сына. Андромаха умоляет мужа не уходить, предрекая ему гибель. А Гектор отвечает: «Трусость еще ни одному человеку не помогла избежать смерти».

О воине и о воинской доблести точно так же говорил и подобный ему герой «Бхагавадгиты», Кришна (в посвященной ему главе великого индийского эпоса «Махабхарата»). Махабхарату написали такие же воины, что и создатели Илиады, и в Бхагавадгите чувствуется мистическое отношение к войне. Арджуна просит Кришну провезти его между двух воюющих сторон, прежде чем прозвучит звук трубы, знаменующий начало битвы. Когда Арджуна оказывается там и по обе линии фронта видит тех, кого любит, кого почитает как своих наставников в философии, он бросает на землю лук и восклицает: «Уж лучше мне было бы умереть, чем бросаться в эту битву!»

---

[122] Илиада, перевод Н. И. Гнедича.

На это Кришна вопрошает: «Откуда эта трусость? Это воину не подобает».[123] Затем Кришна произносит боевой клич Гиты: «То, чего не может коснуться меч, что не может намокнуть под дождем».[124] Вечное не может пострадать от меча, но процесс истории уже набирает ход, и долг воина – участвовать в этом. Кришна помогает Арджуне осознать потрясающий секрет действия – йогу. Такова йога войны – йога исполнения своего долга без страха или стремления добиться какого-то результата.

В чем основной принцип действия? Если вы заинтересованы в результатах, то вас выбросит из центра и в ваших действиях не будет совершенства. Устремляйтесь вперед без страха или вожделения, и делайте то, что должно; совершите великий шаг. Индийское понимание долга аналогично стоическим словам Гектора.

Гектор садится на колесницу и устремляется к своей смерти. Это – момент действия, свершения, без страха и вожделения. Конечно, Гектора повергнет в бою Ахиллес, который совершает такое, что ужаснет нас: он привязывает тело погибшего Гектора к своей колеснице и скачет, и скачет на колеснице вокруг Трои. Некоторые утверждают, что Гектор попал в плен живым, а погиб уже во время страшной скачки.

Был ли это обычный акт возмездия могущественному противнику? Мотивы поступка Ахиллеса непонятны, но существует еще другая интерпретация: стены в Трое не были обычными стенами из камня и цемента – это были магические стены. И скачка Ахиллеса была магическим действием, разрушающим их защитную магию.

Приам, старый царь и отец Гектора, смиренно приходит к Ахиллесу, умоляя отдать тело убитого сына, чтобы совершить погребальный обряд (рис. 102). Это было очень важно в подобных традиционных культурах. Трагедия *Антигоны* началась именно с этого.

И здесь начинается замечательная история о Троянском коне, которого придумали Одиссей и Диомед по наущению Ахиллеса. Они смастерили огромного деревянного коня, посадили внутрь солдат и отплыли от Трои, оставив этого коня на берегу. Троянцы решили, что войне конец и что этот трофей был оставлен в знак уважения к ним. Они внесли Троянского коня в город, а ночью солдаты вырвались на свободу, распахнули ворота, и греки опустошили Трою.

Итак, мы подходим к концу этой войны. Троя пала, война выиграна, и теперь начинается то, что я называю *nostos* , или возвращение воинов домой после десяти лет сражений.

Именно во время таких возвращений и происходит множество событий, о которых рассказывают трагедии.

Во-первых, возвращение Елены к Менелаю.

Рис. 102. Приам просит Ахиллеса вернуть ему тело Гектора (бронза, Древняя Греция, 560 г. до н. э.)

Она охвачена стыдом, и когда она садится на корабль, там должна была произойти грандиозная семейная сцена! И снова Еврипид спасает положение, утверждая, что в Трое была не сама Елена, а только ее образ, иллюзорная фантазия, а сама красавица пряталась во время войны в Египте.

Следующая великая трагедия касается возвращения Агамемнона, и цикл убийств, начатый с жертвоприношения Ифигении, продолжается, когда его убивает жена Клитемнестра, которую затем убивает ее сын Орест. В любой культуре убийство матери – это отвратительный поступок, но греки задают вопрос: «Орест поступил как сын своей

---

[123] Bhagavad Gīta, 2:2.

[124] Bhagavad Gīta, 2:23.

матери или как сын своего отца?» По какой линии мы рассматриваем родство – по материнской или по отцовской? Если по отцовской и отец был убит, то долг сына в таком случае – убить убийцу своего отца, то есть свою мать. Но если мы думаем о родстве по материнской линии, тогда мщение за смерть его отца – вовсе не его долг, потому что отец не будет играть существенной роли для него, и тогда это просто личный поступок, и потому – грех.

Здесь мы становимся свидетелями конфликта двух систем: более древнего материнского права, сохранившегося в деревенской среде у многих народов, *pagani* , отсюда термин *pagans* – язычники, «поганые», и появившейся позднее индоевропейской, патриархальной системой отцовского права. В дальнейшем ее усвоили ахейские греки, и в особенности афиняне. Как представители патриархальной системы, Аполлон и Афина объявляют, что Орест невиновен и что они отведут гнев фурий, принеся в жертву свинью вместо Ореста.[125]

На рис. 103 Орест проходит обряд очищения кровью за убийство Клитемнестры в храме Аполлона в Дельфах. (Обратите внимание на омфал, напротив которого он сидит.) Аполлон справа от него окропляет Ореста кровью свиньи – таким образом, Орест проходит очищение кровью агнца. Принесение в жертву свиньи должно усмирить гнев фурий, воплощающих хтонические подземные силы и связь с матерью. Жертвенные свиньи играют очень важную роль в «Одиссее». Артемида стоит позади Аполлона и держит охотничьи копья. Справа изображены две спящие эринеи (фурии), которых погрузила в сон Афина. Женщина, что касается спящих фурий, – это тень Клитемнестры, которая молит их проснуться и отомстить за ее смерть. Эринеи – древние греческие божества, «те, кто мстит за преступления против кровных родственников по материнской или по отцовской линии, за все те злодеяния, которые были совершены против морали и, наконец, естественного права».[126] Они воплощают «ярко переживаемые взаимоотношения между людьми… вопль отчаяния души умершего, зовущий к отмщению».[127]

Происходит очищение Ореста, и мужественность торжествует.

Свинья, как мы могли убедиться в Чаталхеюке, была домашним животным, символизировавшим хтонические силы. Ахейцы пришли со стадами рогатого скота и собственными богами, которым можно было приносить в жертву корову или быка вместо себя. В случае с Орестом обращаются к силам Земли, фуриям. Джейн Харрисон рассуждает о различиях между этими жертвоприношениями: у ахейцев – это совместный пир людей с богами, а древнее принесение в жертву свиньи известно как *holocaust* – *холокост* (буквально «полное истребление»): убийство животного, чьи кровь и пепел уйдут в землю, и потому эту пищу ни с кем разделять нельзя.[128]

Рис. 103. Очищение Ореста (краснофигурный кратер, античная Греция, 370 г. до н. э.)

Одиссея

Итак, мы подошли к величайшей истории о возвращении героя – *nostos* – возвращении

---

[125] Aeschylus, *The Eumenides* , перевод Robert Fagles (New York: Penguin, 1977), pp. 232–233.

[126] Harrison, *Prolegomena* , p. 216.

[127] Harrison, *Prolegomena* , p. 214.

[128] [См. Xenophon, *Anabasis* , 7.8, см. www.fordham.edu/halsall/ancient/xenophon-anabasis. asp.]

Одиссея.

Путь Одиссея домой, достойное возвращение к Пенелопе – не к *какой-то там блондинке,* не к жертве и трофею войны, а *к своей жене* . Жена – это вторая половинка, которая образовалась после мистического разделения андрогина, поэтому Одиссею нужно очиститься от своей воинственности, так как в таком состоянии диалог между мужчиной и женщиной невозможен.

Я считаю, что в *Одиссее* рассказывается об инициациях, и первая из них состояла в том, чтобы установить должные отношения с женственностью, от которых пришлось отказаться со времени суда Париса, когда мужественность ставилась превыше всего.

Необходимо признать права женственности на существование для установления с ней должных взаимоотношений, – я их называю андрогинными, – когда мужчина и женщина общаются на равных. Они равны, но они не похожи друг на друга, потому что там, где теряется напряжение между двумя полюсами, прекращается биение жизни.

Вторая инициация связана с сыном героя Телемахом. Когда Одиссея призвали в армию Агамемнона, они с Пенелопой только поженились и у них родился ребенок. Одиссей отсутствовал двадцать лет: десять лет он провел на войне, а десять лет блуждал в Средиземном море. По его возвращении домой Телемаху уже исполнилось двадцать лет, и все это время он провел со своей матерью. Афина приходит к нему в образе молодого человека и говорит: «Иди и отыщи своего отца».

Первая инициация состоялась, когда Одиссей стал зрелым человеком и должен был посвятить свою жизнь бескорыстному служению семейной жизни.

Третья инициация – для Пенелопы, жены человека, который находится вдали от нее, и ей нужно проявить стойкость и верность, преодолеть искушения, оставаясь преданной своему мужу. Вот ведь какое фантастическое соединение трех видов инициаций: инициация юности, инициация зрелой мужской жизни и инициация женщины.

На двенадцати кораблях отплывает Одиссей из Трои и идет на север в город Измарос. Что же делают прибывшие туда воины? Опустошают город и насилуют женщин. Жрец города благодарит Одиссея за то, что он не тронул его дочь. Вот какими хищными были эти люди.

Боги сказали на это: «Не так должен вести себя человек, который возвращается домой к своей жене! Такие отношения мужчины и женщины не годятся для семейной жизни».

Поэтому они насылают ветер, который гоняет корабли по бурному морю в течение десяти дней. Одиссею, чтобы попасть туда, куда ему хочется, нужно встретить трех богинь и угодить им. Афродита, Гера и Афина предстанут перед ним в облике Цирцеи, Калипсо и Навсикаи.

Я думаю, что это невероятно увлекательно: три силы, которые в период Гомера игнорировались, теперь предстают во всем блеске своего величия. Поэтому перед нами – история воображаемого путешествия и реинтеграции мужественности и женственности, когда между ними устанавливаются уважительные взаимоотношения на равных и никто из них не подавляет другого.

Гонимые ветром, корабли Одиссея достигают берегов Северной Африки, земли пожирателей лотоса – лотофагов. Там всех их погружают в сон, и они оказываются в призрачной стране – и пребывают там, пока Одиссей не переносится в родные края, чтобы проснуться на берегу Итаки. В стране снов ему встречаются не люди, а чудовища и нимфы. То есть с этого момента он совершает воображаемое путешествие: попадает в область подсознательного, погружается в ту область своей личности, которой он пренебрегал и которая теперь должна в нем ожить.

Воины с кораблей попадают в страну снов, и Одиссею приходится затаскивать их на корабли по одному и привязывать на палубе.

Итак, мы знаем теперь, в чем здесь проблема: герой пришел из мира, где женственность отвергается и попирается, в патриархальной системе она находится в подчиненном положении, и ему теперь нужно встретить женственность и самому подчиниться ей. Мы

выходим из мира латентного сознания в мир грез, из мира рациональных объектов в мир мистического и метафорического опыта. Нам нужно совершить классическое мифологическое странствие. Нас выбрасывает из области нормальной жизни, где нам чего-то не хватает, а именно должного отношения мужчины к женщине.

Мы отправляемся в мистическое путешествие, пересекая порог страны грез. Для начала мы встречаем того, кого зовут стражем порога, силой, символизирующей переход от мира повседневной жизни в мир тайн. Страж порога – это пугающее чудовище, и практически всегда это более низкое проявление той же самой силы, с которой вы повстречаетесь, пройдя свой путь до конца.

Итак, первая сила, с которой сталкивается Одиссей, – это одноглазый циклоп Полифем. Один глаз символизирует глаз быка, узкий проход через врата, куда нужно попасть, чтобы пройти обряд инициации. Полифем – сын Посейдона, повелителя бездонных вод, который управляет всем этим странствием. Посейдон повелевает бессознательным, он – греческий аналог бога Шивы. Одиссей и его двенадцать воинов заходят в пещеру, чтобы понять, в какую страну они попали. Найдя там кувшины и черепки с молоком, сыром и маслом, они решают, что забрели в жилище какого-то пастуха.

И вот появляется сам пастух, и – о ужас! – это великан-людоед с единственным глазом во лбу. Он спрашивает у Одиссея: «Ты кто такой?»

Одиссей быстро сообразил, что ответить: «Я Никто». Это первый шаг на пути к изменению себя, когда попадаешь в магическое пространство. Он не хвастается, не говорит: «Я – Одиссей, ты что, не слыхал обо мне?» Нет, он отвечает: «Я Никто». И дальше мы увидим еще много таких отказов от самого себя по мере его погружения в бездну.

Рис. 104. Одиссей ослепляет Полифема (чернофигурная ваза, Древняя Греция, дата неизвестна)

Циклоп говорит: «А, ну вот хорошая еда». Хватает двух людей и разрывает их на мелкие куски. Дело принимает скверный оборот.

Когда Полифем перекусил, Одиссей у него спрашивает: «А вином это запить не хочешь?»

Полифем вина никогда не пробовал, и он принимает угощение, пьянеет и засыпает.

Одиссей вместе с одним из друзей берут огромное бревно, затачивают его конец, обжигают в костре и втыкают в глаз спящего циклопа. Сцена описана очень подробно: заостренное бревно уходит глубоко внутрь, и вы слышите, как хлюпает разорванный глаз – *кряк, кряк, плюх, шлеп* .

Полифем еще жив, он кричит и беснуется, и соседи-циклопы спрашивают: «Что случилось, кто сделал тебе больно?»

И конечно, Полифем кричит: «Никто!»

«Ну, тогда помолчи», – говорят циклопы.

Так Одиссей и спасся.

Итак, циклоп ослеп, оставшись без глаза, но он находится в пещере, откуда Одиссею с товарищами нужно как-то выбираться, – а Полифем караулит их у входа.

Хитроумный Одиссей кое-что придумал. Он берет трех овец. Связывает их вместе, кладет одного из своих людей под овцу и отправляет их вон из пещеры. Одного за другим – шесть раз, и вот – восемнадцатая овца. Циклоп ощупывает их и думает: «Это мои овцы, они идут пастись».

Так люди и выбираются на свободу.

Рис. 105. Одиссей под бараном (бронза, Древняя Греция, 520–500 гг. до н. э.)

Одиссей и сам забирается под барана.

В то время баран был символом солнца, солнечной силой и воплощением мужественности. В Египте солнечный бог Амон-Ра изображался в облике барана. Этот эпизод дает повод задуматься о том, что Одиссей воспроизвел путь солнца по небосводу. Он отождествил себя с солнцем, и как мы в дальнейшем сможем убедиться, он в конце концов и оказывается на острове Солнца. Это важно: он отбросил все обыденное и воспринял в себя солнечную энергию, солнечное сознание, солнечную жизнь. Он ускользнул от циклопов.

Мы преодолели порог в мир духовности. А что происходит с вами, когда вы попадаете в область духовного и оставляете обыденную жизнь позади? Когда вы сбросили оковы материальной жизни, то возникает опасная мысль, о которой нас предупреждают психологи: «Какой я духовный!»

Преодолев порог, Одиссей отправляется на остров ветров к богу Эолу, повелителю *праны* (на санскрите «прана» означает «дыхание, дух»). У этого бога существовал занятный обычай: у него было двенадцать сыновей и двенадцать дочерей, и он женил их друг на друге. А еще он был очень гостеприимным хозяином и радушно принял странников. Когда же они собрались отплывать, Эол сделал Одиссею подарок – кошелек, наполненный ветром. «Ветра здесь достаточно, чтобы тебе доплыть до Итаки – но только пока не открывай его, прояви терпение», – говорит он.

Люди поднимаются на корабли; на пути домой Одиссей постепенно засыпает. Сам Одиссей представляет контролирующее сознание, а его команда – силу бессознательного, которая говорит «я хочу». И пока Одиссей спал, любопытные и нетерпеливые спутники открыли кошелек с ветром, и – *пуууфф* ! – ветра там больше нет. Они забеспокоились.

Это значит *сдуться* – и начинается маниакально-депрессивный замкнутый круг. Довольно распространенный психологический комплекс: вы считаете себя почти богом, а на самом деле… ой, это совсем не так. Это свойственно людям. Необходима уравновешенность. Команда Одиссея перешла порог, прошла через узкие врата, насытилась энергией, а теперь ее больше нет.

Так что надо снова садиться на весла, а что может быть унизительнее для великих победителей, чем стать *просто гребцами* ? И они возвращаются на остров Эола и просят: «Мы все продули. Можешь дать нам еще?» А Одиссей отвечает: «Ничего больше нет. Гребите».

И вот они гребут-гребут, и их следующее приключение – глубокая депрессия. Мы вдохнули полной грудью, а теперь мы сдулись. Прибыв на остров, который мог быть Сардинией, они высаживаются на берег. Это – остров лестригонов. Читая этот эпос, вы понемногу начинаете понимать, какие ужасные существа там живут и в какой великой опасности оказались греки. Лестригоны были каннибалами, и когда Одиссей отправил одного из своих товарищей на разведку, его тотчас же схватили и сунули в котел вариться. Два других разведчика сумели спастись, но лестригоны погнались за ними и в щепки расколотили все корабли, кроме корабля Одиссея. Итак, у Одиссея остался всего один корабль, его люди садятся на весла и яростно гребут прочь.

Это – бездна. Это – великая потеря прежнего облика. Остался один корабль, на котором приходится грести на веслах. Через порог, через узкие врата, вдохновение и наполнение силой, выдох и потерю сил – они приплывают на остров Восхода, где правит златокудрая Цирцея, искусная устроительница развлечений. Но она не особенно любит людей.

Наступает великий переломный момент в этой истории. Мы попали в бездну, мы внизу и выброшены из привычной жизни, и вот мы выходим на берег. Нам нужна первая богиня, воплощающая искушение – и выступающая в роли инициатора. Искусительница, соблазнительница: она выводит героя за рамки привычного. Это богиня майя в ее инициирующей ипостаси.

Там, на болотистом острове, она ткет свои ковры, а вокруг нее – хрюкающие животные, в которых она превратила людей. Товарищей Одиссея угощают отравленной пищей. Как только они начинают есть, Цирцея превращает их в свиней.

К счастью, Одиссей с ними не ел. Он ждал возвращения товарищей, но тут к нему явился Гермес и предупредил: «Ты попал в беду. Я помогу тебе».

Гермес дает Одиссею волшебную травку, которая защитит его от чар Цирцеи. Гермес советует: «Когда ты войдешь туда, она не сможет тебя заколдовать. Устраши ее своим мечом, и она подчинится тебе, мало того, она пригласит тебя на свое ложе. Соглашайся».

Вот две силы: мужская физическая сила действия и женское волшебство – магическая сила, которая привлекает, сопротивляется и околдовывает. Впервые в жизни Одиссей встретил женщину, с которой может быть на равных. Это моя любимая ситуация: у Нее есть магическая сила, у Него – сила физическая. Он заставляет ее превратить его товарищей снова в людей. А когда совершилось это обратное превращение, *они стали прекраснее и мудрее, чем раньше* .[129]

Не только в этой истории, но и в египетской истории об Осирисе, и в истории ацтеков о Кецалькоатле инициацию проводит искусительница, которая приглашает и ведет мужчину в мир, нарушающий все его привычные представления и правила.

Цирцея проводит с Одиссеем две инициации: первую – в царстве мертвых, где обитают предки. Можно назвать эту инициацию биологической, когда человек спускается в подземный мир, к духам предков, которые воплощают биологические животворные силы, давшие нам жизнь.

В подземном мире Одиссей приносит в жертву животное, и его кровь привлекает духов. Среди них – молодой человек по имени Элпенор, погибший на затопленном лестригонами судне. Духи подземного мира похожи на шепчущие тени, кроме трехмерного Тиресия.

С Тиресием приключилась интересная история: однажды, гуляя по лесу, он увидел совокупляющихся змей и засунул между ними палку. Едва он сделал это, тут же превратился в женщину и прожил в таком облике восемь лет. А потом снова пошел гулять в лес, снова увидел двух совокупляющихся змей, снова засунул между ними палку и опять стал мужчиной.

Рис. 106. Одиссей угрожает Цирцее (краснофигурный лекитос, античная Греция, IV в. до н. э.)

Как-то раз, прекрасным солнечным днем, на голой вершине горы Олимп, Гера и Зевс спорили о том, кто получает большее наслаждение от соития – мужчина или женщина. «Так, – сказали они, – у каждого из нас своя ограниченная точка зрения. Кто бы мог нас рассудить? Знаем! Тиресий!»

Они послали за Тиресием, и тот ответил: «Нет сомнений, это женщина. Она наслаждается в девять раз больше». По какой-то причине (я тогда не мог понять отчего) Геру это страшно разозлило, и она ослепила Тиресия. А Зевс, чувствовавший свою вину за случившееся с Тиресием, наделил его даром провидения. Так что, слепой к обыденным явлениям, Тиресий мог ощущать тайную суть явлений.

Но что же так рассердило Геру? Однажды, после моей лекции, где я упоминал об этой истории, ко мне подошла женщина и сказала: «А я могу объяснить, отчего так разозлилась Гера».

«Да, объясните, пожалуйста, я всегда хотел это понять».

«Потому что с тех пор Гера больше не могла сказать Зевсу: любимый, я делаю это только ради тебя».

Тиресий стал источником и воплощением силы, связанной с проблемой Одиссея. Он осознал, что мужчина не играет доминирующей роли, а выступает как равный в отношениях

---

[129] Homer, *The Odyssey* , translated by Robert Fagles (New York: Penguin Classics, 1996) 10.428–40.

с женщиной, которая является половинкой андрогина, когда-то разделенного на мужчину и женщину.

Итак, первая инициация Цирцеи для Одиссея была биологической: тот спустился в подземный мир, повстречался с предками и осознал, что в пространстве трансцендентного мужчина и женщина едины. Возвратившись к Цирцее, Одиссей сообщает: «Этот урок я усвоил».

А она отвечает: «Хорошо. У меня для тебя есть второй». Пройдя биологическую инициацию в мир людей, Одиссей теперь должен приобщиться к свету чистого разума. Цирцея – дочь бога Солнца, Феба Аполлона. Она говорит: «Я укажу тебе путь на остров моего отца, Солнца». И рассказывает об опасностях, подстерегающих на пути туда.

Рис. 107. Одиссей и сирены (краснофигурный кратер, античная Греция, 475 г. до н. э.)

Сначала ему повстречаются сирены, чьи песни околдовывают моряков и сбивают их с пути, а корабли разбиваются о скалы. А что такое песня сирен? Это песня о тайнах Вселенной, услышав которую кажется невозможным вернуться к рутинной работе. Впоследствии эллинские философы связали сирен с раем, а их песни – с чарующей музыкой небесных сфер, которая так околдовывает вас, что вы забываете про все земное.

Я слышал рассказ одного из астронавтов Аполлона-9, Расти Швайкарта, о том, как он услышал Песнь сирен во время полета вокруг Луны. Во время выхода в открытый космос он был снаружи корабля, соединенный с ним пуповиной кабелей, и ему нужно было выполнять какие-то работы в открытом космосе. Эту работу было необходимо координировать с тем, что происходило внутри космического модуля. Все там были очень заняты и потому не могли испытывать того, что испытывал он. В какой-то момент внутри корабля случились какие-то неполадки, и у Расти оказалось пять свободных минут. Он летел в космосе со скоростью 18 000 миль[130] в час. Ни звука, ни порыва ветра, под ним – Земля, над ним – Луна, а еще дальше – Солнце. Он вспоминает: «Я спросил себя, за что же мне выпало такое счастье – испытать все это?» Вот это и есть трансцендентный, мистический опыт, который может заставить вас забыть про труд всей вашей жизни.

Еще один пример подобного опыта «ухода в астрал» – история с Фомой Аквинским. Он уже написал одиннадцать томов своего теологического труда *Summa Theologica* , и ему оставалось еще чуть-чуть. Однажды утром, проводя мессу, он вдруг пережил мистический опыт. Тогда он отложил в сторону перо и чернильницу, заявив: «Все, что я написал, просто ерунда». И ушел в астрал. После того как человек пережил нечто подобное, как ему снова взяться за обычную, рутинную работу? Вот это и есть – Песнь сирен.

Бывают откровения, превосходящие все, что вы могли бы сделать и о чем могли бы помыслить, – таков высший мистический опыт. Именно его и предстоит пережить Одиссею, но при этом не разбиться о скалы. Поэтому он залепляет своим товарищам уши воском, а себя велит привязать к мачте, приказывая кормчему: «Что бы я ни говорил, от мачты меня не отвязывай». Потому что понимает, что ему захочется выпрыгнуть из своей кожи.

После сирен ему повстречаются странные и безобразные Сцилла и Харибда. Сцилла – это юная женщина, заблудившаяся на необитаемом острове, на скалах и отвесных утесах, нижняя часть ее тела – это будка с лающими псами. Рядом с другой богиней, Харибдой, в море крутится водоворот. У эллинов Сцилла ассоциировалась со скалой, символизировавшей логику, а Харибда – с мистической бездной. Человек должен был проплыть между ними – стремясь к середине, минуя пару противоположностей.

Преодолев оба испытания, Одиссей приплывает к острову Солнца, где живет Феб Аполлон.

---

[130] ≈ 29 000 км/ч.

Рис. 108. Сцилла (серебряная монета, Италия, ок. V в. до н. э.)

Здесь существует запрет: нельзя убивать солнечного быка и есть его мясо. То есть перед высшим божеством не следует задумываться ни о чем материальном. Когда дело доходит до приобщения к высшему разуму и энергии света жизни, происходит нечто важное. А не что-то типа «давай выпьем кофейку и съедим пару сэндвичей». О таком в подобные минуты не думают.

Есть история про Рамакришну, великого индийского святого, который жил в XIX в. в Калькутте. Его главным учеником был Нарендра, впоследствии известный под именем Свами Вивекананда. Однажды, когда Рамакришна входил в храм богини Кали, жрецом которой он был, Вивекананда обратился к нему: «Знаешь, я хотел попросить Богиню кое о чем. Ты попросишь ее помочь мне?»

Рамакришна вошел в храм, а потом, когда он выходил, Вивекананда спросил у него: «Ну что, попросил?»

«Ох, – ответил Рамакришна. – Я забыл».

Дело в том, что, представ перед богом, ты забываешь про сиюминутные дела.

Одиссей засыпает, а в это время десять его товарищей начинают бесчинствовать, убивают священных коров и жарят их мясо. Зевсу поступает жалоба от Аполлона о святотатстве. Когда Одиссей и его люди отправляются в путь, Зевс ударом молнии топит корабль, и гибнут все, кроме Одиссея, ухватившегося за мачту. И он снова сметен с пути, которому следовал.

Он приблизился к той золотой двери, через которую сознание может легко пройти, обретя бессмертие, и никогда не перерождаться, навсегда покинув мир обыденного. Но это не его судьба; его судьба – вернуться к Пенелопе и к жизни. Одиссей возвращается не по своей воле.

Когда вы достигли такой высокой точки концентрации и уже готовы к прорыву в область наивысшей реализации, все земные импульсы остаются далеко позади; но как только концентрация утрачена, все земное снова тянет тебя назад.

Читая Махабхарату, я наткнулся на замечательную историю. Один святой медитировал в пруду лет сто подряд или дольше, возможно, стоя на одной ноге, и был уже готов достичь просветления, как вдруг услыхал плеск в пруду. Отвлекся. Посмотрел туда. Знаете, стоит только немного расслабиться – и пошло-поехало. Из пруда выпрыгнула большая рыба. Это была огромная рыба, которая весело плескалась, а с ней – много маленьких рыбок. Йога это поразило. «Вот счастливая рыба со своим потомством. Вот бы мне иметь потомство. О, как бы я хотел иметь потомство. Пойду-ка я женюсь».

Он выбрался из пруда и пошел в ближайший дворец. Там, конечно, сидел царь, и умный йог был в курсе, что у этого царя было пятьдесят дочерей. Вы понимаете, что только что прекративший медитировать йог выглядит неаппетитно. И вот этот вонючий йог пришел во дворец, царь принял его, а йог говорит: «Я хотел бы жениться на одной из твоих дочерей».

А царь посмотрел на него и подумал: *«О господи!»* Конечно, йог понимал, о чем он думает. Царь сказал ему: «Ну, мы тут просто так дочками не разбрасываемся, мы позволяем им самим выбирать себе мужей. Я позову евнуха, пусть он отведет тебя на женскую половину дворца, и если какая-то из дочерей сама этого захочет, то ты на ней женишься».

Пришел евнух и повел йога на женскую половину дворца. Когда они оказались у двери, йог вдруг превратился в обаятельного юношу с ресницами, как у верблюда, такого красивого, что и представить себе невозможно.

Когда дверь открылась, евнух сказал: «Ваш отец говорит, что если кто из вас захочет, то может выйти замуж за этого человека и уйти с ним». Девушки завизжали, потому что все захотели выйти за него замуж, и вот он вышел из дворца, а за ним – его пятьдесят жен, как и было обещано.

Некоторое время спустя царь подумал: «Интересно, как там у них дела». Он велел приготовить слонов, уселся на одного из них и поехал туда, куда йог увел его дочерей. Он увидел пятьдесят дворцов. Зашел в первый, увидел там одну из дочерей, сидевшую на подушках, и спросил: «Как ты тут, солнышко?»

«О, – ответила она, – он такой замечательный. Но меня беспокоит, что он всегда только со мной».

Царь отправился к другим дочерям – там то же самое. «Как же мои другие сестры?» Видимо, стоит заняться йогой, чтобы достичь подобных высот. Отец отправился домой озадаченный, размышляя о том, что *все они счастливы, но что же будет дальше* ?

И тут стали рождаться дети. Один малыш – это радость, два малыша – две радости, а три – это уже как-то не очень, а четыре, а пятьдесят малышей? И йог подумал: «Так, я получил что хотел. Отлично. Теперь я возвращаюсь к своему пруду».

Он предложил своим женам присоединиться к нему, и каждая ответила так: «Да, тут как-то стало шумно и хлопотно, я, пожалуй, пойду с тобой». Они отдали своих младенцев нянькам, и йог в компании пятидесяти жен вернулся к пруду, и там они стали все вместе стоять на одной ноге.

Именно это я имею в виду, когда говорю, что обыденное тянет человека назад. Корабль Одиссея затонул, его команда погибла. Он один плывет, уцепившись за обломок корабля, он проделал долгий путь до острова Солнца и – *бдымс* ! – его отбросило назад.

Как мы убедились, он пережил две инициации с Цирцеей – одну биологическую, а другую – солнечную. Но его странствие еще не окончено, ему нужно вернуться в мир двойственности. И вот он возвращается, следуя по пройденному маршруту, и его выбрасывает волной на берег, но не на остров Цирцеи, а на остров Калипсо, этакой нимфы бальзаковского возраста.

С ней он живет семь лет. Это похоже на настоящий *брак* , начало реальных взаимоотношений между двумя силами – мужской и женской.

И вот приходит время, когда он сидит на берегу, размышляя о Пенелопе. Похоже, он усвоил все уроки. Тогда снова является вестник богов Гермес и обращается к Калипсо: «Ты должна отпустить его». Он говорит Одиссею: «Пора возвращаться домой, к Пенелопе».

Итак, у послушной божественной воле Калипсо выбора нет, и она готовит для Одиссея плот, провизию и отпускает его.

Его несут морские течения, и вот он снова оказывается у порога в мир неизведанного. Это напряженный момент, в жизнь вторгается новый мир – и это место встречи с великими тяготами и для мистика, и для любого другого человека. Довольно трудно перейти порог, чтобы погрузиться в этот новый, рискованный мир, но пришло время вернуться и интегрироваться в обыденную жизнь.

Но бдительный Посейдон присматривает за Одиссеем, убившим его сына Полифема, и из мести разрушает его плот. Одиссея еще долго качает на волнах, прежде чем он получает небольшую помощь от Левкофеи, белой богини моря, и от самой Афины. И вот море выбрасывает его на берег на острове феаков.

Наутро, пока он спал, на берег приходит юная Навсикая, дочь царя, со своими служанками. Она пришла постирать белье в ручье, впадающем в море. Закончив работу, девушки начинают играть в мяч, подбрасывая его. Мячик укатывается и попадает в спящего Одиссея, отчего тот просыпается. И вот этот великий огромный голый мужчина поднимается, облепленный водорослями, прикрывая гениталии веткой оливы. (Джойс считал Одиссея первым джентльменом.[131]) Все девушки до смерти перепугались, кроме Навсикаи. Она похожа на Афину – покровительницу героев. Эта девушка выросла на острове, где не было никаких молодых людей, достойных внимания, и вот вдруг… «Ах!» – подумала она…

---

131 Frank Budgen, *James Joyce and the Making of Ulysses* (Oxford, England: Oxford University Press, 1972), p. 17.

Она мечтала встретить героя, и вот этот герой появился.

Одиссей заговорил с Навсикаей, которая берет его под защиту и отводит к своему отцу, царю Алкиною. Алкиной приглашает Одиссея на пышный пир, и когда гость насытился, спрашивает его: «Откуда ты, чужеземец?»

Вместо того, чтобы ответить: «Я не человек», Одиссей говорит: «Меня зовут Одиссей». Он вернул себе свое имя, его приключениям пришел конец, и он стоит на пороге возвращения.

Конечно, теперь Навсикая понимает: «*Он не для меня* ».

Одиссей рассказывает ей о своих странствиях – так и начинается «Одиссея»: вся история – это воспоминание о том, как он попал туда.

Рис. 109. Одиссей, Афина и Навсикая (краснофигурная амфора, античная Греция, V в. до н. э.)

Потом он просит помочь ему вернуться домой, и Алкиной снаряжает для него прекрасный корабль. Одиссея приносят туда спящего, усталого после странствий и кутежа, и его корабль отплывает в Итаку, где он причаливает к родным берегам тоже во сне. Как прекрасно: проснулся – и вот он дома, с Пенелопой. Так и заканчивается воображаемое путешествие, во время которого он познакомился с искусительницей Цирцеей (посланницей Афродиты), побывал мужем Калипсо (посланницы Геры) и познакомился с очаровательной девушкой Навсикаей (посланницей Афины).

Тем временем Пенелопа ткет и распускает свою паутину, она ведет себя как луна, которая то прибывает, то убывает. Ее мужа не было дома двадцать лет, война окончена, все остальные вернулись, но где же Одиссей? Со всех окрестных дворцов приходят молодые и зрелые поклонники и говорят ей: «Негоже женщине жить одной в этой стране, в таком дворце. Тебе нужно выйти замуж за одного из нас».

Но Пенелопа верит, что ее муж вернется, и говорит: «Когда я закончу ткать, то подумаю о вашем предложении». Поэтому она ткет не покладая рук, а по ночам распускает работу. Одиссей – как солнце, а она – луна; они оба символизируют тайну календаря, соотношение солнечного и лунного сознания, мужское и женское.

Афина является Телемаху в образе юноши и велит ему: «Пойди отыщи своего отца». Так происходит инициация молодого человека во взрослую мужскую жизнь, когда он должен найти своего отца.

Рис. 110. Пенелопа и Телемах (краснофигурный скифос, античная Греция, V в. до н. э.)

Но никто не знает, где его отец, и тогда Телемах говорит: «Надо бы мне пойти к Нестору». Нестор был одним из старейшин во время войны, как в наши дни – старый тренер футбольной команды. Он знает всех героев, всех на свете, все знает.

Как только Телемах уходит повидать Нестора, поклонники Пенелопы решают устроить ему засаду, чтобы убить, когда он вернется. Телемаху рассказали об этом, и потому он возвращается домой другой дорогой. Он оказывается в доме Эвмея, свинопаса, служившего у Одиссея.

Правда же, интересно, что отец встретится с сыном в доме свинопаса? Инициацией Одиссея руководила женщина, которая превращала мужчин в свиней, вину Ореста искупили кровью жертвенной свиньи. Свинья – это священное животное, связанное с тайнами подземного мира. Первым живым существом, узнавшим Одиссея, когда он прибывает в Итаку, был его старый пес, а потом – старая служанка Евриклея, которая омывала ему ноги и узнала Одиссея по шраму от клыка кабана. Помните: Адониса убил кабан, Осириса умертвил

его брат Сет во время охоты на кабана в зарослях папируса, и у Одиссея есть отметина, нанесенная кабаном. Существует ассоциативная связь между кабаном и возрождением, душой и вторым рождением, с героем, который ушел и вернулся, – и это очень важно. Когда Евриклея узнает шрам и понимает, кто перед ней, она хочет что-то сказать, но Одиссей прикрывает ей рот и велит ей: «Не говори ни слова», потому что если его имя произнесут вслух, поклонники жены уничтожат его.

Рис. 111. Одиссей убивает женихов (краснофигурный скифос, искусство этрусков, Италия, 440 г. до н. э.)

В это же самое время Пенелопа соглашается на уговоры женихов и говорит: «Хорошо, я выйду замуж за того, кто сможет натянуть тетиву лука моего мужа Одиссея и пошлет стрелу через двенадцать колец». Снова цифра 12 – по числу знаков зодиака.

Все пытаются, никто не может сделать этого. Тогда какой-то бродяга, которого никто не узнал, говорит: «Дайте-ка я попробую». В выразительном описании этой сцены Одиссей берет в руки лук, проверяет, в каком он состоянии – не подточили ли его жуки или еще что. Он натягивает тетиву, прикладывает к ней стрелу и стреляет – и стрела проходит через двенадцать колец. Он делает шаг назад, берет другу стрелу и начинает убивать поклонников Пенелопы. Он теперь восстает, как солнце, а поклонники, как звезды вокруг Матери-Богини, стираются с небосклона.

С возвращением Одиссея поклонникам приходит конец. И Пенелопа говорит: «Милый, на твою долю, наверное, выпало много приключений».

Итак, я не знаю, кто интерпретировал *Одиссею* таким образом – как повествование об инициации. Но мне представляется, что так она прекрасно вписывается в то, что можно было бы назвать архетипичным путешествием в ночном море и возвращением для того, чтобы привести себя в соответствие с принципами женственности, которую со времен Троянской войны всячески принижали. Открытие Богини заново и ре-интеграция принципа женственности представляют собой нечто новое. В то время как такие мифы повествуют о том, что волнует человека и представляет для него проблему в данный момент, мы сталкиваемся с теми же самыми силами, которые теперь необходимо интегрировать в свои представления.

Кена-упанишада из Индии, созданная в VII в. до н. э. – примерно в то же время, что и *Одиссея* , – также повествует о возвращении Богини. Там говорится о том, что как-то раз индоевропейские боги стояли вместе и вдруг увидели, как по дороге к ним спускается нечто странное. И они задумались: «Интересно, что же это такое».

Агни, бог огня, говорит: «Пойду узнаю, кто это». Он идет и предстает перед лицом этой странной, загадочной силы, и эта сила спрашивает у него: «Кто ты такой?»

Агни отвечает: «Я – Агни. Я бог огня. Я могу сжечь все на свете».

Странная сила кидает ему соломинку и говорит: «Давай посмотрим, как ты сожжешь ее».

Агни не может сжечь эту соломинку. Он возвращается к остальным богам и говорит: «Я не знаю, что это такое. У меня ничего не получилось».

Тогда Рудра, повелитель ветра, говорит: «Я пойду. Позвольте мне сказать свое слово».

И вот Рудра идет, и эта странная сила спрашивает у него: «Кто ты такой?»

Он отвечает: «Я Рудра. Я повелеваю ветрами. Могу сдуть что угодно».

И странная сила кидает и ему соломинку и говорит: «Давай посмотрим, как ты сдвинешь ее с места».

Рудра пытается, но у него ничего не получается. Он возвращается к остальным богам.

Тогда появляется богиня майя. Это ее первое появление, впервые за все время существования ведической традиции, и она знакомит богов с Брахманом, высшим божеством. В ней заключена женская сила откровения, что мы и наблюдаем в *Одиссее* .

Рис. 112. Богиня (барельеф, античная Италия, V в. до н. э.)

Глава 7
Мистерии, связанные с трансформацией[132]

Богиня – в древности и в будущем

Я попытался представить истоки и основные линии пересечения традиций почитания Богини-Матери в качестве основного божества в период с 7000 до 3500 г. до н. э. и совершенно противоположных культов индоевропейских захватчиков, появившихся около 4000 до н. э. Я не уделил достаточного времени описанию индоевропейской мифологии; нам необходимо реконструировать ее с помощью сравнительных методов, сопоставляя европейские и азиатские традиции – греческую с ведической, пришедшей из Индии, и т. д.

У земледельцев, проживающих в определенном регионе, как это было с теми, кто поклонялся Матери-Богине, поклонение может быть направлено на какие-то конкретные объекты: дерево, озеро, камень или какое-то конкретное место. Но у кочевников, например у семитских воинов или у арийцев, поклоняются тому, что вокруг и везде: бесконечному небу над головой, бескрайним просторам земли, ветру, луне, солнцу. Алтари переносят с места на место, устанавливают их и здесь и там – повсюду, и сам алтарь впоследствии принимает символическую форму, наводящую на мысли о космосе и движении в нем. Их божества не похожи на божества земледельцев, чьи боги рождаются, взрослеют, умирают, а затем переживают воскресение; в отличие от них, божества кочевников универсальны и живут вечно.

Корни кочевых народов – древние охотники, для кого основным связующим звеном с мифологическим миром и главным хранителем традиций был шаман. Шаманом становился тот, кто пережил собственную психологическую трансформацию, то, что мы сейчас называем шизофреническим расщеплением личности. Шаман погрузился в глубины бессознательного, вступил в контакт с богами и вернулся, овладев подлинным знанием.

Более того, те божества, которым шаманы посвятили свою жизнь, очень хорошо им знакомы: они являются шаманам в снах и видениях. В культуре охотников, особенно у североамериканских индейцев, видения стали демократичным явлением – они могут быть доступны кому угодно. Когда мальчикам племени приходит пора пережить инициацию, их отправляют в опасные, дикие места на четыре дня или больше, и в это время они должны поститься. И их посещают видения и сообщают о том, какова будет их судьба и предназначение. Станут ли они великими охотниками? Великими целителями? Или великими вождями? Или воинами? Если взрослый человек чувствует, что силы оставляют его, он может тоже проводить время на природе, начать поститься и снова пережить тот личный опыт, который так важен в культуре охотников.

У земледельцев обычно почитают деревенских божеств. В их традициях божествам служат жрецы и жрицы.

Когда два таких разных сообщества встречаются, как это произошло во времена индоевропейских и семитских вторжений, о которых я уже рассказывал, – их культурные

---

[132] [Эта глава составлена на основе прочитанной Кэмпбеллом лекции под названием “The Mythic Goddess” 18 мая 1972 (L445); лекции на симпозиуме под названием “Classical Mysteries of the Great Goddess I”, прочитанной 15 января 1982 в Theater of the Open Eye в Нью-Йорке (L756); и лекции под названием “Imagery of the Mother Goddess”, прочитанной 13 августа 1976 в Theater of the Open Eye в Нью-Йорке (L601).]

принципы начинают взаимодействовать. Самые яркие гипотезы о том, как складывалась мифология в истории человечества, я обнаружил в работах Лео Фробениуса. Тем, кто интересуется историей мифологии, я рекомендую работы Фробениуса «*Paideuma»* («Мистическое воспитание») и *«Monumenta terrarium»* («Памятники мира»).

Главной его гениальной мыслью в отношении этих двух масштабных культурных полей было предположение, что для охотников ключевую воспитательную роль играл животный мир. В этом мире людям приходилось преодолевать себя, постоянно убивая животных, они жили в страхе перед их местью и проклятием. Поэтому возникла целая система ритуалов, основанная на представлении о договоре между обществом людей и обществом животных, в центре этого договора находилось животное, являвшееся главным источником пропитания. Мир животных добровольно сдается на милость охотника, осознавая, что впоследствии будут проведены ритуалы, которые помогут вернуть отнятую жизнь к источнику, породившему ее, и животное сможет возродиться. Идея о согласии и договоре между двумя мирами – это очень красивая мифология.

С другой стороны, у людей, проживающих на экваторе, главный опыт их жизни говорит о растительном мире, там вы сажаете семя в землю, оно возрождается и появляется новое растение. Отсюда возникает мотив смерти и возрождения, и здесь решающую роль играют человеческие жертвоприношения.

У охотников принесение в жертву людей не играет главенствующей роли, потому что они и так убивают достаточно. Их опыт переживания чувства вины за убийство связан с ритуалами покаяния и необходимостью откупиться за него перед их миром.

Народы, заселяющие экваториальную зону, считают, что в смерти заключен источник жизни, и это придает оттенок трагизма их верованиям. Глядя на мир растений, вы видите опавшие листья и гниющие ветки в джунглях, из которых прорастают новые молодые побеги. И люди приходят к выводу: чтобы было больше жизни, нужно сделать так, чтобы было больше смерти. В традиции, ориентированной на возвеличивание Богини-Матери, царит абсолютное безумие в том, что касается человеческих жертвоприношений. Нам Мать-Богиня всегда представляется нежной, но вспомните, например, ее изображение с Крита – с топориком в руке.

В абсолютно чистом виде матрилинейная материнская система законов существовала на территории современной Европы приблизительно от 7000 до 3500 лет до н. э. Начиная с IV тысячелетия произошло вторжение воинственных племен, и эти народы стали полноправно господствовать на ее материковой части с III тысячелетия до н. э.

Примерно в тот же период семиты покинули свою родную сирийско-арабскую пустыню на Ближнем Востоке и двинулись в двух направлениях: на восток в Месопотамию и на запад в Ханаан. И там произошло слияние двух столь непохожих культур. Чтобы представить, каково было жить в те времена в одном из маленьких городов этого региона, просто прочитайте историю Иакова и его двенадцати сыновей, которые напали на Сехем. Вон там, на горизонте, появилось пыльное облако – что это, пыльная буря или отряд бедуинов? Оказывается, это бедуины… и наутро весь город мертв. Ужасные были времена, когда два этих мира соприкоснулись.

Древняя традиция, связанная с материнскими законами, сохранилась на Крите и у эгейцев, о чем свидетельствуют прекрасные мраморные статуи Матери-Богини, относящиеся к изысканному миру Крита. Конец этому положило извержение вулкана на Санторини, около 1500 лет до н. э., и с того момента началось господство мужской системы верований микенцев – хотя они уже впитали в себя воззрения, связанные с женским культом, и потому продолжали создавать те прекрасные фигурки Матери-Богини.

Около 1200 лет до н. э. произошло последнее вторжение северных индоевропейских племен, дорийцев, которые пришли с железом и одержали сокрушительную победу. Это было время падения Трои. Именно тогда барды создавали великие творения, прославлявшие деяния героев, и эти произведения были объединены в гомеровской традиции.

Илиада и *Одиссея* показывают проблему конфликта между двумя традициями –

материнской и мужской – в период античности. Нам необходимо рассматривать три стадии Гомеровых эпосов: 1) устные традиции бардов; 2) объединение этих произведений кем-то, кого мы считаем Гомером, в VIII–VII вв. до н. э.; 3) Писистрат в Афинах в VI в. до н. э. сознательно создал программу, которая представила афинскую мифологию в более благопристойном виде. Так возникла литературная античная мифология, оторванная от своих корней, которая досталась нам в наследство в пьесах и поэмах. Эпосы подверглись редактированию и облагораживанию, и самые древние дикости были оттуда вымараны. Например, Ахиллес не таскает вокруг Трои живого Гектора, привязанного к колеснице, он волочит по земле его труп.

В этом конфликте принимают участие две противостоящие силы, два способа ведения боя: относящийся к бронзовому веку и к железному веку, и оба существуют в едином пространстве. Эти эпосы стали текстами из школьных программ, а позднее на их основе возникла утонченная городская этика.

И наконец, в *Одиссее* прослеживаются признаки возрождения ценностей, связанных с культом Женственности.

В то же время на материке, на Ближнем Востоке и в Египте, мы видим культы смерти и возрождения, с массовыми захоронениями всех придворных почившего правителя и великой историей об Осирисе.

И вот мы вплотную приблизились к мистическим культам – элевсинским, дионисийским и орфическим мистериям, – и в этот момент начинается их перевод на новый язык христианского культа. В христианской терминологии основной темой мистических религий была смерть старого и рождение нового. На языке алхимиков это процесс получения золота из первичной материи. Так проникла в христианство тема непорочного зачатия: рождение духовности в людях, которые до того жили как звери. Вас учат переключать ваше внимание с заботы об исключительно животных аспектах вашего бытия. И тогда в вас пробуждается ощущение того, что в жизни существует высокая, духовная цель, а ваша животная часть должна просто поддерживать физическую жизнь и не мешать жизни духовной.

Я уверен, что святой Павел, писавший свои послания на греческом, будучи евреем, застрял между двух традиций – жесткого иудейского монотеизма и синкретического политеизма греческой традиции. И потому увидел в расправе над Христом, этим харизматичным молодым иудейским проповедником, символ убийства и смерти таинственного Спасителя.

И тогда грехопадение в раю превратилось в провал в майю, в мир иллюзорных пар противоположностей, в страдания и заботы нормальной, феноменологической жизни. Теперь крест воплощает второе дерево в Эдемском саду – Древо бессмертия, а сам Христос становится плодом вечной жизни.

Деревом бессмертия можно назвать и дерево Бодхи, под которым сидел Будда. И вот образы Будды и Христа сливаются воедино. В раннем христианстве существовал серьезный конфликт относительно сути христианской религии, который до сих пор подспудно присутствует в рамках христианской традиции. Было ли оно просто одной из разновидностей мистических культов или это особое, принципиально новое учение?

Я хотел бы продемонстрировать, каким образом мистические мифологии проникли в христианство. Более того, такой персонаж, как Орфей и орфическая традиция, сыграли значительную роль в формировании христианской мифологии. Орфические образы стали предтечей образов христианства, а мифология христианства уходит корнями в античные мистерии в значительно большей мере, чем в Ветхий Завет.

Таков главнейший конфликт первых четырех веков существования христианства. Чем оно было – абсолютно новой религией, которая освободилась от всего, о чем повествовал Ветхий Завет, или осуществлением обещанного в Ветхом Завете? Читая Библию, вы видите в ссылках всякого рода перекрестные цитаты, которые указывают на предсказания пришествия Христа и т. д. Но ведь не только в Ветхом Завете, но и в античном язычестве, а ранее – в

мистических религиях арийцев были заложены основы возникновения христианства. В III в. до н. э. Ашока, великий буддийский правитель Индии, отправил миссионеров на Кипр, в Македонию и Александрию, будущие центры христианских теологических дискуссий. Тому есть документальные подтверждения в «*Надписях Ашоки* ».

Люди задают вопрос: «Бывал ли Христос в Индии?» А зачем? Ведь Индия сама пришла на Ближний Восток. Интересно, отчего мысль о Христе в душе человека пришла в голову этому юному христианскому проповеднику, ведь она совершенно не в духе иудейской традиции. Думаю, именно это и привело в замешательство апостола Павла: осознание, что фактические события – смерть Христа и его предполагаемое воскрешение – воспроизвели в реальных исторических событиях сущность мистических религий.

Поскольку на протяжении многих лет я читал лекции о культурных традициях Азии и античной Европы в римско-католических семинариях по приглашению ордена иезуитов, можно сказать, что эта мысль получила признание Церкви. Но при этом ее представители ощущают особый характер присутствия древних мистических традиций в христианстве, а именно что сам Господь спустился к нам в облике человека по имени Иисус.

То есть это конкретизация представления о Боге: Бог – это реальный факт, а не мистическая метафора. Они уверенно заявляют, что высшая тайна превосходит все доступное человеческому пониманию, что пути Господни неисповедимы, – как и индусы. Но затем утверждают следующее: «Но все равно у нас все это происходит по-другому, потому что мы знаем нечто особенное, и это знание и есть Бог».

Вы можете трактовать все это как хотите. У вас есть авторитеты, которые считают, что христианство – это продолжение мистической традиции или что оно представляет собой нечто совершенно особенное, где Господь, если вы понимаете, что это такое, спустился на землю совершенно особым образом.

Гностическое Евангелие от Фомы, обнаруженное в Египте в 1945 г., легко соотносится и с буддизмом, и с христианством, и с античными мистическими религиями. Иисус говорит: «Тот, кто напился из моих уст, станет как я. Я также стану им»[133] (Евангелие от Фомы, 112). Это то же самое, что говорит Будда: «*Все вокруг – это Будда*» . Все живые существа вокруг – это воплощения Христа, и нужно найти Христа в своем сердце, принять и превратить его в источник нашего существования. Это чистой воды буддизм, просто здесь мы пользуемся именем *Христос* вместо термина *буддийское сознание* . Таким образом, вы можете применить понятие *буддийского сознания* к мистическим религиям. Одно из традиционных универсальных представлений о смерти и возрождении – смерти вашей природной сущности и возрождения вашего духа – уже проникло из мистических традиций в христианскую традицию.

В Ветхом Завете, с моей точки зрения, ощущается самая жестокая патриархальность. Как я уже упоминал, Богини там вообще нет. Ее (Инанну, Астарту, Иштар или каких-то других богинь) там называют мерзостью.[134] В этой чисто мужской мифологии отсутствует представление о воплощении божественного в мире людей. Иудеи считают Мессию не Сыном Божьим, а человеком, чье величие и облик таковы, что он *достоин* называться Сыном Божьим, здесь отсутствует буквально воспринимаемый, античный мотив непорочного зачатия, который внушал такое отвращение представителям библейской традиции. Здесь Богине места нет.

А дальше апостол Павел разворачивает христианскую традицию лицом к миру античной Греции. Изящно выражая свои мысли на греческом языке, он в своем евангелии сумел совместить мир синагоги и афинский мир. Здесь появляется Богиня в образе

---

[133] Thomas Gospel, 1.108; перевод Guillaumont, Puech, Quispel, Till, and abd al Masih, *The Gospel According to Thomas: Coptic Text Established and Translated* (New York: Harper & Row, 1959).

[134] First Book of Kings, 11:5.

Непорочной Девы и Матери Бога. На протяжении последних двух тысячелетий мы становимся свидетелями постепенного роста авторитета Непорочной Девы, когда ее начинают почитать практически как богиню. Теперь ее, как и Христа, тоже считают Спасительницей, признавая ее страдания и лишения, как ее великого сына. Она дала ему жизнь и привела в этот мир, а ее смиренное принятие Благовещения равносильно акту Спасения.

Но Церковь все равно проводит очень яркое различие между верой в Бога и *почитанием* Непорочной Девы. Все же она – смертная женщина, обычный человек. Но то, что она приняла на себя миссию высшего порядка, возвышает ее, превращая в *«Бодхисаттву»* – божественный символ, превосходящий по значимости даже сам божественный символ Христа. И вот она снова с нами, друзья мои, – та самая древняя Богиня. Она вернулась, и вы больше не сможете сбросить ее с пьедестала.

Я рассказывал о древних божествах, а теперь мне хотелось бы рассказать о том, как они трансформировались в известных выдающихся личностей и персонажей. Проблема с греческим пантеоном состоит в том, что когда боги становятся похожими на людей, их мифологическая мощь начинает угасать. Но я не думаю, что подобное произошло с самой античной греческой традицией – потому что традиционные мифологические ипостаси этих богов очень почитались. Я полагаю, что проблема возникает из-за интерпретации. В эпосах Гомера мы видим, как акцент смещается с мужских ценностей, характерных во времена арийского нашествия, к тем ценностям, которые были более ориентированы на женственность.

Переходя к историческому периоду, который пришел на смену античности, мы имеем дело не с обществом земледельцев, а с космополитическим обществом. Теперь главная забота людей – не выращивание урожая, хотя это по-прежнему важно. Возникли города, появились торговцы, которые отправляются в путь по великим мировым торговым путям. Эти люди похожи на нас, нынешних, они оторваны от своих корней и испытывают психологические проблемы. Поэтому тема смерти и возрождения в эту эпоху обсуждается не на языке мира растений, теперь речь идет о смерти и возрождении души.

Весьма примечательно, что хотя тысячи людей пережили инициацию, практикуя мистические культы, тайны подобных культов никогда не разглашались, и никто о них не узнал. Мы можем лишь строить догадки о том, что же там происходило.

В чем же кроется секрет? Различные исследователи строили об этом самые разнообразные теории. Я хотел бы продемонстрировать вам несколько изображений демонстрирующих этапы мистического ритуала. Возможно, они подскажут, что именно там могло происходить, не о конкретных деталях этих ритуалов, а о том, что они представляли собой в целом.

Давайте рассмотрим древнюю шумерскую печать (рис. 113). Шумерская цивилизация существовала в нижней части течения Тигра и Евфрата, в долине рек, в мире грязи. Но то была не просто грязь, а плодородная земля, что способствовало формированию на этой территории крупных поселений. Это были первые крупные города – Лагаш, Эрач и другие. Там и была найдена эта цилиндрическая печать для маркировки вещей. На ней справа изображена женщина со змеей, еще мы видим мужчину и древо с плодами добра и зла. Можно без труда догадаться, как интерпретировали археологи подобное изображение: как раннее упоминание о грехопадении в райском саду.

Но, насколько нам известно, в шумерской традиции – а есть и другие печати с изображением этого дерева – не существовало понятия о *грехе* , связанном с этим деревом. То божество, которое ухаживало за ним, угощало плодами дерева, и плод бессмертия *нужно было съесть* .

Давайте задумаемся об этих двух деревьях в райском саду. Господь запретил есть плоды с двух деревьев: с Древа познания добра и зла и с Древа бессмертия. Книга Бытия гласит, что Господь, увидев, как Адам и Ева укрыли свою наготу в одежды из листьев, догадался, что здесь что-то не так. «Что такое?» – спрашивает он.

Рис. 113. Богиня Древа Жизни (глиняная цилиндрическая печать, шумерская культура, Ирак, 2500 лет до н. э.)

И вот они сознаются в содеянном, мужчина сваливает вину на женщину, а та на змея. И Господь проклинает их, каждого по-разному. Мужчина отделался легче всех: он всего лишь в поте лица будет добывать хлеб свой. Женщине придется рожать в муках, а змея будет весь свой век ползать на брюхе. В тексте, где Господь именуется Элохим (םיהולא) (это имя во множественном числе, а не в единственном, как Яхве (הוהי)), говорится: «Теперь человек стал *одним из нас* , знающим добро и зло». То есть ему ведом реальный мир, его физические явления, жизнь и смерть, что хорошо, а что плохо. «И теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от Дерева жизни, чтобы жить вечно: И выслал его Господь из сада Эдемского… и поставил на востоке херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к Дереву жизни».[135] В этой религии путь к бессмертию закрыт.

Во всех других известных мне религиях говорится об обретении бессмертия. Как я уже упоминал, именно под Древом бессмертия восседал Будда. У входа в буддийский храм вы видите двух воинственных стражей. Это и есть тот самый херувим, который должен преградить вам путь. В буддизме они символизируют ваш животный страх и ваши желания. Это страх уничтожения вашего эго и желание, чтобы оно продолжало жить и наслаждаться, что и мешает вам обрести бессмертие. Страх и желание – вот две смыкающиеся скалы, встающие препятствием на нашем пути к осознанию собственного бессмертия.

Христос прошел через эту дверь и сам стал плодом бессмертия, когда был распят на кресте. Крест становится вторым древом райского сада – вот в чем заключалось постигшее святого Павла откровение. Это одна из главных тем христианства; она же присутствует в мистических религиях, которые мы сейчас обсудим.

Рассмотрите повнимательнее изображение на шумерской печати. Рожки на голове бога, сидящего под деревом, указывают, что это лунный бог, который скоро угаснет, но потом возродится где-то рядом с деревом. Лунный бог с горами, впитавшими силу луны, спустился умереть и обрести новые силы в утробе Богини, представшей в образе дерева, а потом он снова возродится. На другом изображении Богини (рис. 31) она стоит на вершине Мировой горы. Здесь мы видим бога-мужчину, готового принять свою Богиню, рядом изображена змея – символ животворной силы. Вы отдаете свою животную жизнь, чтобы возродиться духовно; вот в чем заключен здесь мистический смысл.

Мистические культы

Центром греческих мистерий был Элевсин (ныне Элефсис), до которого сегодня можно быстро доехать на такси от Афин. Вам откроется вид на гавань с кораблями и нефтеперегонными заводами – все это совсем не похоже на мистическую тропу, которую вы ожидали увидеть.[136] Старая легенда гласит, что именно там зародилось земледелие, – иными словами, именно там Деметра подарила его людям. Предполагается, что здесь начали впервые выращивать пшеницу, и Деметра была покровительницей храма, в котором этот дар был передан людям.

---

[135] Book of Genesis, 3:22–24.

[136] [См. Keréenyi, *Eleusis: Archetypal Image of Mother and Daughter,* перевод Ralph Manheim (Princeton, NJ: Princeton University Press).]

Рис. 114. Деметра и Плутос, древнегреческий бог изобилия (каменный барельеф, Греция, V в. до н. э.)

В Элевсине мы видим Деметру именно в такой позе – она сидит, в правой руке держит факел, символизирующий хтоническое, подземное странствие. В этом изображении присутствует двойная символика – она предстает как Мать Земли и как Персефона, ее дочь, которая спускается в подземный мир и возрождается каждую весну. На изображении может быть одна или две змеи-андрогина, в двух разных ипостасях, предстающих в виде змеи или змеечеловека. Плутос, бог изобилия подземного мира, получает от Деметры колос с зерном, чтобы унести его наверх, в мир людей.

Существует особая легенда, которая ассоциируется с культовым центром в Элевсине. Мартин Нильсон рассказывает, что в эпоху античности в Афинах пшеницу сажали осенью, а урожай собирали весной. В период жаркого греческого лета солнце сжигало всю растительность, и поэтому летом собранный урожай зерна помещали в подземные хранилища. Самое ценное находилось в земле и под землей, в царстве бога изобилия и подземного мира Аида, или Плутоса. Именно оттуда зерно берут, сеют и отдают людям. Потому бог изобилия аллегорически изображается как хранилище для зерна на лето. В северных областях сезоны посева и сбора урожая меняются местами, и в эллинский период представления о времени посадки семян и сбора урожая приходят в противоречие с интерпретацией этого мифа.

Плутос символизирует древнюю жизненную энергию и часто изображается в облике мальчика или старика. В середине цикла человеческой жизни, между детством и старостью, человек должен был принимать участие в определенном историческом этапе жизни общества, где он родился. Ребенок еще находится вне исторических общественных условий. Пожилой человек, который уже освободился от своих обязанностей, хлопот и общественных предрассудков, снова попадает в пространство универсальных ценностей. Поэтому мы до сих пор используем этот образ старика, глядящего на ребенка. Изображение уходящего года и года наступающего отражает одну вечность, которая смотрит на другую, а между ними – время действия в области истории. Поэтому тот, кто воплощает вечную энергию, изображается или как мальчик, *puer aeturnus* (вечный ребенок), который продолжает жить вне исторического контекста, или как старик. Вы можете убедиться в этом, читая легенды о короле Артуре, когда Мерлин, мудрый жрец друидов при дворе короля Артура, изображается или мальчиком, или стариком.

Одна из целей обряда инициации в мистических религиях – с помощью духовного странствия показать человеку основу его существования, источник сознания и энергии, проявлениями которых мы все являемся. Поэтому его цель состоит в том, чтобы привести нас к знанию об этой силе, а рог изобилия является символом нашей жизни.

Все символы этих мистических религий относятся к эпохе земледелия. Поэтому основой их было все связанное с земледелием и плодородием земли, урожаем, производством шерсти, деторождением. То есть все было основано на биологии. В этих культах периоды строгого поста сменялись периодами радости и веселья, а позже основным их мотивом стало духовное возрождение. Многие традиции того времени говорили о духовных ценностях на языке земледельцев, связанном с плодородием земли, зарождением новых времен года и т. д.

В период возникновения городов эти символы стали восприниматься в качестве психологических метафор. Люди отправлялись в Элевсин, чтобы пережить обновление, как мы это делаем и сегодня. Многие из нас занимаются садоводством и волнуются о том, взойдут ли посаженные растения. На самом же деле нас волнует то, насколько будет реализован потенциал нашей души, семена которого произрастают из нашего бессознательного. И вот накопление изобилия в темных недрах земли начинает ассоциироваться с неоткрытыми сокровищами нашей духовности. Традиционные

земледельческие символы начинают конкретно и эмоционально наполняться психологическим смыслом. Мистические культы, в отличие от древних земледельческих культов, основное внимание уделяют духовности и психологии, и те, кто использует их символы, об этом знают. Не это должны были открыть Фрейд и Юнг, а то, что давно было известно, о чем знали и художники, и поэты. И вот теперь мы переводим все это на психологический язык.

А рог изобилия символизирует нашу собственную душу, из которой должен взойти и созреть урожай, расцвести цветы. И понесет их в своих руках ребенок или старик. Женщина символизирует засеянное поле, сам источник жизни, а мужчина просто действует от лица женщины в этих системах: именно он – та активно действующая, так сказать, рука чье тело дает жизнь, принимает ее в себя и питает ее.

Нам неизвестно, что именно происходило во время отправления элевсинских мистерий; ритуалы держались в секрете, а их разглашение каралось смертью. Здесь во всем присутствует нераскрытая тайна, секрет тысячелетий. Но можно получить о них кое-какие представления, рассматривая последовательность действий, изображенных на вазах и саркофагах. А какое именно конкретное действие производилось таким символическим способом и производило такой ошеломляющий эффект – этого, как сказал Сократ, «я сказать не могу».

Чтобы прийти в Элевсин из Афин, вам нужно идти вдоль берега моря по так называемому Священному пути. Именно здесь проходили процессии людей из Афин в определенные времена года, чтобы разделить трапезу, состоявшую из ячменной похлебки, и затем выпить ритуальный напиток. Это отражено в серии ярких изображений мистерий на саркофагах в святилищах Элевсина. В книге *«Путь в Элевсин»* авторов Гордона Уоссона, Альберта Хоффмана и Карла Рука говорится, что ячмень, из которого готовили эту похлебку, был инфицирован грибковым вредителем – спорыньей. В его химический состав входит галлюциноген, оказывающий воздействие, сравнимое с эффектом от употребления ЛСД. Предположительно, небольшая доза этого вещества и содержалась в ритуальной похлебке. Поэтому у людей, проходивших инициацию, могли возникать собственные галлюцинации в качестве реакции на проходившие в святилище обряды. Семья, отвечавшая за проведение таких ритуалов, жила в Элевсине на протяжении многих веков. Мы не знаем, когда именно начали проводиться религиозные обряды в Элевсине, но, возможно, они зародились еще в догомеровы времена, корнями уходя в культ Матери-Богини. В ритуале разыгрывалось странствие героя в подземный мир и назад, в мир живых, подобное тому, в которое Цирцея отправляла Одиссея.

И вот мы снова оказались на пороге. На изящной краснофигурной вазе (рис. 115) мы видим Дадуха,[137] второго жреца мистерии, стоящего между Гераклом, архетипичным героем, слева, и проходящем инициацию героем, отправляющимся в странствие, справа. Жрец подает ему факел подземного мира.

После того как молодого человека приняли для совершения обряда, им будет руководить мистагог – так называемый психопомп (ψυχοπομπός), «проводник душ», Гермес, указывающий страннику путь в пустынном святилище, и ведет его к возрождению.

Изображение на саркофаге Терра Нова (рис. 116) дает представление о последовательности действий во время мистерий, показывая весь цикл инициаций, состоявший из трех стадий. Слева, вначале, стоит фигура по имени *Иаккос.* Этим словом громко приветствовали новорожденного Диониса, и то же кричали в момент соприкосновения с откровением. Иаккос мог символизировать момент просветления, наивысшую точку действа, проходившего во время мистерии.

[137] Жрец древнего культа, чье имя означает «факелоносец».

Рис. 115. Жрец стоит между Геркулесом и молодым участником обряда инициации (чернофигурный скифос, античная Греция, V в. до н. э.)

Рис. 116. Очищение Геракла (каменный барельеф, Италия времен античного Рима, II в. до н. э.)

Дерево позади – это лавр, по поверью, защищавший от зла. Дафна превратилась в лавровое дерево; по пути в Элевсин из Афин есть место, которое тоже называется Дафна. На этом пороге мы оставляем позади обыденный мир, для того чтобы войти в защищенное священное пространство. Первым, кто здесь нас встречает, будет ипостась Диониса.

Продолжая свой путь, мы встречаем двух богинь: Деметру с факелом в руках, пламя которого устремляется вверх, и Персефону, ее дочь, чей факел направлен к земле, проводя очищение нижнего, хтонического мира.

Необходимо отличать хтонический, или подземный, мир – пещеры и тьму и теллурический мир, надземный, где мы живем и который считаем матерью-землей. Две ее ипостаси изображаются как две разные богини. Роль Персефоны в некоторых пелопонесских культах выполняла Артемида – Кора, девственная богиня. Кору или Персефону похитил Аид и унес к себе в подземное царство. Она представляет тот плод на полях подземного мира, что должен снова прорасти вверх. Спускаясь в подземный мир и снова вырастая из него, она словно повторяет путь зерна, пшеницы, пищи людей. Она воплощает эту энергию, и многое другое, а именно мощь подземного мира. В мире людей Персефону считают похищенной дочерью Деметры, но для мира подземного она – царица.

Деметра восседает на священной корзине, которую обвивают змеи, и из этой корзины выползает змей, тот, что сбрасывает свою кожу, чтобы пережить обновление, и символизирует связь животворного сознания с миром времени и пространства.

Итак, первым этапом инициации было пройти между двумя богинями – богиней нашей жизни и богиней нашей смерти. Как и в культуре Микен, они представляют собой пару – мать и дочь.

Между ними проходит тот, кто переживает инициацию, и его усаживают на скамью, покрытую шкурой барана. Баран – это символическое животное, он воплощает солнечный свет. Иными словами, человек, идущий по этому пути, должен был пережить поразительное озарение. Мистагог, или проводник, льет зелье в огонь. За проводником стоит Дионис, а за ним – Геката, которая символизирует силу ночи и бездну.

На урне Лователли (рис. 117) подробно изображено точно такое же событие, но там присутствуют и несколько новых элементов. Как указывает Карл Кереньи, здесь человек, проходящий инициацию, сам предстает в роли Геракла:

> Юный Геракл, который идет справа налево, проходит важные ритуалы для подготовки к инициации. Герой-прототип человека, которому необходимо очищение, сразу же угадывается в персонаже, покрытом львиной шкурой.[138]

Страж у входа слева – женщина. Справа от нее изображена небольшая чаша, наследие древних времен, которая присутствует не только на греческих барельефах, но и на ассирийских тоже. В этой чаше – эликсир бессмертия, амброзия.

Рис. 117. Очищение Геракла (каменный барельеф, Италия времен античного Рима, I в.

---

[138] Keréenyi, *Eleusis* , pp. 54–55.

до н. э.)

На корзинке восседает Деметра, а справа от нее – Персефона, кормящая змею. Мы видим, что проходящий инициацию человек, все еще под покрывалом, должен получить какое-то откровение из *ликнона* – корзины, которая используется при посеве, когда зерна отсеиваются от шелухи. В этом и заключается суть инициации. Мы в нашей жизни отделяем шелуху от семян, чтобы постичь в откровении самое главное.

В корзинке для посева зерна (рис. 118) лежат фрукты и фаллический символ, и потому мы догадываемся, что она как-то связана с рождением, оплодотворением и новой жизнью. Скоро с посвященного снимут покров. Справа от него стоит вакханка, девушка, танцующая с тамбурином, на котором изображен козел – символ не только солнечной энергии, но и сексуальной.

На рис. 119 вы видите изображения откровения, переживаемого во время мистерий. Этот новорожденный ребенок воплощает мотив смерти и воскрешения Спасителя, а откровение в корзинке теперь представлено младенцем, возродившимся юным Дионисом. Две его ипостаси – маленький мальчик и старик – оба держат факелы, воплощая разные аспекты силы Аида и его энергии бездны. И есть еще одно откровение, когда распахнется занавес. Мальчик слева держит в руке факел, и можно догадаться, что там, где проводили ритуал, было темно. Должно быть, это было незабываемо.

Рис. 118. Посвященному вскоре покажут содержимое корзины (каменный барельеф, местонахождение неизвестно, дата неизвестна)

Рис. 119. Богоявление (каменный барельеф, саркофаг, Италия эпохи античного Рима, дата неизвестна)

Этот путь приводил проходивших волнующий ритуал к откровению – *Богоявлению,* как это сейчас бы назвали, когда они встречали божественного ребенка. Сократ в одной из своих бесед, записанных Платоном, объявил, что пережил инициацию в Элевсине и что это было одним из самых волнующих переживаний за всю его сознательную жизнь.

Как замечает Джейн Харрисон, рождение священного ребенка было центральной частью этого ритуала:

> О рождении такого ребенка объявлял иерофант, верховный жрец, в определенный момент празднования этих мистерий: «Бримо родила ребенка Бримоса». Но маловероятно, чтобы подобная мистерия могла быть открыто изображена на вазе. Напрашивается более простое описание происходящего. Ребенок поднимается из рога изобилия, символизируя плодородие. Он есть один из плодов земли. Его торжественно представляют Афине, потому что в Элевсине Афинам дарили и зерно, и мистерии.[139]

На вазе с рис. 120 изображены персонажи, которые ассоциируются с музыкальными сценками во время элевсинских мистерий. Внизу, в центре, мы видим Богиню-Землю с рогом изобилия, которая символизирует землю, хранящую в себе запас зерен. Из этого рога изобилия выходит маленький мальчик, юный Дионис. Ребенок символизирует родившийся плод и духовное рождение от непорочного зачатия. Непорочное зачатие не связано с биологией – речь идет о зарождении духовности в человеке. Если же трактовать это понятие дословно, как нечто связанное с биологией или как историческое событие, то весь его смысл

139 Harrison, *Prolegomena* , p. 525.

теряется.

Рис. 120. Рождение божественного ребенка в Элевсине (краснофигурная ваза, античная Греция, V в. до н. э.)

Ребенок тянется к Афине, богине-покровительнице города Афины. Элевсин отправляет жителям Земли послание, и жители города Афины принимают его. Над ними парит в странной двухколесной повозке Триптолем (Τριπτόλεμος), юноша, которому Афина и Деметра передают зерно, чтобы он поделился им со всеми. Итак, эта история ассоциируется с двумя символами плодородия: пищей физической, которой мы питаемся, и пищей духовной, а Богиня дарит нам и эту пшеницу, которую мы едим, и духовную радость.

Похищение Персефоны

Другим важнейшим мифом в элевсинских мистериях был миф о похищении Персефоны.[140]

В легенде говорится, что она собирала цветы на лугу и ее увидел бог подземного мира Аид, или Плутос (так его называют во время ритуалов, в литературе он известен под именем Аид). Тут земля разверзлась, Аид вышел из преисподней и забрал с собой Персефону, а потом еще и целое стадо свиней обрушилось в яму вслед за ними.

И вот, подобно Исиде, отправившейся на поиски мертвого Осириса, Деметра стала искать Персефону. Мать идет по следам похищенной дочери, но видит, что ее следы затоптаны копытами свиней.

На примере из книги Харрисона (рис. 121) показано жертвоприношение свиньи Персефоне. Факелы справа принадлежат Персефоне, царице подземного мира. Вот в чем вопрос – а была ли сама Персефона Богиней, принимавшей облик свиньи? Помните изображение Богини со свиным пятачком, созданное 5000 лет назад до н. э., с лабиринтом подземного мира на теле (см. рис. 22)? Сэр Джеймс Фрезер в своей книге *«Золотая ветвь»* утверждает, что Деметра и Персефона изначально были богинями – покровительницами свиней, а написал он об этом за семьдесят лет до того, как было обнаружено то самое изображение Богини в облике свиньи!

К тому же периоду истории относится найденное в Сербии изображение богинь-близнецов (см. рис. 9). Культы более позднего периода Античности сохраняют преемственность с верованиями древнейших времен, становятся гораздо утонченнее и прекраснее.

Итак, мы движемся от жизни к смерти, от одной матери к другой, от Деметры к Персефоне. Смысл этого заключается в том, что смерти нет. Жизнь, заключенная в нашем теле, вечна.

И вот Деметра отправляется на поиски своей дочери. Легенда гласит, что она подошла к колодцу в деревне Элевсина. Там она, вероятно, присела отдохнуть, безутешно горюя о своей потерянной дочери.

Люди подошли к плачущей Деметре, чтобы утешить ее, но разбитая горем Богиня не может даже улыбнуться им в ответ. Все олимпийские боги собрались, чтобы успокоить ее, но она только отмахивается от них, пока к ней не приковыляла старушка Баубо (Βαυβώ), которая выглядела очень неприлично. Она исполнила

---

[140] [Античный миф о Деметре и Персефоне излагается в Гомеровом гимне, посвященном Деметре “Homeric Hymn to Demeter.” См. переводы by Charles Boer or H. G. Evelyn-White.]

перед Деметрой такой забавный и непристойный танец, что, глядя на нее, Деметра не смогла удержаться от смеха.

Здесь очень интересна роль обесцененного[141] – оно нарушает правила приличия и позволяет человеку забыть о своих обязанностях и привычных представлениях. В античных театрах обычно зрителям представляли три трагедии и одну комедию. В комедии все показывается с другой точки зрения, заставляя забыть обо всем печальном. С Деметрой это и произошло. Помните, у Гёте в «Фаусте», строки из Вальпургиевой ночи: «*Die alte Baubo kommt allein/Sie reitet auf einem Mutterschwein»* («Старуха Баубо в стороне/Летит на матушке-свинье!») (перевод Н. Холодковского).

Рис. 121. Принесение свиньи в жертву (краснофигурная ваза, античная Греция, V в. до н. э.)

Рис. 122. Деметра и Персефона на Парфеноне (каменный барельеф, античная Греция, 447 г. до н. э.)

Рис. 123. Колодец в Элизии (камень, Древняя Греция, VI в. до н. э.)

Вот как повествуют об этом эпизоде Гомеровы гимны:

Не пожелала, однако,
присесть на блестящее кресло
Пышнодарящая,
добропогодная
матерь Деметра,
Но молчаливо стояла,
прекрасные очи потупив.
<...>
Но без улыбки сидела,
еды и питья не касаясь,
Мучаясь тяжкой тоскою
по дочери
с поясом низким.
Бойким тогда
балагурством
и острыми шутками
стала
Многоразумная Ямба
богиню
смешить пречестную:
Тут улыбнулась она,
засмеялась и стала веселой.
<...>
Милой с тех пор
навсегда ей осталась
и в таинствах

141 Непристойного. – *Прим. перев* .

Ямба.

Похожий сюжет имеется и в японской мифологии. Главное божество в японском синтоистском пантеоне – Аматерасу, прекрасная Богиня солнца. Весь мир зависит от света, который она излучает. Однажды ее брат ужасно обидел Богиню и ее подруг, и, кипя негодованием, Аматерасу удалилась в пещеру под горой, завалив за собой вход валуном. И весь мир погрузился во тьму.

Боги стали советоваться друг с другом: «Как же нам выманить ее обратно?»

Они решили устроить буйную вечеринку снаружи у входа в пещеру. Аматерасу услышит этот шум и захочет узнать, что там делается. Они стали буянить и шуметь, а одна из богинь исполнила непристойный и развязный танец, сопровождая его смешными жестами. Все боги так и покатились со смеху.

Рис. 124. Баубо (терракота, античная Греция, V в. до н. э.)

Рис. 125. Аматерасу, выходящая из пещеры (красочная печать с деревянных досок, период Эдо, Япония, XIX в. н. э.)

Аматерасу в своей пещере заинтересовалась происходящим снаружи. Она чуть-чуть приоткрыла выход из пещеры, чтобы одним глазком взглянуть на то, что там происходит. А боги тогда сказали ей: «Знаешь ли, здесь у нас появился кое-кто покрасивее тебя» и с этими словами приставили к выходу из пещеры зеркало, чтобы Аматерасу увидела в нем свое отражение.

Она очень удивилась и вышла наружу, тогда два огромных сильных бога задвинули камнем выход из пещеры и обвязали вокруг Богини веревку, напоминающую радугу в библейской традиции. Это означало, что Аматерасу не сможет снова убежать, а мир никогда больше не погрузится во мрак. И до наших дней в синтоистских храмах богини Аматерасу можно увидеть эту веревку, что означает: Богиня больше нас не покинет. А что за красный диск изображен на японском флаге? Это зеркало Аматерасу.

На так называемом покрове Деспины[142] (рис. 126) мы видим замысловатые и забавные изображения животных, фигуры людей в масках. Все они исполняют какой-то дикий танец. В Пелопоннесе мы видим танцовщиц-Кор (помните, что Кора – это пелопонесское имя Богини Девственницы, которую в других районах Греции называют Артемида или Персефона). Они исполняют дикий танец, посвященный Богине-Девственнице Де-спине. На этом покрове мы узнаем ее среди танцоров в масках.

Рис. 126. Покров Деспины (рисунок на каменном барельефе, античная Греция, примерно IV в. до н. э.)

Это напоминает фигуры с головами зверей из тантрических буддийских традиций – дакини, духов пространства, что наводит на мысли о карнавале. А во время карнавала не действуют никакие законы, они происходят на границе двух эпох вечности – эонов.

В году 365 дней, но округленное количество стандартного года – 360 дней. Итак, год состоит из такого же количества дней, что и количество градусов в окружности, поэтому круг времени и круг пространства устроены одинаково. Но между 360 днями ушедшего года и 360 днями года нового есть промежуток в пять дней – они и приходятся на карнавал. Это –

142 Деспина – в древнегреческой мифологии эпитет дочери Деметры и Посейдона Гиппия.

период вседозволенности, всяческих неприличий, когда не соблюдаются законы, чтобы произошло оплодотворение и пришло новое поколение новой эпохи, поэтому мотив дикого непристойного танца ассоциируется с легендой о поисках Персефоны. Именно в эти пять дней благопристойность мира, живущего по законам, нарушается, и появляется возможность поиграть, побезобразничать и посмеяться.

Если серьезно, то вам следует осознать, что оба мира соизмеримы друг с другом, и мир, живущий по законам, – это просто один из возможных вариантов. Когда вы что-то делаете, то создаете шаблон, исключающий иные возможности, но приходит пора, когда нужно открыться чему-то непривычному и возможности творить.

В сущности, всякий, кто занимался творчеством, знает, как наступает такой момент. Вы строите осмысленные планы и придерживаетесь их, чтобы получить «сухой», «мертвый» продукт вашего труда. Но вам нужно открыться хаосу, который приходит из глубин, снизу, и тогда возникает нечто оригинальное, а если вы включаете критику слишком рано, то вы убьете свое творение.

Шиллер написал одному молодому писателю прекрасное письмо с советом, как преодолеть ступор перед пустым листом бумаги в начале работы. Молодому писателю было о чем поведать миру, но он никак не мог записать свои мысли. Это нормальная ситуация. И Шиллер дал очень простой совет: «Ваша проблема заключается в том, что вы слишком рано включаете критику, а лирика не успевает заработать».

Посмотрите, что происходит в школах: там учат делать критический разбор произведений Мильтона и Шекспира, Гёте и других писателей, а потом учитель говорит: «А теперь придумайте что-то сами». Вы садитесь, у вас что-то начинает получаться, и тут вы думаете: «*О боже мой! Да это же ерунда* ». Конечно, вы не можете сочинять как Шекспир, но вы можете сочинять в собственном стиле, если, конечно, позволите себе сделать это.

И тут должен наступить момент хаоса – нарушения всех правил, когда вы понимаете: «Да какая разница, кто что подумает?». Пришло время нового поколения. Вот какой мотив связан с карнавалом.

Именно таким способом оживает Богиня, она возвращается к жизни благодаря смеху. Это – момент просветления, *анодос* , или возвращение Богини. Семя, которое хранилось в царстве Аида во время сухого лета, теперь выходит на поверхность, как буйство жизни во время осеннего сева. На этой вазе (рис. 127) Персефону окружают купидоны и сатиры, фаллические и растительные изображения. Дионис держит в руке свой деревянный жезл тирс, увитый плющом, и, таким образом, дионисийские ассоциации тесно переплетаются с элевсинскими мистериями.

Рис. 127. Анодос Коры/Персефоны (краснофигурный кратер, античная Греция, V в. до н. э.)

Рассказ о другой Богине, которая поднимается на поверхность земли, может вас удивить (рис. 128). Над ее головой написано имя – Пандора; она символизирует энергию жизни, приходящую в мир вместе с женщиной.

Вот что рассказывает нам об этом изображении Харрисон:

> На первый взгляд кажется, что мы видим величественную фигуру, которая поднимается из-под земли с простертыми руками. Кроме того, там изображен мужчина с молотом и ожидающий ее Гермес. Нам кажется, что мы видим знакомую сцену вознесения Коры или Геи. Не будь там никаких надписей, это изображение можно было бы трактовать именно так. Но дело в том, что каждая фигура тщательно подписана. Слева – Зевс, рядом с ним – Гермес, затем – Эпиметей и, наконец, не Гея и не Кора, а Пандора. Над Пандорой, приветствуя ее восхождение, парит бог любви с повязкой для волос в протянутых к ней руках.

Пандора поднимается вверх из-под земли, она – Земля, та, что приносит дары.[143]

Рис. 128. Пандора поднимается из-под земли (краснофигурная амфора, античная Греция, V в. до н. э.)

В образе Пандоры мы видим еще одно отражение идеи о том, что именно женщина приносит в мир благополучие и процветание. А более поздняя, нахальная, мужланская история о Пандоре, где намекают на то, что женщина приносит с собой ларец с несчастьями, – просто еще один способ сказать, что в жизни бывает много несчастий. Конечно же, где жизнь, там и несчастья; как только в жизни что-то происходит, так сразу же могут приключиться и беды, и катастрофы. Где процветание, там и страдание.

Эпиметей (предположительно), Гермес, Зевс и Эрос – это основные силы, которые приветствуют здесь появление Богини.

Иллюстрация на рис. 129 развивает ту же тему еще более выразительно: сатиры бьют землю молотами. Земле должно быть больно, ее нужно копать, чтобы из нее могла подняться новая жизнь. Жизнь – это боль. Вот и Христос тоже должен быть распят на том кресте, к которому все мы прибиты в пространстве времени. А когда землю вспахали, чтобы она могла принести свои плоды, ее больно наказывают. Для этого в мистериях присутствовало бичевание.

Есть два изображения ритуала дионисийской инициации в Вилле Мистерий в Помпеях (I в. до н. э.), которые дают нам представление о том, что там происходило. На первом изображении (рис. 130) молодая женщина, проходящая инициацию, положила голову на колени женщины постарше, а та смотрит на ангела, который занес над девушкой хлыст. У обнаженной танцовщицы в руках цимбалы или кастаньеты. Стоящая перед ней женщина одета в темную хламиду, а в руке у нее тирс, или жезл.

Рис. 129. Богиня Земли в страданиях поднимается из глубин (чернофигурный лекиф, античная Греция, V в. до н. э.)

Рис. 130. Юную женщину, проходящую обряд инициации, бичуют (фреска, Рим, Италия, I в. н. э.)

На втором изображении молодой человек, проходящий обряд инициации, смотрит в металлическую чашу с внутренней зеркальной поверхностью, а за ним помощник держит сморщенную и ужасную маску старика. Угол кривизны этой чаши тщательно изучили и рассчитали математически, и выяснилось, что каждый, кто смотрел бы в чашу под таким углом, видел бы не отражение собственного лица, а отражение этой маски, которую держали у него за спиной. И видит он там не себя сегодняшнего, а того, кем он станет. У американских индейцев было на этот счет особое выражение – «длинное тело», то есть тело всей жизни полностью, а не краткий миг из нее, который можно увидеть сегодня утром.

Наш переход по полю времени является переживанием совпадения этого «длинного тела» с другим. Мы хватаемся за краткий миг совпадения. Но проходя инициацию, мы видим свое истинное тело – вот оно, перед нами, и нам всего лишь нужно осознать, какова его длина. Наша жизнь происходит внутри одного тела, от зачатия и до смерти, и это мы должны осознать во всей полноте.

---

[143] Harrison, *Prolegomena* , pp. 280–81.

Рис. 131. Человек видит «длинное тело» (фреска, Рим, Италия, I в. н. э.)

Тот, кто проходит инициацию во время мистерий, вдруг невероятно расширяет границы своих представлений о себе самом. Он осознает, что живет не только в своем молодом теле, принадлежащем ему в данный момент, – он проживет длинную жизнь. Поэтому становится ясно, отчего происходящее во время мистерий хранили в тайне. Предположим, что перед инициацией молодой человек встретит кого-то из своих друзей, уже прошедших эту церемонию, и ему расскажут про хитрый фокус с чашей и маской. Что произойдет во время инициации? Ничего. Она будет разрушена. И поэтому так важно не выдавать этот секрет.

Инициация – это незабываемое потрясение. Как говорил Якоб Эпштейн, великий английский скульптор: «Каждое произведение искусства должно быть потрясением». Это не должно быть просто: «А, вот как это выглядит», или: «Это произведение такого-то художественного направления?», или что-то еще в подобном роде. Вы должны испытать шок. Шок помещает изображенное в своего рода рамку, и эта рамка заставляет вас пережить инициацию, уникальный вневременной опыт, связанный именно с этим произведением искусства, – а не с тем, какое место оно занимает относительного другого времени, других предметов или понятий. Весь смысл эстетического переживания – это опыт сам по себе, независимо от всего остального. И потому портретная живопись бывает такой нескладной. Про портрет говорят: «Там рот какой-то странный». Вы смотрите на него и говорите: «Вообще на Билла не похоже» – вот вы и разрушили впечатление от портрета. Но посмотрев на картину как на Картину с большой буквы, а не просто как на некое изображение чего-то, вы можете испытать потрясение. Для того, чтобы это произошло, нужно ожидать от созерцания картины чего-то удивительного.

Инициация – это потрясение. Рождение – это потрясение. Все связанное с трансформацией должно переживаться так, словно это происходит в первый раз.

И вот молодой человек обнаруживает свое «длинное тело». Мистерии связаны со смещением внимания с бесплотной личности на форму форм, которую вы обычно ощущаете. Если вы слишком заострите внимание на форме, тело выпадет. Проблема в том, чтобы осознать, как нечто постоянное обыгрывается в пространстве времени, чтобы вы могли вернуться в обыденный мир с воспоминанием об этих глубинных переживаниях. Вот в чем дело. Нам нужно почувствовать глубину, но потом нам нужно вернуться в пространство времени со знаниями об этой глубине и не думать, что мы в ней находимся. Если вы будете продолжать думать, что вы находитесь на этой глубине, этот опыт в результате будет обесценен.

Возродившаяся девственница: золотой колосок пшеницы.

Мы многое знаем о мистических культах из апокрифов христиан, которые отзывались о них с презрением. Климент Александрийский, например, выразился так: «Что за абсурд. Просто представьте себе ритуал, кульминация которого наступает, когда пшеничный колос поднимается ввысь!» Ну так что же, а кульминация католической мессы – увидеть, как поднимают вверх маленькую просфору из этого поднявшегося колоса. Дело не в том, колос это или просфора, а то, что все это символизирует: пищу нашей духовности, духовную пищу, которая попирает смерть.

Рис. 132. Возрожденная Богиня как сноп пшеницы (мраморный барельеф, античная Греция, V в. до н. э.)

Как мы уже убедились, во всех земледельческих обществах наша пища – это сама божественная жизнь, связанная с посадкой растений. Основной миф в Меланезии и во многих других высокоразвитых регионах заключается в следующем: в древние времена не

было разделения на мужчин и женщин, не было рождения, не было смерти, было лишь постоянное настоящее. В какой-то момент в этом безвременном времени было совершено убийство. Одно существо было убито, разрублено на куски и похоронено, а из этих частей поднялись на поверхность земли растения, которые стали пищей людей. Тогда же возникло разделение на мужчин и женщин, и, чтобы создать противовес смерти, появилось рождение и развитие жизни. Итак, мир начался с убийства, пространство времени началось со смерти, потому что время – это смерть. Если времени нет, то все становится вечным, а разрушение формы позволяет создать какую-то другую форму, вот в чем смысл этой истории.

И потому мы поедаем убитого бога, будь то убитое нами животное или сорванное нами растение. Смысл благодарственной молитвы перед едой сейчас сводится к тому, что мы благодарим Бога за дарованную нам пищу, но на самом деле нам нужно благодарить Бога за то, что он сам *стал* нашей пищей. Вот в чем идея причастия в христианской церкви: вы едите тело Бога – Иисуса, отдавшего за нас свою жизнь.

Вот в чем секрет всех этих мистерий: нашу жизнь питает чужая жизнь. Согласитесь вы с этим или воскликнете: «О боже, а я надеялся, что наша жизнь – это нечто другое!»? Вот *как оно все обстоит на самом деле* , и символ этого – колосок в руке. Всевозможные корзинки, используемые в ритуалах, видимо, доносили до человека эту шокирующую мысль: длинное тело всей вашей жизни, пища, которую вы едите, – это божественное существо, это и вы – как чья-то пища.

Вспомним Тайтирийя-упанишаду:[144]

Ха ву, ха ву, ха ву!
Я – пища, я – пища, я – пища.
Я – поедатель пищи, я – поедатель пищи, я – поедатель пищи.
Я – составитель стиха, я – составитель стиха, я – составитель стиха.
Я есмь перворожденный в [мировом] порядке, раньше богов, в средоточии бессмертного.
Кто дает мне, тот, поистине, и поддерживает меня.
Я, пища, поедаю поедателя пищи.
Я одолел весь мир. Золотым блеском наделен [тот], кто знает это».

Цель мистерии заключается не в том, чтобы отнять пищу у того, кто готовится поглотить вас, а в том, чтобы вы приветствовали сам акт этого поглощения.

Дионис и вечная женственность

На рис. 133 и 134 Триптолем с колоском пшеницы в руке предстает в образе старика – это мотив связи юности и старости, и путь ему указывает Гермес в колеснице. На другой стороне той же вазы перед нами Дионис в колеснице, который следует за сатиром с кубком вина и вазой в руках. Обратите внимание на колос в руке Триптолема и вино у Диониса. Во время мессы в римской католической церкви людям дают просфору и вино – вот продолжение этого классического мистического культа, и в нем содержится тот же смысл, который должен постичь человек, проходящий инициацию.

Рис. 133. Триптолем в своей волшебной колеснице следует за Гермесом

[144] Упанишады: В 3 кн. Кн. 2-я / Пер., предисл. и комм. А. Я. Сыркина. – М.: Наука; Ладомир, 1991. – С. 75–93.

(чернофигурная ваза, античная Греция, VI в. до н. э.)

Рис. 134. Дионис в своей волшебной колеснице следует за Силеном (чернофигурная ваза, античная Греция, VI в. до н. э.)

В дионисийских мистериях поражает их непристойность, разрушительность и мучения участников. Диониса родила Семела, но нельзя сказать, что он родился *только* от Семелы. В результате очередной интрижки Зевса смертная женщина Семела зачала от него сына. Этой даме хватило неосторожности похвастаться этим Гере, чей ревнивый нрав был всем известен. На этот раз Гера решила прибегнуть к хитрости и поддразнила Семелу, сказав, что та еще не видела Зевса в его подлинном божественном обличье.

Поэтому при следующем визите Зевса Семела стала упрекать его, что он не являлся ей в полном блеске, как Гере. Хотя он предупредил ее, что видеть его в таком обличье опасно, она продолжала упрашивать, напомнив, что он обещал дать ей все, что она пожелает. Зевс согласился и засиял в полном блеске своей силы, тут-то и пришел конец бедной Симеле: она сгорела. Мораль этой истории в том, что не нужно пытаться встретиться с божеством, если вы не готовы к этому.

А Зевс знал, что Семела носит под сердцем будущего Диониса, и, беспокоясь о нем, поместил его в свое бедро, и потому Дионис считается дважды рожденным: от смертной матери и из бедра Зевса. Смысл мужской инициации заключается в том, что вы получаете физическую жизнь от матери, а свою духовную и культурную жизнь вы должны провести в обществе, получая наставления от отца. И все образы в мужской инициации связаны с мужской утробой и мужским рождением: должно состояться рождение цивилизованного существа, а не просто биологического организма.

Когда Дионис родился, его отдали Гермесу, а тот передал его нимфам, чтобы они вскормили и воспитали его. Взаимоотношения этих двух богов очень важны: Гермес – это проводник душ к знанию о бессмертии, которое достигается с помощью интеллектуальной инициации, а Дионис воплощает порыв вдохновения, энергию жизни, струящуюся сквозь время и разрушающую старые формы жизни ради того, чтобы родились новые.

Легенда гласит, что однажды Дионис стоял на мысе в Средиземном море, а в это время мимо него проплыл пиратский корабль, и пираты сказали: «Давайте схватим этого юнца и продадим в рабы».

Дионис позволил захватить себя; попав на пиратский корабль, он зарычал, как леопард, и через палубу и мачты корабля стал прорастать виноградник, он рос через весла – везде, и пираты в ужасе попрыгали в море, где превратились в дельфинов (рис. 135).

Дионис стал богом, который ассоциировался с религиозным экстазом в Афинах и других греческих городах. Мужская индоевропейская мифология, с ее авторитарностью и уничижительным отношением к женщине, стала культурным стандартом позднего периода бронзового века. С появлением Диониса в мир врывается энергия, которая ассоциировалась с культами Богини. Менады, женщины, принимавшие участие в ритуалах, приходили в экстатический восторг, опьяненные вином Диониса, они разрывали на куски животных, исполняя дикие разнузданные танцы. Леопард, который, как мы знаем, ассоциировался с Богиней, становится тотемом Диониса, а его тирс (жезл) символизирует стебель растения, или энергию жизни.

Рис. 135. Дионис на пиратском корабле (чернофигурный кратер, античная Греция, 330 г. до н. э.)

В трагедии Еврипида *«Вакханки»* царь Пенфей был возмущен тем, что его мать бушует там, на холмах, в компании этих обезумевших женщин, впадавших в экстаз.

Поэтому он решает проследить за ними ночью, чтобы узнать, чем они занимаются, хотя его предупреждали, что лучше бы ему держаться от них подальше.

И вот, в момент дикого экстаза, не узнав его, эти женщины разрывают его на куски. Родная мать Пенфея отрывает ему голову, насаживает ее на кол и танцует в беспамятстве, а с головы сына на ее руки льется кровь.

Так что же это все значит?

Мы здесь сталкиваемся с двумя великими божествами – Аполлоном и Дионисом. Я уже упоминал об исследовании этих двух богов, которое провел Ницше в книге «*Рождение трагедии* ». Он указывает, что Аполлон – это повелитель света, *principio individuationis* , – воплощение индивидуального мира человека, пронизанного солнечным светом. Весь этот мир построен на различиях, именно они очаровывают, вызывают интерес, именно они здесь важны. Итак, в этом мире мы видим различия, на которые Аполлон изливает свой свет, и покровительство Аполлона возвышает эти различия и преисполняет радостью оттого, что они существуют. А мир Диониса – это прорыв во времени, который и разрушает все вещи, и заново создает их. Это воплощение животворной силы, когда на свободу вырывается сила тьмы.

Рис. 136. Менада, танцующая в экстазе (краснофигурный килик, античная Греция, 480 г. до н. э.)

В нашем искусстве, как и в нашей жизни, нас может настолько увлечь этот божественный свет, что мы теряем связь с темной энергией и динамизмом внутреннего фактора времени, и тогда мы выхолащиваемся, засыхаем, мертвеем. Но иногда мы переживаем высшую степень восторга, когда он вырывается наружу, и нас наполняет животворная трансформирующая сила. И в жизни, и в искусстве проблема заключается в том, как сбалансировать эти два состояния. Ницше полагает, и есть свидетельства его правоты, что в греческой патриархальной культуре X–VIII вв. до н. э. наибольшее внимание уделялось именно этой светлой стороне жизни и что именно женщины ощущали потребность активизировать животворный аспект существования. И тогда, прорываясь наружу, это желание проявлялось в дикой и бурной форме.

Рис. 137. Гибель Пенфея (краснофигурный килик, античная Греция, 480 г. до н. э.)

Ницше полагал, что скульптура в древности выражала преклонение перед формой, а древняя музыка была ранним отражением в искусстве движения во времени и потока сознания. Музыка без формы – это просто шум, а скульптура без живого дыхания вдохновения – это всего лишь сухой академичный хлам. Он утверждал, что греческая трагедия является древнейшим способом показать взаимодействие энергий Аполлона и Диониса. Персонажи на сцене изображают нерушимые формы, а хор лишен индивидуальности, все двигаются как участники ритуальной процессии. В этом проявляется великий момент торжества дионисийской силы. Двигаясь в едином ритме друг с другом, участники воплощают дионисийскую силу. Драма в трагедии – это драма созерцания разрушения формы, когда происходит приобщение к трансцендентному свету.

Природа отражается в зеркале искусства. Тема зеркала очень важна, и с помощью отраженных в нем форм с нами вступает в контакт нечто гораздо более важное. Есть такая тибетская медитация, которая носит название «зеркальная медитация», когда человек сначала смотрится в зеркало, а потом резко разбивает его и понимает, что с ним самим ничего не случилось. Тело человека – это, так сказать, всего лишь зеркало, где отражается его вечная сущность.

На вазе, показанной на рис. 138, вы видите Диониса, который скачет во весь опор на

леопарде, преисполнившись разрушительной материнской энергией. Он укротил леопарда и едет на нем верхом – мало кому из нас дано так хладнокровно управлять подобной энергией. Такую способность дает божественная сила или наивысшая концентрация мистической мощи, благодаря которой можно так величественно управлять сгустком жизненной энергии, не опасаясь, что она разорвет тебя на куски.

Рис. 138. Шествие Диониса (краснофигурная ваза, античная Греция, 370–360 гг. до н. э.)

Поклонение Дионису – это возврат к древним греческим мистериям, более мирным, благопристойным и гармоничным. Но когда силы души подавляются, то, вырываясь наружу, они проявляются дико и необузданно. Эта сила ужасна – и она должна выплеснуться наружу, отбушевать и снова спокойно войти в свои берега.

Мы уже видели очаровательную кносскую статую (см. рис. 30) Богини, которая держит в руках змей, а на голове у нее сидит пантера. В пространстве времени происходит рождение и смерть, в нем присутствуют свет и мрак, добро и зло, пары противоположностей. Адам и Ева вкусили плод познания этих противоположностей, и их забросило в пространство времени. Даже если бы они и остались в райском саду, с Богом и друг с другом, все равно оказались бы отделены от Бога и были бы разделены, став мужчиной и женщиной. Поэтому змеи символизируют энергию жизни в пространстве времени, а пантера символизирует вечную силу солнца, которая находится вне времени: абсолютное, чистое сознание. А Богиня объединяет оба этих пространства.

Под изображением змеи мы видим имя Фетида, а по краю ножен меча юноши написано его имя – Пелей.

Этот прекрасный и вдохновляющий предмет керамики (рис. 139) украшен выразительным изображением сцены инициации. Это краснофигурный керамический килик с изображением сцены инициации молодого мужчины, которую проводит нимфа, – женщина выступает здесь как руководитель инициации. Когда мы размышляем о Богине, важно не то, что женщины восседали на троне или руководили обществом в эпоху матриархата. Главное, что Женственность, право быть Женщиной, понимание того, что такое Женщина, – все это осознавалось, признавалось и вызывало уважение. Эти двое – отец и мать Ахиллеса. Иными словами, перед нами заключение брака, – где вступление в супружеский союз изображено как инициация мужчины, постигающего глубинный смысл жизни.

Рис. 139. Фетида и Пелей (краснофигуный килик, античная Греция, V в. до н. э.)

В старинной маскулинной традиции есть легенда. В прекрасную морскую нимфу Фетиду влюбился Зевс. Но услышав пророчество Прометея о том, что сын Фетиды превзойдет силой и величием своего отца, Зевс предпочел отказаться от нее. Он решил, что нимфа должна стать женой простого смертного. Рассказывают, что когда к нимфе пришел смертный по имени Пелей, чтобы взять ее в жены, она хотела ускользнуть от него, совершив так называемый трансформационный полет. Сначала она превратилась в змею, потом в львицу, потом стала водой, а потом – огнем, но он настиг ее во всех этих обличьях.

Но дело в том, что речь здесь идет совсем о другом. Эта история уходит корнями в гораздо более древнюю традицию почитания Матери-Богини и совершенно не связана с политическим влиянием Афин и традициями мужской культуры. Мы видим в ней знакомых нам животных, сопровождавших Богиню с Крита: в руках ее – змеи, пантера или лев – на ее голове. Мы точно знаем, кто перед нами, и мы видим, что она просвещает мужчину.

В этом и состоит смысл мистического озарения – того, что совершает Богиня. Что происходит с мужчиной? Змея справа открывает внутренний глаз, глаз мистического зрения.

Змея под его ухом открывает его слух музыке небесных сфер, таинственную песнь Вселенной. Змей у его пятки совершает смертельный укус в ахиллово сухожилие, после которого погибает эго и рациональное сознание, а душа открывается миру трансцендентного. И это будет знание об энергии и жизни, которые символизирует лев.

В глобальном понимании описанный образ символизирует мистическое озарение вселенского масштаба.

Если вы всю свою жизнь думаете: «Умру я или буду жить вечно?» – то вы ограничены рамками собственного рационального сознания, отождествляя себя со своей материальной частью личности.

Но если вы принимаете смерть, то есть хотите умереть как отдельная личность, проживающая данную конкретную жизнь, и если в вас действительно умирает желание прожить ее, – то для вас начинает звучать новая песнь этого мира, и это именно его песнь, а не ограниченное ее восприятие, присущее смертному человеку с конкретной судьбой.

Буддисты говорят о восьми ветрах кармы. Когда они подхватывают человека, его сдувает в область сознания эго. От эго не надо *избавляться – это* считается величайшей ошибкой в практике йогов. С ним нужно *выстраивать отношения* . Именно благодаря эго вы соприкасаетесь с материальным миром – таким, каков он есть, и с самим собой – таким, каковы вы есть, но и к этому нужно относиться как к мистическому озарению. К восьми кармическим ветрам относятся: стремление к удовольствию и страх боли, стремление к благополучию и страх утраты, стремление к похвале и страх осуждения, стремление к славе и страх впасть в немилость. Если вы уступаете этим силам, значит, мыслите и действуете в рамках собственного эго, а не в соответствии с принципами Вселенной.

Итак, после укуса этой магической змеи у человека открывается внутренний слух и внутреннее зрение. Таков дар Пелею от Фетиды. А теперь давайте обратим внимание на их руки, и вы увидите символы инь и ян. Их руки сложены, как в знаке инь-ян: они оба образуют единое целое, добро и зло сливаются воедино.

В религиозном мышлении преобладают две точки зрения. Одна – этическая: нужно быть добрым и не быть злым; и вторая – необходимо подняться над парами противоположностей, выйти за пределы добра и зла, признавая, что и вы, и этот мир – это проявления взаимодействия двух этих полюсов. И Пелею стало доступно это откровение.

На этом кратере (рис. 140) изображены Дионис и его мать Семела. Они здесь ровесники, в своем вечном воплощении, просто мужчина и женщина, мать и ее дитя, но одновременно и спутник, духовный супруг женщины. Между ними изображен фиал с вином – позднее в нем будет Кровь Господня во время христианской мессы. Очень интересны жесты изображенных: это мудра, символический жест, который используется в индуистской медитации и обозначает силу и жизненную энергию сознания в этом мире. То же самое изображено на сценах коронации Святой Девы Христом в раю, это – вневременное пространство отношения матери к тому, кто пришел в этот мир как ее дитя.

Рис. 140. Дионис и Семела (кратер, Древняя Греция, 550 г. до н. э.)

> В 1837 г., на раскопках в Петроасе, в месте под названием Бузэу, в Румынии, была обнаружена орфическая чаша, которая в числе прочих предметов – всего нашли двадцать один артефакт – была там закопана, возможно, во времена гуннов. Во время Первой мировой войны ее перевезли в Россию, чтобы сохранить от германских войск, а впоследствии, при коммунистах, расплавили на золотые слитки. Но, к счастью, зимой 1867–1868 гг. эта коллекция находилась в Англии, где ее сфотографировали и создали копии предметов с помощью метода гальванопластики.[145]

---

[145] Campbell, *The Mythic Image* , p. 388.

Рис. 141. Чаша из Петроасы (золотое литье, Румыния эллинистического периода, III–IV вв. до н. э.)

В центре этой чаши изображена Деметра, восседающая на мистической корзине (рис. 142), в руке у нее кубок, который можно воспринимать как грааль или фиал с кровью Диониса, украшенный изображением виноградника. Вокруг расположены шестнадцать фигур, а следуя за ними, мы сможем пройти все мистическое странствие, шаг за шагом.[146]

---

[146] [Последовательность изображений на чаше Петроассы: Фигура № 1 в короткой накидке держит невод в левой руке. Это Орфей, известный как Орфей-рыбак. Говорят, что Орфея считали Спасителем, точно так же, как и Христа, а из воды он вылавливает нас, рыба – это мы, и он вытаскивает нас из бездны бессознательного, чтобы мы оказались в мире света человеческого сознания. Когда Иисус призвал рыбаков стать своими апостолами, он пообещал им, что они станут «ловцами человеков». В этом случае он использовал связанную с Орфеем метафору, где людей изображали в образе рыб. Затерянные в пучине мечтаний и своих жизней, лишенных просветления, мы подобны рыбам в пучине, мы не осознаем человеческого в себе, и нас нужно выудить на поверхность, подобно тому как рыбак вытягивает неводом рыбу, это и совершает с нами самый главный «рыбак». Фигура№ 3 изображает человека, проходящего инициацию, который приближается к вратам. Он вынимает сосновую шишку из корзины, которую держит на голове страж входа. На плече у него – ворон смерти, поэтому этот человек находится в мире рождения и смерти, а сейчас он попал в священное место, где происходит его инициация, а в руке у него факел подземного мира. Шишка из корзины стража входа привлекает внимание не к самой шишке, предмету внешнего мира, а к семенам, которые в ней находятся. Что важнее – емкость или то, что в ней хранится? Что важнее – тело человеческое или то сознание, которое хранится в нем? Важны не вы и я, а та духовность, которую мы несем в себе в своей жизни. Цель ритуала заключается в том, чтобы оторвать наше сознание от мысли о том, что сосуд, содержащий нашу духовность, имеет значение. Взяв шишку из корзины, стоящей на голове стража входа, проходящий инициацию попадает под покровительство женской фигуры, которая держит маленькую корзинку или сосуд с амброзией. Эта женщина руководит мистериями и ведет неофита к святилищу двух богинь. Деметра восседает с вороном смерти на плече. Ниже, в царстве подземного мира мы видим Персефону, которая символизирует вечный огонь жизни в бездне. Мы не знаем, что именно происходило с человеком, который проходил инициацию, но нам доподлинно известно, кто эти богини, и поэтому нам понятен этот миф. Проходящий инициацию человек от урока, который преподает ему Деметра, мать нашей жизни, переходит к Персефоне, Повелительнице Подземного мира, матери, которая принимает нас в смертный час. Этот опыт завершается, как мы видим, изображением внутреннего состояния человека. Теперь у него появилась борода, его сознание стало более зрелым, а ворон смерти уже позади него. Теперь этот человек прошел инициацию, а богиня Фортуна, фигура № 8, с рогом изобилия, благословляет его.

Вторая инициация изображается с участием фигур № 9 и 10. Фигура № 10 – это Аид, или Плутос, в руке он держит огромный рог изобилия. Он восседает на троне, а у его ног какое-то животное, напоминающее крокодила, который символизирует силы подземного мира. Теперь у проходящего инициацию человека в руке пальмовая ветвь пилигрима. В правой руке у него что-то, по мнению ученых, напоминающее мак, наркотическое растение, которое дарит видения. Какая же инициация предстоит этому человеку? Он должен погрузиться в бескрайнюю бездну жизни. Когда он выходит из царства Аида, то в руке держит пустую чашу, над его головой реют крылья, символизирующие духовность, и тело у него женское. Иными словами, перед нами андрогин. Фигура, которая иллюстрирует эту мистерию, облачена в женские одежды, но перед нами – Геракл. Инициация, которую мы проходим, переносит нас в мир трансцендентной тайны. Мы прошли через пространства временного и вневременного миров. Теперь мы приближаемся к трансцендентной тайне, которая заключена в нас самих, и одна из ипостасей этого – андрогин. Хотя исторически мы – или мужчины, или женщины, в нашем вечном воплощении мы преодолеваем эти границы принадлежности к определенному полу, в сущности, мы воплощаем силу андрогина. Цирцея, царица свиней, познакомила Одиссея с андрогином Тиресием, и вот перед нами две богини свиней, Деметра и Персефона, которые открывают проходящему инициацию человеку тайну андрогина. Другая тайна, которую нужно постичь, – это Кастор и Поллукс, которые выглядят как близнецы, но на самом деле близнецами их назвать нельзя. Их мать зачала: Поллукса как бога, а Кастора – как простого смертного. Поэтому, глядя на них, нам предстоит осознать, что в каждом из нас присутствует и земное, и божественное начало. Как смертные, мы можем быть мужчинами или женщинами, а в бессмертной ипостаси мы – андрогины. Вот в чем заключается глубинный смысл инициации во время этой мистерии: речь идет о нашем бессмертии и о нашей андрогинности в мире вечного. Нам необходимо различать мистические и обыденные аспекты нашей жизни. С мистической точки зрения мы и то и другое, и смертные и бессмертные. Проходящий инициацию человек проходит через бездну Плутоса/Аида и тогда осознает свою

Внутренний круг вокруг Богини изображает состояние ума узника, не прошедшего обряд инициации. Он живет, словно погруженный в сон, и все, что он видит, – как пес пожирает кролика. Все исполнено печали, одна жизнь вырастает из другой отнятой жизни, львы пожирают газелей, леопарды пожирают газелей, газели питаются растениями, псы пожирают псов. О горе! Зачем вообще тогда жить?

Рис. 142. Центральная фигура на чаше из Петроасы (золотое литье, Румыния эллинистического периода, III–IV вв. до н. э.)

Но если мы прошли инициацию и познали игру вечных форм в их временном обличье, то нас озаряет свет, разгоняющий нашу печаль.

И тогда поется песнь подобно песне Орфея, растерзанного менадами, когда он не сумел вернуть Эвридику из царства Аида. А оторванная голова Орфея плыла вниз по реке, продолжая петь, и ее вынесло на берег на острове Лесбос, где родилась лирическая поэзия.

Вам всегда приходится обезглавливать себя и позволять этой голове петь, забыв о земной жизни. Но если вы прошли инициацию, то вы знаете, что это всего лишь поверхностное отображение вселенской гармонии. Как говорит Гёте: «Прекрасно все, что создал Бог» (перевод Д. С. Мережковского).[147]

Любая борьба, все противоречия стихают в области божественного. И вы можете избавиться от страха и желаний, замерев в экстазе, в творческом оцепенении, и мир споет для вас свою песнь. *Вот* она. Как гласит евангелие от Фомы: «Но царствие Отца распространяется по земле, и люди не видят его».[148] Мы его не видим, потому что нам страшно и нас переполняют желания, но избавьтесь от них – и вы его увидите.

Итак, в этом состоянии находится тот, кто мечтает, и вокруг мы видим путь инициации, возможность его пройти и осознать свою андрогинность – в метафизическом смысле – и собственное бессмертие, как и собственную смертность. Осознав это, вы поймете, что с вами все в порядке, – и с миром вокруг вас тоже.

Рис. 143. Дева Мария, vièrge ouvrante[149] (резьба по слоновой кости, Франция, дата неизвестна)

Глава 8
Любовь

андрогинность и собственный дуализм. У Кастора, смертного брата, на плече сидит ворон смерти, и вот человек, проходящий инициацию, готовится к возвращению в обыденный мир, когда он проходит мимо фигур Кастора и Поллукса, он снова изображается с полной чашей. Теперь он выполнил то, что требовалось: он возвращается в мир, живущий по историческим законам, находящийся у одной из противоположностей – со стороны жизни, в конце которой – смерть, но помнит, что он причастен и к бессмертию и что в нем есть и мужское и женское, хотя в мире наблюдаемых феноменальных явлений это не заметно. Теперь его чаша наполнена плодами инициации, а проводница ведет его к трону Аполлона, повелителя света, света сознания, а в руке у Аполлона – лира, которая играет музыку сфер, а у ног его возлежит олень.]

147 [См. Campbell, *Hero with a Thousand Faces* , pp. 59–60.]

148 Thomas Gospel, 1.113.

149 Открывающаяся Богоматерь.

Женственность в европейском романтизме[150]

Много лет назад, в 1957 г., я был на конференции в Японии с Митчем Айяди и Джо Китагавой, двумя выдающимися исследователями в области сравнительного религиоведения из университета Чикаго. Оба они приехали в Японию со своими женами, а я был один, и мы собирались отправиться из Осаки в Кобэ поездом. А эти японские поезда прибывают точно по расписанию; стоит им на пару секунд опоздать, так сразу по радио приносят извинения.

Поезд прибыл на станцию, и двери открылись. Мы шли по направлению к поезду. Наши женщины шли впереди, за ними Джо, Митч и я, а позади нас шел носильщик с нашим багажом. Поезд прибыл, двери распахнулись, две жены вошли внутрь, двери захлопнулись и поезд отправился в Кобэ.

Сначала нам стало смешно, а потом мы вдруг поняли: *боже* , ведь наши женщины не знают японского! До Кобэ нужно было проехать три станции, и мы весь вечер метались в поисках наших потерянных жен. А носильщик сказал Джо: «С японскими женами такого не могло бы произойти. Они всегда идут позади нас».

И тогда мне пришли в голову строки из *«Фауста»* Гёте, ставшие одной из главных тем моих размышлений: «*Das Ewigweibliche, zieht uns hinan»* («Вечная женственность, тянет нас к ней»).[151] Да, они тянули нас за собой в тот вечер, это уж точно, и мы отправились на поиски наших женщин.

Все эти истории о взаимоотношениях мужчины и женщины проявляются в незначительных привычках и обычаях, которых мы даже не замечаем, но в них скрывается глубокий смысл, уходящий корнями в далекое прошлое. Говоря о женственности на Западе, я хотел бы представить вам две абсолютно противоположные друг другу традиции. Одну я обозначил бы как европейскую традицию «*Das Ewigweibliche/Zieht uns hinan»* («Вечная женственность / Тянет нас к ней»[152]). Здесь образ женщины возвышался над всем по крайней мере на протяжении 25 000 лет. Палеолитические пещеры и найденные там маленькие фигурки Венер – ровесницы хомо сапиенс в Европе.

Примерно около 10 000 лет до н. э. появляются свидетельства возникновения сельского хозяйства и одомашнивания животных. Теперь мы от охоты и собирательства переходим к оседлым сообществам людей. Они постоянно разрастаются, некоторые поселения превращаются в центры торговли; из них затем образуются города. Первые города в истории человечества возникают в Месопотамии, а затем в долине Нила в IV тысячелетии до н. э. Это происходило примерно 5000 лет спустя после возникновения первых очагов земледелия. Итак, между 10 000 лет до н. э. и 4000 лет до н. э. господствовала эпоха неолита, Новый каменный век, когда Богиня была главным объектом поклонения. Женщина рожает и вскармливает детей, как сама мать-природа, ее магия совпадает с магией Земли, и эта глубокая ассоциация имеет принципиальное значение.

Искусство земледелия распространилось из трех центров, где господствовал культ Богини. Один был расположен в Юго-Западной Азии и Юго-Восточной Европе, другой в Юго-Восточной Азии в области современного Таиланда, а третий – на территории современной Мексики и Центральной Америки. В других частях света, на просторах великих

---

150 [Эта глава составлена на основе лекции Кэмпбелла под названием “The Feminine in European Myth and Romance I, II, III” прочитанной 5 апреля 1986 (L919-921); двух его лекций под названием “The Great Goddess I and II” прочитанных 13 ноября 1982 (L836-837); и транскрипте не записанной на видео лекции под названием “Great Goddess” delivered on April 21, 1983, в New School for Social Research в Нью-Йорке.]

151 Goethe, *Faust* , ll. 12110–111.

152 Гёте И. Фауст/Перевод Б. Пастернака.

равнин, где жили охотники, приоритетным становится приручение животных, и там мы имеем дело с племенами кочевников-скотоводов. В тех местах мужские божества играли более важную роль, а богини в основном были просто спутницами мужских богов.

А в тех областях, где процветало сельское хозяйство, именно Богиня властвовала над всем. Она была вездесущей. Она не только создала эту Вселенную, она *и есть* сама эта Вселенная, а мы – ее дети. Человека рождает мать, он плоть от плоти ее, и точно так же мы – дети Вселенной.

В Индии, где почитают женственность и где она до сих пор играет важнейшую роль, был период мужского доминирования, которое наступило во время вторжения арийцев во II тысячелетии до н. э. Но спустя 600 или 700 лет Богиня вернулась в образе Кали. О ее появлении говорится в истории под названием *Деви-махатмь* , Великая Похвала Богине. Боги, ее дети, не сумели убить чудовище – Чудовищного Быка. В бессилии они встали в круг и отдали свои силы, возвращая их источнику. И тогда перед ними возникло огромное темное облако, а из него вышла прекрасная Богиня с восемнадцатью руками, и в каждой руке она держала силу каждого бога, и она пошла и убила это чудовище.

Вот ответ Мардуку, который убил Богиню бездны, Тиамат, решив, что сила на его стороне.

Рис. 144. Кали попирает ногами Шиву (рисунок гуашью на бумаге, Индия, дата неизвестна)

Когда боги поняли, что не в силах сами что-то сделать, то были вынуждены вернуть силу туда, откуда они ее получили: отдать ее женственности. Именно в ней – источник жизни двух миров, нашего и потустороннего. В культуре Греции мы видим возвышение мистических культов – богини Деметры, Персефоны, в Египте – Исиды и Нефтиды. В них – ключ к возрождению, именно их символика проявляется в образе Девы Марии как Богоматери.

Но в более утонченных мифологических образах Упанишад, представляющих собой синтез двух культур, божество-творец – это и есть сама вселенная. В Брихадараньяка-упанишаде есть замечательный фрагмент, который относится к IX в. до н. э., когда божественное Я, *Брахман* , первичная энергия, проявлениями которой мы все являемся, сама себе сказала: «Атман» («Я»). Эта энергия не была ни мужской, ни женской, она была Вселенной. И едва она сказала себе «Я» – она испугалась. А потом спросила себя: «Так чего же я боюсь, ведь кроме меня здесь никого и ничего нет?» И как только ее посетила эта мысль, она сказала себе: «Хорошо бы, чтобы здесь был кто-то еще». Вот две самые важные движущие силы жизни: страх и желание. Когда Вселенная захотела, чтобы здесь был кто-то еще, она стала разрастаться и приняла формы мужчины и женщины, обнимающих друг друга, а потом она разделила их. И тогда мужчина овладел женской частью мира и слился с ней вначале в антропоморфной, человеческой форме, и она подумала: «Как он может сливаться со мной, ведь я и он – это единое целое?» И она обратилась в кобылу, а он – в жеребца, и слился с ней. Она превратилась в корову, а он в быка, и так далее, пока они не превратились в муравьев. И тогда он огляделся вокруг и промолвил: «Я влил свои силы во все это, я и есть весь этот мир».

Смысл в том, что мы и Бог – это единое целое. Так вы можете сказать о Матери-Богине, но в нашей традиции за слова «Я и Господь – это одно и то же» человека распнут на кресте. Христа именно за это и распяли, то же самое сделали представители ислама с Мансуром Аль-Халладжем девять столетий спустя. Отождествлять себя с Богом считается богохульством.

И вот перед нами две совершенно противоположные традиции. Для одной важнее всего видимый мир и его отдельные формы, поэтому, говоря «Я», вы думаете о себе как об отдельной форме, отличной от всех остальных. А для другой мифологии интересна

перспектива, выходящая за рамки отдельной личности. Там считается, что все мы – частички единой жизни, всех нас объединяет общее сознание. Мы просто представляем собой индивидуальные проявления того, что выше всего индивидуального, и все же являемся индивидуальными личностями.

Одна из проблем любой мифологии и религии состоит в том, что нужно пережить эту открытость всему окружающему, и при этом не утратить свою самобытность, то, что мы называем *Mitleid* (в буквальном переводе с немецкого – «сострадание»). С этим переживанием приходит понимание, идентификация, а в противовес ему возникает понятие о вечной душе, которую создала наша ортодоксальная традиция. С логической точки зрения это кажется абсурдным, но так обстоят дела, и индивид был создан как отдельное существо.

В IV–I тысячелетии до н. э. происходили вторжения кочевников-скотоводов в земледельческие регионы. В западном мире существовали два типа захватчиков. Это были семитские скотоводы, разводившие овец и коз. Они жили в основном в сирийско-арабской пустыне, оттуда и явились бедуины, грабители, мародеры и завоеватели. Прочтите Книгу Судей, Книгу Исайи, и у вас волосы дыбом встанут. Я обычно не рекомендую читать эти главы Библии. Например, в Иерихонском послании говорится: «Убейте всех в этом городе!» Такой приказ отдал тот же Бог, который пару месяцев назад передал заповедь: «Не убий». Подумайте об этом.

В этот же исторический период так называемые арийцы, или индоевропейцы, вторгались с севера в Центральную Европу, с юга – в Италию, Грецию, Персию и Индию, а с запада – в Британию и Ирландию. Все современные европейские языки, кроме языка басков, относятся к индоевропейской группе. Самые далекие северо-западные языки – это кельтский язык в Ирландии, Шотландии, Уэльсе, на острове Мэн и, формально, во Франции. Основные вторжения кельтов происходили около 10 000 лет до н. э., примерно в то же самое время, что и вторжения представителей так называемой гальштатской культуры[153] в Центральную Европу.

Когда Цезарь завоевал Галлию и вторгся в Британию примерно в 50 г. до н. э., во Франции и на Британских островах жили кельты. Господство Рима длилось там с 50 г. до н. э. примерно до 450 г. н. э. К тому времени солдаты стали жаловаться, что их снаряжение слишком много весит, что в день им приходится проходить слишком большие расстояния, и все стало разваливаться. Римская империя слишком разрослась и стала отступать. Дунай являлся северо-восточной границей этой империи, а на северо-западе там проживали племена германцев. С востока наступали персы, и началось падение Рима. Тогда римляне и ушли из Англии.

Но римские армии защищали Британию от внешнего вторжения. Когда римские войска ушли, жившие там раньше кельты стали осуществлять набеги на Шотландию и Ирландию. Слово «шотландец» в переводе означает «захватчик» и первоначально ассоциировалось с ирландским языком. Тогда же германские захватчики обрушились на эти земли с северо-востока. Именно их мы и называем англичанами: это были англо-саксонцы и юты, которые пришли туда из мест, где располагается современная Дания. Они завоевали бывшие владения Рима – территорию будущей Англии. Но Шотландия, Уэльс и Ирландия не были захвачены Римом, и англичанам они тоже не достались.

И вот что еще важно учитывать, размышляя об истории мифологий в Европе. История Англии известна нам с момента, когда оттуда ушли римляне и англичане вторглись на Британские острова. Но до того там жили кельты. Кельты и сами были захватчиками, а до них там жили люди эпохи неолита и бронзового века, земледельцы, оставившие после себя огромные мегалитические сооружения в Ирландии, чей возраст определяется не позднее 2500 лет до н. э.

---

[153] Гальштатская культура – археологическая культура железного века, которая развивалась в Центральной Европе и на Балканах (примерно с 900 по 400 г. до н. э.).

В мире кельтов господствовала Мать-Богиня. После вторжения воинственных германцев боги древних кельтов удалились на таинственные холмы.

Большинство волшебных английских сказок уходят корнями в сказания кельтов. В Ирландии есть много холмов, населенных феями, и самое интересное, что такой холм невидим, и никогда не знаешь, где именно он находится, и на него нельзя попасть по прямой дороге – только обойдя холм вокруг, а иначе туда никак не попадешь. У волшебного мира есть одно гораздо более глубокое измерение по сравнению с видимым миром: он – повсюду. Его населяют феи – природные силы, а тайна их волшебства и колдовской силы заключается в объединении вашего бессознательного с их природой. В феях воплощается ваше постоянное энергетическое сознание, присущее всем живым существам. Это – царство Матери-Богини.

В Средневековье, и особенно в XII–XII вв., произошло значительное возрождение кельтского образа мыслей в Европе, особенно ярко проявленное во множестве легенд о короле Артуре. Романы о короле Артуре и Святом Граале – это мотивы кельтских сказаний, чьи корни уходят в далекое прошлое.

В XIII в. в умах господствовал образ Девы Марии. Богиня вернулась в христианский мир, что проявилось в противоречащих культуре Богини представлениях о Богоматери. Повсеместно, особенно в католическом мире, наблюдалось укрепление позиций Пресвятой Девы, начиная с V столетия н. э. и до наших дней.

Главнейшей проблемой для апостола Павла было решить, кому принадлежало христианство: только иудеям или всем остальным, и он сделал выбор в пользу последних.

В Евангелии от Луки возникает тема непорочного зачатия. В Евангелиях от Матфея, Марка или Иоанна, которые все были иудеями, этой темы вы не найдете; она возникла именно в Евангелии от Луки, который был греком. В иудейской традиции отсутствует тема непорочного зачатия, поскольку подобная идея представителям этой культуры отвратительна. А когда вы задумаетесь о библейской истории, где говорится, что Сара родила Исаака в возрасте 108 лет («И Сара засмеялась»),[154] то, с мифологической точки зрения, это и было непорочное зачатие. Прочитайте внимательно историю рождения Самсона. Но и Самсон не был иудеем, он был филистимлянином, то есть индоевропейцем. История его рождения очень напоминает историю о непорочном зачатии. Но эта тема существует не только в традиции Ветхого Завета.

Непорочное зачатие на самом деле символизирует зарождение духовности в животном теле. Мифологическое значение непорочного зачатия не имеет никакого отношения к биологической аномалии. В индийской системе *кундалини* первые три *чакры* соответствуют нашему животному стремлению к жизни, животную эротику и животную агрессию. А потом, на уровне сердца, зарождается нечто подлинно человеческое – чисто человеческое осознание возможности духовной жизни, отодвигающей все остальное на второй план. Символ этой *чакры* в системе *кундалини* – соитие мужского и женского органа – два треугольника: один, обращенный вершиной вверх, и другой – направленный вниз. На этом уровне рождается духовность, в этом и состоит смысл непорочного зачатия.

Легенды о непорочном зачатии существуют практически во всех мировых культурных традициях. Кецалькоатля родила непорочная девушка, а он создал всех людей. Подобно Христу, он умер и воскрес, а одним из основных символов Кецалькоатля был крест.[155] Когда испанские представители римско-католической церкви прибыли в Мексику, они пришли из-за этого в полное замешательство. Тогда они придумали два объяснения: первое состояло в том, что апостол Фома, отправившись в Индию, возможно, достиг и берегов

---

154 Genesis, 18:12.

155 [Кецалькоатль – мезоамериканский бог ацтеков, который часто предстает в образе пернатого змея. См. Campbell, *Hero With a Thousand Faces* , pp. 307–8.]

Америки и там проповедовал учение Христа. Но поскольку до Рима и папы римского было далеко, то его учение деградировало до этой ужасной истории с Кецалькоатлем. Другое объяснение исходило из того, что это дьявол издевался над христианским учением, искажая его так, чтобы миссия христиан закончилась провалом. В любом случае они признали, что Кецалькоатль – это их бог, но в ином обличье.

Боги символизируют мистические принципы, возможности человека. В различных культурах они принимают различные формы в зависимости от конкретного окружения, истории и требований – всего, в чем проявляется духовность. Поскольку на человеческий облик в разных частях света оказывается различное воздействие, так и на мифы оказывают влияние невидимые силы духовности, которая их формирует.

И вот еще что важно: в культуре захватчиков на первое место ставится именно культура, а не природа. Когда мы имеем дело с мифологией, в которой главную роль играет Богиня, то мы слышим голос матери-природы, и корни ее глубоки – они повсюду.

Как я уже отмечал, воинственные народы, сражаясь за свое существование с другими, акцентируют особые формы этого общества и образа жизни его людей. Поэтому большее значение имеет социальный аспект культуры, а не природный, и это может зайти очень далеко – вплоть до абсолютного истребления природы. Именно с этим мы и сталкиваемся в Ветхом Завете. Перечитайте Книгу Исхода, Левит, Числа, Второзаконие – о чем там идет речь? Законы, законы, законы. Как причесываться, как сморкаться, что можно есть, а что нельзя. К природе все это не имеет ни малейшего отношения; все это важно потому, что сплачивает нас, держит нас вместе. Мы не можем больше ни с кем устанавливать отношений, и мы ни с кем больше не смешиваемся. Законы о пище, будь то законы для браминов или для иудеев, направлены на то, чтобы изолировать эту группу людей от всех остальных. Для этого они и написаны. Просто перечитайте их и убедитесь сами, а иначе в этих законах просто нет никакого смысла.

Итак, мифологии, связанные с природой, и мифологии, связанные с законами общества, противоречат друг другу. Мифологии единого Бога нацелены на важность соблюдения социальных норм, а мифологии Богини подчеркивают значимость природы. Что касается Библии, то патриархи, о которых там идет речь, воплощают значимость общества: все остальное – это мерзость, которую нужно стереть с лица земли вместе с мерзкими богами. Как сказано во Второй Книге Царей: «Нет иного Бога во всей земле, кроме Израиля». Вот и всё. С точки зрения общечеловеческих ценностей это звучит просто отвратительно. А вот Богиня, наоборот, присутствует во всех, во всем, она и *есть* все, что нас окружает. Научить узнавать ее во всех проявлениях – вот в чем состоит цель подобной мифологии. Поэтому нетрудно понять, отчего мифологии единого Бога так яростно ее отрицают: она воплощает природу, а природа, с библейской точки зрения, греховна и низменна. Природу изгнали из рая, и каждый природный импульс – это грех, все природное подвергается обрезанию, от него нужно откреститься. И такое представление глубоко укоренилось в нашей культуре.

Такова историческая основа божественной женственности в Западной Европе. В эпоху раннего палеолита Богиню ассоциировали с поселениями, где жили люди, а шаманы-мужчины и мужские ритуалы ассоциировались с великими пещерами и наскальной живописью. Живопись аналитична, а скульптура синтетична – это два разных стиля мышления, два разных настроения.

С формированием сельского хозяйства роль Богини, бывшей раньше домашним божеством, возрастает. Она становится главной в пантеоне богов, потому что основной источник пищи теперь получают дома, а не на охоте. Перед нами – сформировавшиеся устойчивые поселения, где выращивают собственную пищу. Сначала землю возделывали женщины. Если обратить внимание на сегодняшних земледельцев, мы увидим, что мужчины выполняют тяжелую физическую работу, готовя почву к пахоте, но семена в нее сажают женщины. Это их магия. С изобретением плуга возникло нечто напоминающее сексуальные отношения с матерью-землей, мужчины стали играть в сельском хозяйстве ведущую роль, но Богиня при этом все равно властвовала над всем. Подобная культура существовала в Европе

в бронзовом веке, артефакты которой мы до сих пор находим в Ньюгранже в Ирландии (25 000 лет до н. э.) и Стоунхендже в Англии (между 1700 и 1800 гг. до н. э.).

Рис. 145. Спирали в Ньюгранже (резьба по камню, эпоха неолита, Ирландия, ок. 2500 г. до н. э.)

Затем произошло вторжение индоевропейских воинов. Первая их волна на Британских островах появилась вместе с кельтами.

Приведу типичное кельтское сказание о воине, который, преследуя оленя в чаще леса, гонится за ним, поднимаясь на холм, и там олень превращается в Богиню. Она владычица этого холма, и охотник волшебным образом попадает внутрь этой горы, становясь ее возлюбленным и защитником. Он остается с ней, как ему кажется, месяцев на шесть или на год или около того, а потом говорит: «Я хотел бы выйти наружу, узнать, как там поживают мои друзья».

Она пытается отговорить его. Но он просит отпустить его, и тогда она соглашается: «Хорошо, ступай. Но сиди на коне, не спешивайся». Она позволяет ему уехать, и он отправляется в путь.

Покинув волшебный холм, он понимает, что все вокруг сильно переменилось. «Боже мой, да с тех пор прошли сотни лет!» Не осталось никого из его знакомых. Он оказался в том удивительном природном пространстве, где не властно время. Он был у входа в вечный холм, волшебный холм, на пути в пространство бессознательного, где не ощущается ход времени. Именно там вам приходят сны о том, что ваши мать и отец еще живы, и они дают вам советы, и там с вами все мертвые – а вы находитесь снаружи, за пределами поля времени.

И вот этот воин едет на коне, и тут он роняет перчатку. Не успев подумать, он соскакивает с коня, чтобы поднять ее, но едва прикоснувшись к земле, он рассыпается в прах.

В Японии есть похожая легенда на этот древний кельтский сюжет. Интересно, что великий период подъема Японии до проникновения в нее буддизма, до VI в. до н. э., по времени совпадает с дохристианским периодом развития кельтской Европы. Многие подобные темы перекликаются друг с другом.

Впоследствии мужская мифология с Ближнего Востока проникла в Европу в форме христианства, подавив исконную мифологию, последователи которой поклонялись силам природы. Библейская мифология не имела ничего общего с европейским стилем жизни. Она просто подавила то, что существовало раньше. Она была насильно навязана во время военного вторжения, а затем поддерживалась с помощью жестокого правления. Кризисный момент для нее настал в IV в. н. э. Именно тогда Феодосий I Великий объявил, что в Римской империи не потерпят никакой иной религии, кроме христианства, и лишь той его ветви, которую исповедовали правители Византии. Люди немедленно стали прятать предметы древнего культа, чтобы защитить их от вандализма ранних христиан, принимавшего ужасающие масштабы. Совершая путешествие в страны Восточного Средиземноморья – в Грецию, Сирию и Египет – и любуясь прекрасными памятниками, которые были намеренно разрушены, вы не можете даже вообразить себе, сколько энергии было вложено в это разрушение. И Акрополь, и другие великие храмы не разрушались сами по себе – это дело рук вандалов. Эти храмы восхваляли красоту Богини. «Не сотвори себе кумира».

Но нападкам подвергалось не только то, что было создано язычниками. Священнослужители решали, какие именно книги Библии следовало признать каноническими, а все остальные подлежали сожжению. Так погибли коптские свитки Наг-Хаммади, Евангелие от Фомы и многое другое.

Библейская традиция радикально противоречила традиции поклонения Богине. В то время как в Европе доминировало библейское учение, культура почитания живой

матери-земли продолжала потихоньку сохраняться. В Ветхом Завете мы читаем в начале Книги Бытия: «Помни, из праха ты пришел и в прах обратишься».[156] Знаете ли, земля – это не прах, она живая, полная сил. Но тут приходит этот навязчивый бог и хочет все забрать себе, он унижает землю, называя ее прахом. А вам он говорит: «Вы – дети земли и должны в нее вернуться. Но ваша земля – это, вообще-то, просто прах». В Книге Бытия говорится: «В начале сотворил Бог небо и землю, земля же была безвидна и пуста, и Дух Божий носился над водою». Там не говорится, что он создал эти воды. Эти воды и есть Богиня – она была там изначально.

Обратимся к Книге Притчей Соломоновых, где богиня мудрости София говорит: «Когда он создавал Рай, я уже была там».[157] Так она говорит. И это – та же старая мифология Вавилона и Шумера, где присутствовали две силы, женская и мужская, и между ними существовало противостояние, какие-то отношения и творческий союз. В Библии великая мужская сила была представлена антропоморфно – как мужчина. А женская была сведена к природному элементу – обыкновенной воде. Там говорится, что «Дух Божий носился над водою».[158] И ни слова о том, что это воды Богини. Ее вытеснили и скрыли, но она всегда возвращается.

Очень интересно, как мужественность пытается все подавить. Вам говорят: «Вот ваш бог», а ваше сердце подсказывает: «Нет, это не так, это Мать-Богиня». Я люблю спрашивать: «Кому нужно Авраамово лоно?»

Итак, в нашей традиции два мировоззрения накладываются друг на друга, создавая путаницу и сбивая с толку, но даже эта неразбериха указывает нам путь к мифологии Матери-Богини, потому в Книге Бытия, вплоть до 11-й главы, – отражена древняя шумерская мифология: мифы о потопе, о башне, миф о создании живого существа, разделенного надвое – на Адама и Еву из его ребра (на «спутницу-антрекот», по меткому выражению Джойса). И во всем царит Мать-Богиня.

Один из самых интересных мотивов просматривается в истории Каина и Авеля. Сэмюэль Ной Кремер, ведущий переводчик шумерских текстов, обнаружил интересную историю, которая датируется 2000 г. до н. э. В ней пастух и земледелец соревнуются друг с другом, стараясь понравиться Богине.[159] Земледелец говорит: «О, я подарю тебе зерно, и испеку хлеб, и много чего еще».

А пастух обещает: «О, я подарю тебе сыр и молоко и много чего еще».

А Богиня отвечает: «Выбираю земледельца».

И вот появляется Книга Бытия в традиции поклонения Яхве, примерно около 800 лет до н. э. И там рассказывается о споре Каина и Авеля, соперничающих за милость Бога, и мужское божество выбирает пастуха. Почему? А разве израильтяне не были сами пастухами? Разве не они пришли в мир городов и разве не Каин создал города?

В библейской мифологии можно проследить, как та роль, которая естественным образом и по праву принадлежала женщине, теперь отводится мужчине.

Обращаясь к европейской мифологии, мы сталкиваемся с четырьмя идеальными, основательными природными мифологиями: кельтской, германской, италийской и греческой. Это были зрелые мифологии, где властвовала Богиня. Вы можете переходить от одной к другой и сравнивать их друг с другом, находя похожих персонажей: вот богини

---

[156] Genesis, 3:19.

[157] The Book of Proverbs, 8:27.

[158] Genesis, 1:2.

[159] Samuel Noah Kramer, *Sumerian Mythology: A Study of Spiritual and Literary Achievement in the Third Millennium b.c.* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1998).

судьбы, а вот – норны. Богини судьбы указывают нам путь, как «вечная женственность, к которой мы стремимся». А у Сенеки мы читаем: «*Ducunt volentem fata, nolentem trahunt»* («Желающего судьба ведет, не желающего – тащит»).[160] Это хороший совет, так нас ведет наша природа. Но ваш рассудок может иногда противоречить вашей природе, а Богиня воплощает именно природу.

Дева Мария

От чисто мужского культа в Ветхом Завете мы переходим к Евангелию от Луки, где Дева Мария зачала Бога Христа.

В 431 г. до н. э. совет города Эфеса официально объявил, что Дева Мария – это истинная Богоматерь – теотокос. К началу XIII в. все соборы стали прославлять ее. Она стала посредницей, единственной, кто мог обращаться к Христу напрямую, – и это истинная правда. Единственный Бог, к которому вы можете приблизиться, – тот, кого вы можете познать, а как можно познать Бога? Поэтому вы приближаетесь к нему через Богоматерь, через источник вашей человеческой природы, и она молит его за вас. Ей не *поклоняются* , ее *почитают* ; она – почти Богиня, но не совсем божество. Однако ее тоже считают *Спасительницей* .

Рис. 146. Мария восседает на троне с Христом на коленях в соборе Шартра (резьба по камню, готический стиль, Франция, XII в. н. э.)

Вы можете увидеть ее на западном портале шартрского собора, где она напоминает Исиду или Кибелу, восседая на императорском троне повелителя мира, Христа. Именно она привела его в этот мир подобно тому, как майя придала всему живому форму и нарекла все именами. Все боги произошли от матери: она – Мать Формы, она – Мать Имен. За ее пределами – трансцендентное, и потому она представляет то, что трансцендентно, все, что возможно, все, что грядет; она – начало всему и всему – конец. Вот так почитают женственность в западном мире.

Суд любви

В легендах о короле Артуре прослеживается попытка средневековой Европы ассимилировать и собрать воедино две абсолютно противоположные мифологии, философии и два стиля восприятия жизни. Кельтская культура в Европе была очень сильна; период господства кельтов длился с 1000 гг. до н. э. и достиг своего подъема в 500 г. до н. э., когда кельты чуть не завоевали Рим. По легенде, Рим спасли гуси, находившиеся недалеко от храма Весты, громко загоготав, когда кельты попытались забраться на Капитолийский холм.

В результате римского завоевания Британии античная мифология наслоилась на местную, и они гармонично слились друг с другом, примеры чего мы уже встречали. Те же самые боги возникли потом в европейских волшебных сказках XI–XII вв.

Римляне ушли из Англии в 445 г. до н. э., а после них произошло вторжение англосаксов. Британским королям на юге Англии помогал обороняться от врагов человек по имени Артур, или Артус (это имя восходит к тому же корню, что и Артемида), о котором упоминается в хрониках Гильды Премудрого[161] и Ненния[162] в VI–XIII вв., где его

---

[160] Seneca, *Epistulae morales ad Lucilium* 107.11, см. en.wikisource.org/wiki/Moral_letters_to_Lucilius/Letter_107.

[161] Gildas, *De Excidio et Conquestu Britanniae* (“On the Ruin of Britain”), sixth century a.d., см. http://www.gutenberg.org/ebooks/1949.

называют *dux bellorum* (храбрый полководец). Возможно, Артур по рождению был римлянином и играл, очевидно, важную роль в обороне Британии. Ему приписывают участие в двенадцати битвах (цифра 12 указывает на божественное происхождение) и бесчисленное множество поверженных врагов. В конце концов в одном из сражений он был убит, и тогда англы и саксы захватили страну, которая теперь называется Англией.

Кельтские беженцы покинули Южную Англию и нашли приют во Франции, переплыв пролив и оказавшись в провинции Бретань, где и обосновались. В Бретани сформировалась так называемая Надежда бретонцев: легенда о том, что Артур в один прекрасный день вернется и вернет им их утраченную родину, Великобританию.

Итак, Бретань стала одним из важных источников легенд о короле Артуре. Все началось с устных преданий о его возвращении. Но откуда? Прежде всего, рассказывали, что он мирно почивает в одном из погребальных курганов.

По другой легенде, он, скорее всего, ждет своего часа в Авалоне, волшебной стране в западных морях, куда его перенесли три королевы-волшебницы, когда он умер, и где он должен спать мирным сном в течение долгих веков. Прошли годы, но он все еще там, в одном из волшебных холмов или на одном из волшебных островов, откуда обязательно вернется. Само слово «Авалон» этимологически связано со словом *apples* – «яблоки». Потому что это страна золотых яблок, Гесперид, которая находится за границами доступного нам мира. Это греческий образ, но и кельтский тоже. И снова встретились две традиции: европейская волшебная страна, где живет герой, думая, что прошло всего несколько дней, а на самом деле прошли сотни лет, и потом он к нам вернется, чтобы спасти нас.

Еще говорят, что Артур находится в стране Антиподов. В Средние века, хотя люди и считали, что Земля плоская, некоторые думали, что она представляет собой шар и что земля находится только в северном полушарии, а внизу – только вода. И вот там, на дне этого шара, например, находится земля Антиподов, земля под океанами или за их пределами, где, возможно, и живет Артур.

В *«Божественной комедии»* Данте Вергилий ведет поэта через ад в чистилище на другой стороне земного шара. Когда Колумб впервые приблизился к берегам Северной Америки и увидел мощную реку Ориноко, он был убежден, что перед ним одна из тех самых библейских рек, которые текут из рая, расположенного на самой вершине горы чистилище.

Так возникает мифологическая тема возвращения Артура – древнего короля на все времена. А затем появляется совершившая переворот в литературе книга Гальфрида Монмутского *«История королей Британии»* , где мы видим много подобных историй. Из них черпал сюжеты для своих пьес Шекспир. Например, его *«Король Лир»* , поделивший свое королевство, как в сказках, и *«Цимбелин»* . А еще у нас есть история про битву за Британию и за спасение жизни Артура, только в этой версии его называют королем.

Воин, защищавший жизнь короля, сам стал в народных сказаниях великим королем. Первая записанная легенда рассказывает нам об Артуре, короле небольшой Британской империи, которой угрожает Рим. Отправившись на завоевание Рима со своей армией, он получает известие о том, что его племянник Мордред склонил к измене жену короля Гвиневеру, чтобы захватить его трон. И потому он возвращается в королевство, чтобы принять последний бой. В таком изложении легенды Гвиневера – просто амбициозная и нелюбимая жена; романтики в этой истории нет и в помине.

В этом варианте история о короле Артуре была известна в англосаксонской Британии. В 1066 г. н. э. норманны вторглись в Британию из Франции и захватили страну. Получается, что кельтов захватили англичане, а англичан захватили норманны. На протяжении следующих нескольких столетий никто из аристократов не умел говорить по-английски. Все аристократы говорили по-французски, а английский язык переместился на скотный двор, где

---

[162] Nennius, *Historia Brittonum* (“History of the Britons”), eighth century a.d., см. http://www.fordham.edu/halsall/basis/nennius-full.asp.

выращивали домашних животных. Когда мясо подают к нашему столу, мы называем его *veal* от французского *veau* , то есть говорим «говядина». А на скотном дворе говорят просто *calf* – «теленок», это английское слово. Англичане разводили овец, а норманны – «мутонов» (от фр. *mouton*), и таких примеров еще довольно много.

Итак, вот что мы имеем: кельты, англичане и норманны собрались вместе на этом маленьком острове. Телевидения в те времена не было, и что же они делали долгими вечерами? Они обычно приглашали бардов, чтобы те развлекали их; часто это были кельтские барды, которые и исполняли свои произведения на норманнском диалекте французского языка для высокородных слушателей, собиравшихся в замках. Такая замечательная комбинация норманнского французского языка и кельтских исполнителей привела к созданию обширной литературы – кельтских мифологических сказаний, где главными действующими лицами были кельтские герои и героини, одетые в средневековые костюмы, добрые христиане, которые разыгрывали древние истории.

Норманнские дворы существовали не только в Англии, но и практически повсеместно во Франции. Можно сказать, что именно Жанна д'Арк избавила Францию от англонорманского господства в XV в. Но в те древние времена жила другая замечательная женщина, Алиенора Аквитанская (1122–1204), законная наследная правительница юго-западной части Франции, супруга двух королей, мать троих королей и бабушка всех, кто притязал на трон на протяжении последующих столетий. Она вышла замуж за Людовика VII, короля Франции, вместе с ним отправилась в крестовый поход и, похоже, заскучала там с ним. И вот однажды утром король просыпается, а Алиеноры рядом с ним нет. Между прочим, вы можете подумать, что только сейчас женщины стали всеми заправлять, но и в Средние века они были очень самостоятельными – эти девушки знали, как постоять за себя.

Алиенора уехала, чтобы выйти замуж за другого короля и посвятить ему всю свою жизнь: это был Генрих II Плантагенет, король Англии. Выйдя за него замуж, она принесла ему в качестве приданого значительную часть Франции. Она родила Генриху сыновей – короля Ричарда Львиное Сердце и короля Джона, а из детей от Людовика самой знаменитой была дочь Мария Шампанская.

Мария Шампанская (1145–1198) тоже была выдающейся женщиной. Она являлась королевой-регентшей Франции с 1181 по 1187 г., при ее дворе вновь стал расцветать гуманизм, предтеча Ренессанса. Придворным поэтом при дворе Марии Шампанской был Кретьен де Труа, именно ему приписывают самые ранние версии романов о короле Артуре.

Итак, средневековые поэты никогда не утверждали, что сами сочиняют свои истории; они всегда цитировали их источник (*matière*), а сами лишь интерпретировали, приукрашивали и развивали какую-то традиционную тему (*san*). Истории, созданные Кретьеном де Труа между 1165 и 1195 гг., стали основой романов о короле Артуре в разной их интерпретации. Он создал раннюю версию романа о *Тристане и Изольде* . Она была утрачена, но другие авторы подхватили этот сюжет, ставший любимейшей темой романтических произведений Средневековья.

В истории Тристана герои выбирают любовь, а не брак. Брак в Средние века – как в большинстве случаев в истории – был браком по политическим или экономическим расчетам. Во Франции XII в. против этого стали протестовать; это вдохновило трубадуров, так и зародилась целая традиция куртуазной любви – *Amor* . Если прочитать *Amor* от конца слова к началу, то получится *Roma,* что означает «церковь» и связанное с ней таинство брака. *Amor* же означает пробуждение сердца. Поэты и трубадуры с юга Франции творили на провансальском языке, из этого мира и пришла Алиенора Аквитанская. Ее дед, Вильгельм X Аквитанский, был самым первым трубадуром.

И здесь возникает серьезный психологический вопрос: что такое Любовь? Что такое *Amor* ? До того на христианском Западе было лишь два представления о любовных взаимоотношениях. Во-первых, похоть, которую я определил бы как влечение половых органов друг к другу, когда совершенно неважно, кому эти органы принадлежат. Поэтому подобное отношение безлично. И нечто совершенно противоположное, так называемая

agapē , или высокая любовь – «Возлюби ближнего своего как самого себя».[163] Но и эта любовь безлична.

Однако одной из ярких отличительных европейских черт характера является признание личности, индивидуальности в человеке. Нет ни одной культуры в мире, где бы так процветало портретное искусство, – вспомните, например, картины Рембрандта. Индивидуальность очень много значит. *Amor* – это именно *личная* любовь, когда взгляды двух людей вдруг встречаются. Чудесный провансальский поэт Гираут де Борнель в своих стихах описал свои размышления о любви. Их подхватили другие трубадуры, и таким образом была создана целая поэтическая традиция. Конечно, это написано с точки зрения любящего человека, где любящий – всегда мужчина, а возлюбленная – женщина:

Мой взгляд от сердца весть несет,
От сердца взгляд летит вперед.
Он образ для любви найдет,
И нежность в сердце оживет,
Тогда меня Amor найдет. [164]

Вот что здесь главное: *нежность* . Другой господствующей ценностью того времени было *благородное* сердце; считалось, что оно должно сопутствовать воинской доблести. Нежное сердце способно на любовь – более высокое чувство, чем похоть. Вот прекрасное определение: *Amor,* любовь, возникает, когда взоры двух людей встречаются.

Великая история любви *Amor* – роман о Тристане и Изольде. Нам известно, что Кретьен де Труа создал первую версию этой истории, но она до нас не дошла. Величайшие строки, которые нам известны, были созданы Готфридом Страсбургским в начале XIII в.

Тристан был юным сиротой из Бретани, где и возникла эта традиция лирической куртуазной поэзии. Он был необычайно талантлив, мог говорить на множестве иностранных языков, играл на бесчисленном количестве музыкальных инструментов и был прекрасным охотником – словом, он был разносторонней личностью. Тристан отправляется служить своему дяде королю Марку в Корнуолл.

В историях о короле Артуре есть одна примечательная деталь: здесь постоянно идет речь о племяннике и о дяде, брате матери: родственнике по материнской линии. Тристан и Марк, Артур и Мордред и т. д.

Приехав на место, Тристан узнает о том, что прибыл воин, собирающий дань с корнуолльцев, потому что король Ирландии завоевал Корнуолл. Данью были юноши и девушки, которых отправят служить при ирландском королевском дворе. Но люди не хотели отдавать своих детей. Тристан сказал своему дяде, королю Марку: «Поручите это дело мне. Я отправлюсь к тому королю и сойдусь с ним в бою один на один, сокрушу его, и тогда не нужно будет платить дань». Здесь мы слышим эхо истории о Тесее и Минотавре, намеренная парафраза античных сюжетов.

Морхольт, ирландский боец, был вооружен мечом, кончик которого королева Ирландии намазала ядом; эту королеву звали Изольда, как и ее дочь. Очень популярный троп[165] в куртуазной поэзии: меч, отравленный ядом. Битва состоялась, и отравленный меч пронзает Тристану бедро, и яд начинает действовать. Меч Тристана обрушился на шлем Морхольта, разрубил его и размозжил ему череп, Морхольт погиб, и часть меча Тристана обломилась и застряла в черепе убитого.

---

[163] The Gospel According to Mark 12:31; the Gospel According to Matthew 22:39.

[164] Перевод О. Чекчуриной.

[165] Здесь: повторяющийся элемент сюжета и художественный прием. – Прим. перев.

Все кончено, и тело Морхольта увезли назад в Ирландию. Его юная племянница Изольда, дочь королевы Изольды, была в него влюблена, и когда кусочек меча вынули из его головы, она оставила его себе на память и положила в свою маленькую шкатулку.

Когда Тристан вернулся домой, его отравленная рана стала источать такое зловоние, что никто не мог этого вынести. Тогда он сказал Марку: «Положите меня в маленькую лодку, и пусть она волшебным образом принесет меня туда, где я получу исцеление», – от той, что отравила его.

Куртуазная любовь – *Amor* – это такая рана, которую не в силах исцелить никакой врач. Ее исцелит лишь та, кто нанесла эту рану, та, в которую человек влюблен. Вот как по-иному обыгрывается мотив отравленного клинка.

Итак, Тристан уплывает на лодке, и она, конечно же, приносит его к берегам Ирландии, ко двору той, чей яд убивает его. Он играет на арфе в своей маленькой лодке, ему очень плохо, и так он вплывает в гавань Дублина. Люди выходят на берег и слушают, как играет этот юноша, похожий на Орфея. Они выносят его на берег и, надо же такому случиться, несут его прямо к отравившей его королеве.

Отчего-то королева не догадывается, что перед ней убийца ее родного брата Морхольта. Конечно, наш герой назвался вымышленным именем – Тантрист (фр. «слишком печальный»), то есть «такой грустный», а не своим настоящим именем, так откуда же ей знать, кто он? И она решает помочь ему – эта женщина способна на сострадание. Когда прекращается зловоние от раны, она приглашает свою дочь, Изольду, послушать, как играет удивительный арфист, и, когда ее дочь входит в зал, Тристан играет так, как никогда в жизни не играл. Иными словами, он влюбился – но сам еще об этом не знает. Вот в чем тайна той легенды: он еще не догадывается о своей любви.

Наконец Тристана излечили, и он отправляется домой, в Корнуолл. Эта чудная девушка так его вдохновила, что он рассказывает о ней своему дяде и говорит: «Ты должен жениться на ней». Ничего себе, да? Он настолько не подозревает о своих собственных чувствах, что предлагает дяде на ней жениться.

Итак, все вокруг тоже думают, что его дядя должен жениться, потому что стране нужна королева, и они отправляют Тристана назад, снова не называя его подлинного имени, чтобы он привез в Корнуолл Изольду. И вот он снова в Ирландии, где узнает, что там завелся дракон, который никому житья не дает. А король этой страны говорит: «Кто убьет дракона – тому отдам в жены Изольду».

И конечно же, Тристан отправляется в путь, чтобы убить дракона. Есть там еще один сенешаль, придворный, который сам не может убивать драконов, но он очень хочет жениться на Изольде. И поэтому как только кто-то отправляется на подвиг, этот сенешаль следует за ним.

И вот Тристан убил дракона, разодрал ему пасть, вырезал язык как доказательство своей победы, спрятал язык в свою рубашку и ушел прочь.

Хитрый сенешаль приходит вслед за ним, отрубает дракону голову и предъявляет ее при дворе, чтобы попросить руки Изольды.

Бедный Тристан. А вот язык дракона никогда не надо совать к себе в рубашку, потому что этот язык ядовитый. Он бредет назад с драконьим языком в рубашке, но теряет сознание и падает в пруд, так что только нос его оттуда торчит, но дышать он может, не беспокойтесь за него, пожалуйста.

А Изольда с матерью как раз в ту пору прогуливались неподалеку от того пруда. Как только они подошли поближе, то одна сказала другой: «Посмотри-ка, кто-то там лежит!» Они вытащили Тристана на берег – и почему-то снова его не узнали, не поняли, что это тот самый Тантрист, которого они когда-то излечили.

Они укладывают его в купель, чтобы вылечить. Тем временем Изольда разбирает его вещи в комнате, вытащила его меч, и – посмотрите-ка! – на нем выгравировано его имя! Открыв свою маленькую шкатулку, она видит, что сохраненный ею обломок меча идеально вписывается в зазубрину на мече Тристана. Она видит это – о боже! Она же так любила

своего дядю! И вот она берет меч и решает убить Тристана, пока тот лежит в купели.

Он смотрит на нее и говорит: «Руби. Тогда этот сенешаль дурацкий возьмет тебя в жены».

Да, это серьезный аргумент, думает Изольда. Тем временем ей надоедает держать тяжелый меч, у нее затекает рука. Ну и все, конец истории.

Как только Тристана снова вылечили, он приходит ко двору и задает важный вопрос: «Кому достанется Изольда?» Сначала на ее руку претендует сенешаль, который принес голову дракона, и все это выглядит весьма убедительно.

А Тристану осталось всего-навсего задать еще один вопрос: «Откройте пасть дракона и посмотрите, может быть, там чего-то не хватает».

А языка-то и нет. Куда же он делся?

А вот он! И Тристан протягивает драконов язык. Так Изольда достается ему.

Глупый мальчишка, он все еще хочет доставить Изольду своему дяде Марку. И вот ее мать, та, что приготовила яд, из-за которого завертелась вся эта история, готовит любовный напиток для Изольды, чтобы она вместе с королем Марком выпила его и чтобы они прожили друг с другом в любви и согласии.

И тут возникает большая проблема, теологическая и не только. Королева приготовила любовный напиток и вверила дочь заботам верной кормилицы юной Изольды, Брангены.

Но Брангена была такая невнимательная. По пути назад пятнадцатилетние Тристан и Изольда выпили по глотку этого напитка, перепутав его с вином. И вдруг они поняли, что уже давно любят друг друга.

Узнав, что произошло, Брангена пришла в ужас, и это – потрясающий момент: она подходит к Тристану и говорит: «Ты выпил собственную смерть!»

А Тристан ей отвечает: «Я не понимаю, что ты имеешь в виду. Если ты называешь смертью муки любви, то именно в них – моя жизнь».

Такова идея куртуазной любви *Amor:* страдать от нее. Вся жизнь наполнена страданиями, и любовь не исключение. В Японии примерно в это же время придворная дама Мурасаки написала роман *«Легенда о принце Гендзи»* , где происходит утонченная игра аристократов и юных дев в вышитых цветами нарядах. Все они глубоко чувствуют и переживают то, что мудро заметил о жизни Будда: что жизнь есть страдание, а муки любви – это муки самой жизни, и там, где ваша боль, – там и ваша жизнь.

Тристан продолжает: «Если ты считаешь, что эта любовь принесет мне смерть, то в этом и состоит моя жизнь. Если смертью ты называешь наказание, которое меня постигнет за супружескую измену, то я его приму». И вот так человек прорывается между двумя противоположностями – жизнью и смертью, именно там и живет любовь: и в этом движении он и испытывает страдание. И в довершение своей мысли он говорит: «А если смертью ты называешь мое вечное пребывание в Аду после смерти, то я навечно принимаю и это».[166]

Вот это уже очень серьезное заявление, в нем воплощается средневековое представление о куртуазной любви. Тут не просто аристократические изыски или поверхностная любовная интрижка. Это – миссия, выводящая человека за пределы обыденных ценностей физического мира, уносящая его в мир вечных ценностей. Когда Данте проходил через круги ада, самым первым и ужасным из них был круговорот влюбленных. Среди них были Тристан и Изольда, Ланселот и Гвиневера – все великие любовники всех времен. Среди них он узнает одну пару, Паоло и Франческу, и, исполненный сознания общественного долга, подзывает ее к себе и спрашивает: «Как ты дошла до такой жизни?»

Далее следуют самые пронзительные строки во всей поэме, когда она ему отвечает: «Мы читали книгу о Ланселоте и Гвиневере. А потом наши взгляды встретились, мы

[166] Перевод Кэмпбелла Готфрида Страсбургского – Gottfried von Strassberg, *Tristan und Iseult* , ll. 12495–502.

посмотрели друг другу в глаза, и больше в тот день мы не читали».[167] Эти люди пребывают в месте, которое нам кажется адом, но вот какую мысль выразил в своей книге афоризмов *«Брак Рая и Ада»* замечательный мудрый человек Вильям Блейк: «Я брел среди адских огней/Радуясь наслаждениям Гения/Что Ангелы считают мучением и безумием».[168] Вот вам и ответ. И Тристан добровольно принял это горение в огне, адские муки, в которых заключалась для него вечная любовь, – и такова его судьба в мире вечности.

Далее в легенде рассказывается о предательстве дяди Тристана, короля Марка. Трубадуры считали, что у Марка не было прав на Изольду. Он ее никогда не видел, она никогда не видела его, они не встречались взглядами, между ними не возникала любовь *Амор* . Могли быть доброта и сострадание, но только не любовь. И когда Тристан и Изольда прибывают ко двору и Марк узнает об их любви, он не в силах казнить их, потому говорит: «Уйдите с глаз моих, прочь, в леса».

А дальше следует рассказ о тех годах жизни, которые Тристан и Изольда провели в лесах. Они вошли в пещеру, на которой было начертано: «Пещера влюбленных». Эту пещеру выдолбили в скале и приспособили для жизни еще в дохристианские времена. Она была связана с кельтскими мистическими ритуалами и напоминала милую маленькую часовню. И там, где должен был располагаться алтарь, стоял альков из хрусталя, а тайна этой пещеры была связана с таинствами любви. Так говорится в версии Готфрида Страсбургского, придумавшего эту маленькую часовню.

А в потолке этой часовни было два маленьких оконца, пропускавшие солнечный свет. Однажды Тристан заслышал звук охотничьего рога вдалеке – то король Марк отправился на охоту. И Тристан подумал: «Если Марк обнаружит эту часовню и заглянет в нее, он увидит нас с Изольдой в постели, – я положу меч между нами».

Он честь предпочел любви, совершив величайшую ошибку. Это одна из главных тем в средневековых историях о куртуазной любви *Amor* . В средневековом языке германцев были слова *ere* (честь) и *minna* (любовь), и средневековые трубадуры Германии именовали себя *миннезингерами* . А здесь *ere* отдали предпочтение, и она побеждает, и вот Тристан положил между ними меч.

Марк, конечно, заглядывает в эту пещеру, и видит меч между спящими и говорит: «Меня обманули. Напрасно я так несправедливо судил о них». И он приглашает их вернуться ко двору.

Конечно, Тристан и Изольда не в силах совладать со своими чувствами, их снова застали вместе, и на этот раз дело обстоит весьма серьезно. Изольде предстоит пройти испытание: она должна перейти реку и поклясться, что никогда не делила свое ложе ни с кем, кроме своего супруга, а потом взять в руку кусок раскаленного докрасна железа. Если она скажет правду, ее рука не будет обожжена, а если солжет, то на руке останется ожог.

Итак, им приходит в голову одна идея. Тристан нанимается грести лодку с Изольдой и одевается так, чтобы никто его не узнал. Изольда заходит в лодку, он сидит на веслах, они переплывают реку, а когда он поднимает ее на руки, то спотыкается и падает на нее сверху: «Ах! Простите, пожалуйста!»

Она отряхивается и громко клянется: «Я никогда не делила ложе ни с кем, кроме моего мужа – и лодочника, который нечаянно упал на меня». И на ее руке не остается следа от ожога.

Но Тристана все равно отправили в изгнание, и он возвращается в родную Бретань. Там он узнает, что какую-то красивую девушку зовут Изольдой, и влюбляется в нее только из-за имени, ни разу ее не видев.

Он женится на Изольде Белорукой – это уже третья Изольда. Но он не может делить с

---

[167] Перевод Кэмпбелла Данте Dante, *La Divina Commedia: Inferno* , canto 5, ll. 115–42.

[168] William Blake, *The Marriage of Heaven and Hell* , “A Memorable Fancy.”

ней супружеское ложе, потому что она – *не его* Изольда; от этого его хранит *Amor* .

Однажды расстроенная жена Тристана едет верхом в компании своего брата, сэра Каэрдина, и ее конь наступает в лужу, грязь из этой лужи забрызгала ее бедро. Тогда она с горечью говорит брату: «Эта грязь и то отважнее, чем Тристан».

Каэрдин удивляется: «Что такое?»

И она ему обо всем рассказывает.

Каэрдин в гневе, он едет к Тристану и упрекает его в уклонении от супружеского долга, и Тристан открывает ему душу, рассказывая о своей любви к Изольде – *его* Изольде.

«Понимаю, да, – говорит Каэрдин. – Что же, все понятно».

Потом Тристана тяжело ранят в бою. Он умирает от ран, и единственная, кто может исцелить его смертельную рану, – это *его* Изольда. Тогда Каэрдин посылает за той, кого любит Тристан. По уговору, если она согласится приехать к нему, на корабле, который принесет об этом весть, поднимут белый парус. Если откажется – парус будет черным. Мы слышим отголосок истории о Тесее.

И вот Каэрдин возвращается с Изольдой на корабле под белым флагом, но ревнивая жена Тристана, Изольда Белорукая, говорит Тристану, что парус черный, и Тристан умирает от горя.

Такое противоречие между браком и романтической любовью было основной проблемой XII в. Как примирить их?

Кретьен де Труа создал первую версию романа под названием «*Тристан»* , его вторым литературным произведением был роман «*Эрек и Энида»* . Придворным дамам не очень нравился роман о Тристане и Изольде, потому что их любовь осуществилась в лесу. Дамам хотелось, чтобы это происходило при дворе – тогда придворная жизнь стала бы благороднее. Потому «*Эрек и Энида»* – это история о любви в браке, представляющая типично мужскую проблему.

Эрек – славный рыцарь, который так сильно влюбляется в Эниду, что забывает о военном искусстве и перестает быть доблестным воином. А потом он понимает: «Что-то я совсем из-за этой любви расклеился!» Отвергнув Эниду, он скачет на своем добром коне навстречу приключениям, но она устремляется вслед за ним верхом на своей легконогой лошади. Она хранит ему верность, даже будучи отвергнутой, и в конце концов он снова обретает боевую доблесть и женится на ней, и она становится его преданной спутницей жизни.

Дамам и эта история не очень понравилась.

Следующая история под названием «*Клижес»* тоже очень странная. Она рассказывает о влюбленном, который раскрывает перед своей дамой сердце, но она замужем и не может ответить на его чувства. Она не пойдет на супружескую измену, пока жив ее муж. Поэтому они замыслили убить его.

Многие литературные критики отчего-то называют такое решение нравственным выбором. Очевидно, что это неприемлемое решение, и об этом романе мало кто знает, никто никогда не пробовал написать ничего в этом роде.

Затем появилась история под названием «*Ланцелот, или Рыцарь телеги* ». Это величайшее литературное произведение Кретьена де Труа, история прекрасная. Прелесть ее в том, что Артур признает, что Ланцелот и Гвиневера влюблены друг в друга, он понимает, что такое любовь, он ценит и почитает ее. Это вам не французский рогоносец, которого провансальцы называют ревнивцем – *le jaloux* .

Название этого романа связано с очень интересным эпизодом.

Гвиневеру похитили. Ланцелот отправляется на ее поиски, но он загнал своего коня, и тот погибает. И вот Ланцелот бредет в одиночестве, в тяжелых латах, и идет довольно медленно, и тут мимо него проезжает телега.

Было бы полным бесчестьем для рыцаря ехать в простой деревенской телеге в полном боевом облачении, потому что именно на телегах тогда возили преступников на казнь. Ни один рыцарь никогда не сел бы в телегу.

Когда телега подъезжает поближе, ему в голову приходит мысль: «Вот на телеге-то я бы быстрее нашел Гвиневеру, но как же моя честь…»

Пройдя три шага, он решается – и садится в телегу. Так он проходит первое испытание, выбирая между честью и любовью.

Ему предстоит еще одно испытание в поисках Гвиневеры, так называемое Испытание Опасной Постелью. Рыцарь в полном боевом облачении входит в пустой мраморный зал, в центре которого стоит кровать на колесах. Нужно лечь на эту постель и остаться на ней.

Ланцелот приближается к этой постели, а она откатывается в сторону. Он снова подходит к ней, она снова откатывается. В конце концов он с разбегу, в полном облачении, запрыгивает на нее, но тут она начинает гарцевать и подбрасывать его вверх, как жеребец в вестернах, она колотится о стены и обо все вокруг. В конце концов Ланцелот укрощает этого «льва», но он тяжело ранен.

И тут приходят дамы из замка, чтобы узнать, как там поживает герой. Они исцеляют его, и он отправляется в свой опасный путь.

Много лет назад мой друг Генрих Циммер спросил: «А в чем смысл этого испытания с опасной кроватью?» Думаю, что он нашел правильный ответ. Он так ответил на свой вопрос: «Это метафора восприятия мужчиной женского темперамента. Мужчина не может понять, какого черта там, внутри у нее, происходит. Но нужно проявлять терпение, она успокоится, и тогда вы сможете наслаждаться всеми прелестями общения с женщиной».

У меня был опыт соприкосновения с Опасной Постелью, когда я работал над книгой об индуистском искусстве, издавая одну из неопубликованных книг Циммера после его смерти. Я собрал уже все необходимые иллюстрации для этого издания, мне оставалось найти еще три-четыре.

Я был знаком с Анандой К. Кумарашвами, признанным в те времена авторитетом в этой области, но он только что умер. Я знал, что необходимые мне изображения находились в его коллекции в Бостоне и что они должны храниться у его вдовы. Поэтому я позвонил ей и поинтересовался, можно ли мне поработать с коллекцией ее мужа, чтобы найти нужные иллюстрации.

В Бостоне стоял жаркий день, но я подумал: ничего страшного, я за полчаса управлюсь с документами.

«О, – сказала мне вдова, – входите». И я вошел. «Джо, вот сюда, документы в этой комнате».

Я только открыл папку, как она вошла и спросила: «Джо, сегодня так жарко, хотите лимонада или чего-нибудь освежающего?»

Я из вежливости согласился.

И мы выпили лимонада, и долго беседовали, а потом она вышла, и я только принялся за работу, как наступило время обеда. И вот мы стали обедать, и снова беседовали. Я вернулся к документам, рылся в папках, и тут она пришла и говорит: «Джо, если хотите, можете переночевать здесь на диване, не стесняйтесь, все в порядке».

Я мысленно сказал себе: «Вот она, Опасная Кровать, я, похоже, здесь зависну надолго».

Три дня я там провел. Изображения попали в книгу, я их нашел, но вот что я вам скажу – это и было испытание Опасной Кроватью.

Следующим испытанием Ланцелота был Мост Мечей. Этот архетипический мотив встречается во всех мифологиях – от индуистской до эскимосской. Герою нужно преодолеть пропасть на Мосту Мечей. Смысл этого испытания на языке трубадуров заключается в том, чтобы на пути куртуазной любви *Amor* следовать Путем Левой Руки.

Те, кто идет Путем Правой Руки, следуют правилам, связанным с социальными нормами. Но Путь Левой Руки полон великих опасностей и страстей, и нет ничего более разрушительного в жизни, чем страсть. Этот урок и следует усвоить: переходя Мост Мечей, нужно нести в сердце возвышенную любовь *Amor* , а не темную страсть, иначе один неверный шаг в сторону или малейшее проявление страха ввергнет вас в бурный поток, который унесет вас далеко прочь. Вот чему учит Путь Левой Руки и путь *Amor* .

Ланцелот пересекает Мост Мечей, побеждает в бою стражей замка, где томится Гвиневера, и подходит к ней, чтобы получить ее благоволение.

А она холодна как лед.

Отчего?

Оттого, что, прежде чем сесть в ту телегу, он сделал сначала три шага в сомнении.

Законы любви жестоки. Если вы отказываетесь от чего-то ради чего-то немногого, тогда *отказывайтесь от всего вообще ради этого немногого* и храните эту мысль в своей душе на протяжении всего пути.

Вот какие замечательные уроки встречают люди на Пути Левой Руки. Таков ваш путь, если вы следуете по пути духовности, а не просто мирно и благополучно вписываетесь в законы общества.

Возрождение Богини

В XV в., в период расцвета итальянского Ренессанса, во времена Козимо Медичи, покровителя философов и художников, во Флоренцию прибыл византийский священник с копией рукописи на греческом под названием *Corpus Hermeticum* («*Герметический свод», или «Герметика*»). Это были герметические труды позднеантичного периода, совпавшего с периодом расцвета христианства: они датировались первыми тремя столетиями нашей эры.

Козимо предложил Марсилио Фисино перевести рукописи на латинский язык, и это произведение сразу получило известность среди философов и художников Флоренции, спровоцировав невероятный всплеск символизма в искусстве. Флорентийцы осознали сходство символики античности и христианства, герметические традиции которых были одинаковыми, но излагались по-разному, в одном из верований символы конкретизировались, а другое раскрывало их подлинный смысл.

Рис. 147. Исида с Гермесом Трисмегистом и Моисеем (фреска, эпоха Ренессанса, Ватикан, 1493 г.)

Ботичелли просто расцвел на этих идеях. А на картинах Тициана были изображены и античные, и христианские персонажи, доносившие до зрителя одни и те же идеи. Великое искусство того времени было основано на этом откровении, окончательно положив конец изоляции христианского учения от контекста мировой культуры и от религиозных откровений.

Две традиции встретились – античная и христианская. Этим вдохновением и отличается Ренессанс от эпохи Барокко.

В легенде, дошедшей до нас из трагедии Эсхила *«Прометей прикованный»*, несчастная страдающая нимфа Ио, которую Гермес освободил от Аргуса, отправилась искать спасения в Египет в образе коровы, а там, в соответствии с более поздней легендой, обретя человеческий облик, она родила сына по имени Серапис и стала известна под именем Исиды. Художник из Умбрии по имени Пинтуриччио (1454–1513) изображает ренессансную версию ее спасения на фресках 1493 г. в так называемых залах Борджиа в Ватикане, созданных по приказу папы римского Александра VI Борджиа (рис. 147).

Удивительно, что одно из самых убедительных изображений Богини находится в Ватикане. Пинтуриччио изображает спасенную нимфу в образе Исиды, которая учит нас; по правую руку от нее мы видим Гермеса Трисмегиста, а по левую – Моисея. Смысл этой фрески заключается в том, что оба этих учения содержат величайшие знания и ценности на все времена, но они исходят из уст и от плоти Богини. Одно учение иудейских пророков, а другое – греческих мудрецов, и оно исходит не от Бога, с которым говорил Моисей,[169] а от

---

169 [Discussion of Isis Borgia image taken from file in Opus Archives Joseph Campbell Collection, image box 178.

Богини, о которой мы читаем в трудах одного из ее самых знаменитых последователей Люциуса Апулея (родившегося в 125 г. н. э.):

> «Я – единое целое с ней, матерью всего сущего, повелительницей и правительницей всех элементов, той, что создала все миры, той, от которой исходит божественная сила, царицей всех, кто в аду, повелительницей всех, кто в раю, в ней единой слились все боги и все богини. По моей воле движутся планеты по небу, дуют могучие морские ветра, и в тишине ада раздаются горестные стенания; мое имя, моя божественность вызывают поклонение во всем мире, на разный лад, в разных обычаях и под множеством имен.
>
> Ибо именно фригийцы первыми назвали меня Матерью богов из Пессинуса; афиняне, которые выросли на своей земле, нарекли меня Цекропией Минервой; жители Кипра, живущие у моря, – Венерой из Пафоса; критяне с острыми стрелами – Диктинийской Дианой; сицилийцы, говорящие на трех языках, – повелительницей подземного мира Прозерпиной; елевсийцы – своей древней богиней Церерой, кто-то зовет меня Юноной, кто-то Беллоной, другие именуют меня Гекатой или Рамнузией, в особенности все жители Эфиопии, живущие на востоке, освещенные утренними лучами солнца; а египтяне, знатоки древних учений, в своих традиционных церемониях поклоняются мне и зовут меня моим подлинным именем – повелительница Исида».[170]

Глубоко в раннехристианских катакомбах Древнего Рима есть один барельеф (рис. 148). Там, где вы ожидали увидеть изображение Христа, вы находите Орфея. Орфей-рыбак напоминает нам о заповеди Христа: «Я сделаю вас ловцами человеков». Здесь Орфей играет на своей лире – и звучит, так сказать, высшая музыка сфер. Мы видим, как лев и агнец рядом легли у его ног, и ничего страшного нет в том, что лев собирается съесть ягненка, – все они принимают участие в этом гармоничном вращении вселенной; законы природы никому не подвластны, но человек может понять их смысл. И потому Орфей изображен в центре как сила, гармонизирующая природу.

Рис. 148. Орфей-спаситель (каменный барельеф, поздний римский период, Италия, III в. н. э.)

И там повсюду изображены сцены из Ветхого и Нового Завета. Вот баран – жертвенное животное иудеев и бык – жертвенное животное язычников. Это абсолютно синкретический образ, в котором мы видим слияние языческих образов и образов Ветхого и Нового Завета: Моисей черпает воду из скалы, Иисус исцеляет Лазаря, Давид готовится убить великана Голиафа, и Даниил в пещере льва бесстрашно глядит в его разверстую пасть. Смысл здесь в том, что эти различные заветы – не более чем местные интерпретации одного великого духовного послания.

Перед нами – еще одна чаша (рис. 149), современница чаши из Петроассы. На ней изображены шестнадцать обнаженных людей, как в античной Греции, они стоят перед свернувшимся в кольца золотым змеем Гермеса, проводника мертвых душ в царство вечности. Культ наготы ассоциировался с отказом от земных обычаев навсегда, когда душа попадала в рай.

На нижней части чаши изображены кольца сфер, поэтому эти люди находятся в царстве Муз и залиты светом Аполлона. Мы видим там стражей, расставленных по четырем сторонам света, а число колонн соответствует количеству дней в месяце. Итак, снаружи

Folder titled “Isis Instructing Hermes and Moses.”]

170 Apuleius, *The Golden Ass* , translated by W. Adlington (New York: The Modern Library, 1928), book 11.

находится чаша времени, а внутри – чаша вечности. Женщины стоят в той же позе, что и Венера Медичи, но на статуе Венера стыдливо прикрывает грудь и половые органы, а на чаше женщины указывают на них как на источник силы, а мужчина положил руку на грудь, и этот жест выражает преклонение перед змеем.

Рис. 149. Чаша со змеей (резьба по алебастру, происхождение неизвестно, II–III вв. до н. э.)

На горе Атмос в Греции мы снова встречаем шестнадцать фигур, выстроенных кругом (рис. 150). Но здесь изображена не Дева Грааля с кубком, а Мария с ребенком в руках, изображенные в соответствии с византийскими канонами. Ребенок прижат к груди Пречистой Девы, но он смотрит в сторону, а ангелы льют фимиам. Она изображена как восседающая на троне Исида, а он напоминает фараона: великий образ женщины – Держательницы Мира.

Рис. 150. Чаша для евхаристии (резьба по камню, византийская Греция, XIII в.)

На этой небольшой печати, которая называется Орфей Бахус распятый (рис. 151), объединились языческий и христианский образы. Здесь мы видим распятого Орфея, над ним лунный полумесяц и семь звезд на райском небесном своде.

> Семь звезд здесь символизируют созвездие Плеяд, с древности известное как Орфеева Лира; крест, кроме заложенного в него христианского смысла, изображает главные звезды в созвездии Ориона, известном также как созвездие Диониса. Лунный полумесяц постоянно то растет, то убывает, пребывая в состоянии затмения три дня, подобно тому, как Христос три дня пребывал в гробнице.[171]

Рис. 151. Орфей Бахус распятый (цилиндрическая печать, Византия, Греция, 300 г. до н. э.)

Перед нами гравюра Альбрехта Дюрера, на которой изображено распятие (рис. 152). А на небосводе мы одновременно видим и луну, и солнце. Здесь снова звучит тема двух сознаний, которые сливаются воедино: лунное сознание, замкнутое в сфере времени и пространства, и свободное солнечное сознание.

Осознав это, вы задаете себе вопрос: «Кто я?» И отвечаете: «Я – то, что заключено в теле». Но лучше ответить так: «Я – сознание». И тогда вы попадаете в область солнечного сознания и можете с благодарностью отпустить свое бренное тело. Так отпустил свое тело Христос и отошел к Отцу своему. Отец и Сын являются аналогией с пятнадцатой ночью лунного месяца, когда солнце заходит, а луна восходит в один и тот же миг, и они смотрят друг на друга поверх нашего мира, а потом луна начинает убывать, чтобы вновь возродиться.

Рис. 152. Распятие (гравюра, Германия, 1495–1498 гг.)

Воды бессмертия выходят из ран в теле того, кто пожертвовал своим телом, а древний череп Адама был омыт кровью Спасителя, нового Адама, совершившего искупление грехов. Дюрер объединяет в своей гравюре древнего Адама, нового Адама, воды бессмертия, лунный

---

171 Campbell, *The Masks of God: Creative Mythology* , p. 24.

и солнечный календарь в одном символическом изображении.

Такова, в целом, история мистерий, проникших в традиции христианства из древней языческой системы. Я полагаю, что христианство ближе к античной Греции, чем к традициям иудеев. Вся тема непорочного зачатия противоречит канонам иудаизма, но сродни античной традиции. Голубь слетает с небес к Марии, лебедь спускается с небес к Леде; и рождение Христа, как и рождение Елены, – одно из самых прекрасных и вызывающих преклонение изображений человеческого тела и духа, какие только знал мир. Есть одна общая мифология, и гностические и герметические мыслители раннехристианской эры это осознавали, выразив эту мысль в изображениях на всех этих чашах и мозаиках.

Возвращаясь на как минимум 9000 лет назад, в эпоху зарождения сельского хозяйства на Ближнем Востоке и в древней Европе, мы сталкиваемся с традициями, где господствовала Богиня и ее дитя, которое погибало, а потом воскресало вновь. То есть мы рождаемся от нее, возвращаемся к ней и покоимся в ней с миром. Эту традицию сохранили в культах древней Месопотамии, Египта, и потом она проникла в античный мир, прежде чем ее смысл стало нести нам христианское вероучение.

В 1493 г. некто Франкино Гафури опубликовал в книге под названием «*Practica Musicae»* («Музыкальная практика») следующую схему (рис. 153), где мы видим классическое изображение трансформации души и постепенные стадии просветления, которые она переживает.[172]

Аполлон восседает наверху, а три грации танцуют перед ним. В руке он держит лиру, которая играет музыку Вселенной, а рядом изображен рог изобилия. Надпись над головой Аполлона гласит: «Энергия Аполлонова ума присутствует везде посредством муз». Это энергия просветленного сознания. Музы вдохновляют на творчество, а источник их энергии – грации. Грации изображены обнаженными, поскольку нагота символизирует отказ от покровов времени и пространства, а музы, воплощающие послание голой правды миру, облачены в покровы форм физического мира. В сфере времени тайна укрыта покровом, а в вечности она обнажена.

Грации представляют три ипостаси Афродиты, древней богини, связанной с Аполлоном. Она его *шакти,* а грации – ее воплощения, они питают и приводят в движение энергии нашего мира. Евфросина воплощает радость и свет, который приходит в мир от девяти муз. Аглая, чье имя обозначает «великолепие», символизирует энергию, которая возвращается к божеству. Талия, чье имя обозначает «изобилие», объединяет их обеих. Таким образом, в наш мир проникает сияющее сознание Аполлона.

Центральная фигура здесь – огромный змей, хвост которого – Цербер, трехглавый пес, страж подземного мира. Девятую музу тоже зовут Талия, она изображена и под головой Цербера, и как грация, стоящая в центре. Когда она находится под порогом Земли, ее именуют Молчаливая Талия. Отчего ее не слышно? Оттого, что мы боимся трехглавого пса, подобного тем трем тварям, угрожавшим Данте, сделавшему первый шаг в темный девственный лес, «земную жизнь пройдя до половины». В центре – львиная голова, символизирующая солнечное пламя, – грозный огонь дня сегодняшнего, наше настоящее и наш страх расстаться с ним. Цепляетесь вы за свое прошлое или позволите пламени дня сегодняшнего переплавить себя в нечто новое?

Рис. 153. Practica Musicae (печатная книга, эпоха Ренессанса, Италия, 1496 г.)

Вы живете в настоящем, воспринимая его в категориях своего прошлого, но странствие души начинается, когда вы отказываетесь от собственного «Я» и открываетесь тому, что

---

[172] [См. Edgar Wind, *Pagan Mysteries in the Renaissance* (New Haven: Yale University Press, 1958), appendix 6: “Gaffurius on the Harmony of the Spheres.”]

разрушит вас прежних и подтолкнет вас к тому, кем вы можете стать. Вы не приемлете укус смерти, и потому не слышите песнь Вселенной. Поэтому Талия молчит.

Справа от львиной головы изображена волчья голова, она символизирует страх перед ходом времени. Будущее отнимает то, что у вас есть. Данте называет это состояние *abaras* , когда у вас отнимают что-то ценное, за что вы держитесь, и потому вы не можете открыться своему будущему. В страхе перед этим человек отступает.

Справа изображена голова собаки, которая символизирует желание и надежду на будущее. Мы цепляемся за свое эго оттого, что нами руководят страх и желание, а цель инициации – освободить человека от этих чувств. Нас привязывает к себе настоящее, прошлое и будущее, так мы и оказываемся привязаны к нашему эго. Помните изображение змеи, кусающей Пелея за ахиллово сухожилие (рис. 139)? «Пусть змея смерти укусит вас за пятку, и тогда вы услышите пение муз». Когда вы умерли для собственного эго и рационального сознания, в вас просыпается интуиция, то есть вы слышите песню музы. Это в вас снова пробудилась сила женственности.

Бхадараньяка-упанишада повествует об одной истории – о том, как *Брахман* , Всеобщее Я, само не знало о себе. Оно просто было, и все. Потом оно произнесло: «Атман» («Я») – и испугалось. С рождением эго просыпается и страх, изображенный здесь в виде волка.

И тогда атман стал рассуждать: «Чего же я боюсь, ведь здесь, кроме меня, никого нет?» И он задумался о собственном одиночестве. Он захотел, чтобы рядом появился кто-то еще, и страстно желал этого, что символизирует собака на изображении. Как только появляется эго, сразу же появляются и страх, и желание.

Когда Будда уселся под деревом Бодхи, его стали искушать три дочери бога чувственного желания, Повелителя Камы. Их имена были Желание, Осуществление и Сожаление. Поскольку Будда более не отождествлял себя со своим эго, а лишь с сознанием, наполнявшим и его, и эти три создания, то он и с места не стронулся. Потом он прошел испытание страхом, когда устрашающий бог смерти Мара наслал на него свое войско. И снова Будда не сдвинулся с места, он не держался за свое эго и постиг тайну бессмертия.

Пока мы связаны с эго, нас тянет вниз, к головам Цербера, и нам не слышен голос бессмертия и сознания Вселенной.

Засунув свою голову в пасть льва, вы услышите песнь природы. Поэтому Талия – это муза сельской, пасторальной поэзии окружающей природы, овец, львов, деревьев, трав и гор.

В книге Кнута Расмуссена[173] об эскимосах и шаманах, с которыми он встречался, есть замечательный эпизод. Один старый шаман по имени Наджагнег признался, что придумал множество хитроумных устройств и мифов о духах для того, чтобы отпугнуть своих соседей, которые его беспокоили.

Расмуссен спросил у него: «А это те же самые духи, которыми ты, как утверждаешь, овладел? А ты хоть в кого-то из них по-настоящему веришь?»

И Наджагнег ему ответил: «Да, есть дух, которого мы называем Сила, которого нельзя объяснить никакими словами: это очень сильный дух, повелитель Вселенной, погоды, всего живого на земле. Он такой могущественный, что говорит с человеком не словами, а штормами, снегопадами, ливнями, морскими бурями – всеми теми силами, которых так боится человек. А еще он говорит на языке солнечного света, спокойных морей или устами маленьких невинных детей, которые еще не знают жизни. Когда стоят хорошие времена, Сила молчит и ничего не говорит людям. Он растворяется в своей бесконечной бездне и пребывает там, пока люди не нарушают законов, управляющих жизнью, и просто добывают себе пищу на пропитание. Никто никогда не видел Силу. Место ее пребывания столь таинственно, что она одновременно и всегда вместе с нами, и в то же время невероятно далеко от нас».

«Житель Вселенной или его душа, – продолжал рассказывать Наджагнег, – никогда не

---

173 [См. Campbell, *Myths to Live By* , chapter 10: “Schizophrenia: the Inward Journey.”]

виден; слышен только его голос. Мы знаем только, что голос у него очень нежный, словно женский, такой ласковый и певучий, что его не боятся даже маленькие дети. И он говорит нам: «*Сила ерсинарсинивдлуге* » – «Не бойтесь Вселенной».[174]

Каждая из девяти муз ассоциируется с одной из небесных и земных сфер, описанных в системе Птолемея. Это напоминает путешествие Данте, когда он покинул Землю, чтобы полететь к Луне; человек должен двигаться через сферы небесных элементов – земли, воды, воздуха и огня, чтобы прийти к первой музе и небесному телу Луны. Селена, Луна, ассоциируется с искусством Клио, музой истории и историографии. Луна управляет приливами океана, менструальным циклом, и потому это сила, которая наполняет собой историю. Стрела, которую держит Селена в сфере Луны, устремлена вниз, указывая на Землю и ее историю, а лук Гермеса устремлен вверх, указывая на духовные высоты.

Меркурий (Гермес) превращает мир феноменальных явлений в сияние вечности, и это уже область искусства Каллиопы, музы эпической поэзии, которая превращает историю в миф. В эпической поэзии история становится откровением, легендой. Земля, Луна и Меркурий, соответственно, воплощают пасторальный голос планеты, голос истории. Так постигается их духовный смысл. Они – первые из небесных триад.

Следующая триада состоит из Венеры, Солнца и Марса. Муза Венеры (Афродиты) – Терпсихора, муза танца. Вспомните возлюбленных Афродиты, Ареса и Гермеса, которые символизируют войну и любовь: это – средоточие трагедии. Муза Солнца – Мельпомена, муза трагедии и трагической поэзии. Трагедия помогает нам избавиться от нашего эго и оторваться от него. Что есть трагедия, как не разрушение человеческих характеров в драматическом действии? И такой трагический разрыв освобождает от связей с исторически существующей личностью. Муза Марса (Ареса) – Эрато, она символизирует эротическую поэзию. Вторая триада помогает совершить переход от солнечной двери в высшую сферу чистой духовности. В ней мы видим трагический танец, эротику и сам момент свершения трагедии.

Итак, мы освободились от пут материи и связи с Землей и возвысились до последней триады: Юпитера (Зевса), повелителя мира, Сатурна (Кроноса), отрывающего нас от прошлого и возвышающего до аскетизма высших сфер, где сияют звезды, символизирующие упорядоченную, неизменную стабильность. Мы приближаемся к Зевсу, повелителю богов, и его муза Евтерпа, муза игры на флейте. Удивительная чистота звука флейты кажется невероятной и таинственной. Она так чиста и прозрачна, и она переносит нас в такой же чистый и прозрачный мир. Когда мы приближаемся к Кроносу, мы встречаемся с Полигимнией, музой священных хоровых песен. Кронос, повелитель времени и аскетизма, своим серпом отрезает вас от всего мира; подобно тому как закатное солнце отрезает вас от земных забот уходящего дня, Кронос отрезает вас даже от вечности. Настройте свой ум на трансцендентное вместе с Полигимнией, музой священных хоровых песен.

И вот перед нами возникает последняя точка нашего путешествия, рай с неподвижными звездами, где мы встречаемся с Уранией, музой астрономии. По мере нашего подъема вверх мы возвышаемся духовно, а наша материальная часть становится все более невесомой.

Нас привели к подножию бога света – Феба Аполлона, чья энергия питает муз. Евфросина, разрыв с земной жизнью, отправляет энергию вниз; Аглая, великолепная, принимает энергию обратно; а Талия, изобилие, их объединяет.

На языке христианской теологии, грации и их три силы проявляются в мужских образах: Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух. Отец – это и Сын, и Святой Дух, а Сын, исполненный любви к миру людей, отправляется туда, чтобы разделить страдания этого

---

[174] Knud Rasmussen, *Across Arctic America* (New York and London: G. P. Putnam's Sons, 1927; University of Alaska, 1999), pp. 82–86; and H. Osterman, *The Alaskan Eskimos, as Described in the Posthumous Notes of Dr. Knud Rasmussen* . Report of the Fifth Thule Expedition 1921–24. vol. 10, no. 3 (Copenhagen: Nordisk Forlag, 1952), pp. 97–99. **Приложение**

мира, заставить нас сострадать его мучениям, чтобы наше сознание могло вобрать в себя божественную тайну, наполняющую нас всех, и тогда Святой Дух приведет нас к Отцу. Святая Троица определяется как три божества в одном божественном существе, которое становится субстанцией жизни.

В образе граций проявляется противоположный, подвижный аспект женственности, как индусская *шакти* , которая вливается в нас через поэзию муз. Энергия эта исходит от Аполлона, Повелителя Света. На изображении Гафури мы видим ноты, которыми записано то, что мы сейчас называем тетрахорд – в ля-миноре: его греческие названия: гиподорийский лад, гипофригийский лад, гиполидийский лад, дорианский лад, фригийский лад, миксолидийский лад и гипомиксолидийский.

Вот что мы знаем об Аполлоне: грации передают нам его божественное сияние с помощью вдохновения, которое нам дарят искусства, недоступное нам, пока мы не разрушили собственное эго, засунув свою голову в пасть льва.

На старт!

И вот расцвет XII–XV вв. подготовил почву для зарождения современного образа мышления с его вниманием к индивидуальности конкретной, особенной личности. За многие века такой образ мышления открыл возможность духовного странствия, сначала для мужчин, а потом и для женщин. У каждой женщины есть возможность найти свой собственный путь в жизни, осознать свою особую роль – быть не просто Женщиной, а женщиной *особенной, уникальной* личностью. В прошлом роль женщин была чисто биологической, они выполняли совершенно определенные социальные роли. Большую часть времени они были беременными и заботились о детях. На них возлагалось также множество социальных обязательств – необходимость вести хозяйство и готовить еду, шить одежду и прочие важные дела.

Больше женщины не обязаны делать все это. Они освободились как индивиды, как личности, подобно тому, как много столетий спустя мужчины стали свободными. Именно освобождение личности и позволило мужчинам занять доминирующую позицию – не их физическая сила, мышцы или что-то другое. Мужчины просто больше не связаны ролями, навязанными природой.

Я думаю о том, что как только Нора, главная героиня драмы Ибсена «*Кукольный дом* », захлопнула за собой дверь, личность каждой женщины устремилась к самовыражению и классические ее роли больше не существуют.

Я долго преподавал в женском колледже, почти сорок лет. И я говорил моим студенткам, что мои рассказы о мифологии – это описание того, что говорили или делали мужчины, а теперь женщинам приходится объяснять нам свою точку зрения на то, какие возможности могут возникнуть у женщин в будущем. И это такое будущее – как старт космического корабля, он действительно состоялся, в том нет сомнений. Преподавать в женском колледже Сары Лоуренс было для меня огромным удовольствием, и я видел в классах не какие-то обезличенные существа, у нас происходили настоящие конференции с разговорами по душам то с одной женщиной, то с другой. Это понимание их индивидуальности, которое у меня возникло, заставляет меня считать обобщенные представления о мужчинах и женщинах абсолютно бессмысленными. Есть в женщинах нечто такое, чего мир о них не знает, и мы готовы это узнать.

Повторю старые строки Гёте: «Вечная женственность, тянет нас к ней». Меня к ней тянет на протяжении тридцати восьми лет, я вижу, как она прокладывает свой собственный жизненный путь, и занимаю позицию наблюдателя, а не учителя. Я слежу за тем, как происходит вознесение Богини в рай.

Приложение

Предисловие к книге Марии Гимбутас «Язык Богини»[175]

Подобно тому как полтора столетия назад Франсуа Шампольон расшифровал надпись на Розеттском камне, благодаря чему сумел построить глоссарий иероглифов, ставший ключом к разгадке сокровищ древнеегипетской религиозной мысли начиная с 3200 лет до н. э. и вплоть до правления династии Птолемеев, – так и Мария Гимбутас, собрав коллекцию более чем 2000 символических артефактов эпохи раннего неолита в Европе с 7000 до 3500 г. до н. э., построила их классификацию и описания. Таким образом, она не только создала фундаментальный глоссарий пиктографических мотивов, ставших ключами к мифологии исторической эры, ранее не задокументированной. На основе интерпретации этих символов она сумела обозначить основные направления и темы религий и почитаемых божеств – и во вселенной Матери-Богини, создательницы всего живого, и для всех живых существ, которых люди наделяли божественной силой. Это была религия, доступная непосредственному восприятию, в отличие от того, что пишут в Книге Бытия 3:12, где Бог-Создатель говорит Адаму: «В поте лица своего будешь добывать хлеб свой, доколе не возвратишься в землю, откуда взят, ибо прах ты и в прах возвратишься». В древней мифологии, которую открыла Гимбутас, земля, породившая все живое, – вовсе не прах, она – живая, как и сама Богиня-Создательница.

В европейской историографии впервые такой женский стиль мышления, который существовал в древние времена и предшествовал более поздним формам устройства в Европе и на Ближнем Востоке, был отмечен в работе Йоганна Бахофена «*Das Mutterrecht* » (Материнское право), опубликованной в 1861 г. В ней приводились свидетельства того, что в кодексах римского права прослеживались следы влияния наследования по материнской линии. За десять лет до этой публикации, в Америке, Льюис Г. Морган опубликовал двухтомный труд «*Лига Ходеносауни, или ирокезов* », где также признавался факт существования материнского права. В ходе систематизированного обзора клановых систем в Америке и Азии автор продемонстрировал, что во всем мире существовал подобный уклад жизни древних сообществ, предшествовавший патриархальному. Признание Бахофеном, около 1871 г., связи данных из работы Моргана с его собственными ознаменовало прорыв в понимании этого явления, которое до того считалось присущим лишь культурам на территории Европы, а теперь оно приобретало планетарное значение. Необходимо признать, что Мария Гимбутас в своей книге «*Язык Богини* » выявила явления гораздо более широкого исторического значения, чем просто относившиеся лишь к Древней Европе, от Атлантики до Днепра, с 7000 до 3500 г. до н. э.

Более того, в отличие от мифологий индоевропейских племен скотоводов, которые, волна за волной, осуществляли захват территорий Древней Европы начиная с IV тысячелетия до н. э. и чьи пантеоны мужских божеств отражали социальные ценности, законы и политические цели этнических групп, в которых они возникли, – иконография Великой Богини выросла в почитании и восхвалении законов Природы. Лексикон пиктографов, созданный Гимбутас, отражал попытки древних людей понимать природу и жить в гармонии с ней, почитать ее красоту и удивляться ей. Он предвосхищает и выражает в архетипичных символах философию человеческой жизни, которая во всем противоречит манипуляторным системам верований, превалировавшим на Западе в известные нам исторические периоды развития культуры.

Мы не можем не ощущать того, как появление этой книги на рубеже веков отражает очевидную потребность, признаваемую повсеместно, глобально изменить наш стиль

---

175 [Впервые опубликовано в работе Gimbutas, *The Language of the Goddess* (New York: Harper and Row, 1989). Кэмпбелл написал это накануне ухода из жизни в 1987 г.]

мышления. Здесь речь идет о том, что в истории Земли был век гармонии и мира, когда жизнь людей протекала в согласии с жизнетворными силами природы. Он продолжался около IV тысяч лет и предшествовал эпохе, которую Джеймс Джойс метко обозначил как «кошмар» (борьбы за племенные и национальные интересы), от которого нашей планете, совершенно очевидно, пришло время пробудиться.

Исследования, посвященные Богине

Основной список литературы

Перед вами краткий список литературы по мифологии и глубинной психологии, которую мы считаем важной для изучения традиций, связанных с Богиней. Перечисленные ниже работы имеют несомненную научную ценность, все они от археологии до исследований античности, культурологии, мифологии, глубинной психологии и прав женщин связаны с изучением Богини. Некоторых из этих авторов цитировал сам Кэмпбелл, что читатель может заметить по ссылкам в этой книге, а другие могли бы попасть в личную библиотеку Кэмпбелла, если бы он прожил достаточно долго, чтобы прочесть их.

Сэфрон Росси, доктор наук

Baring, Anne, and Jules Cashford. *The Myth of the Goddess: Evolution of an Image* . London: Arkana, 1993.

Синтез археологии, истории искусства, религиоведения и глубинной психологии, великолепное фундаментальное введение в историю и мифологию, связанное с богинями.

Dexter, Miriam Robbins. *Whence the Goddesses: A Source Book* . New York: Teachers College Press, Columbia University, 1990.

В этом исследовании рассматривается история мифологий и культов, связанных с Богиней, начиная с Древней Европы и Ближнего Востока. На основе великолепно выполненных переводов мифологического материала автор проводит подробное и глубокое сравнительное и историческое исследование богинь в индоевропейских культурах.

Downing, Christine. *The Goddess: Mythological Images of the Feminine* . Bloomington, Indiana: Author’s Choice Press, 2007.

Современное глубокое феминистское размышление о роли греческих богинь в жизни автора. Эта книга содержит подробное и глубокое исследование мифологического, культурного и религиозного материала.

Gimbutas, Marija. *The Language of the Goddess* . San Francisco, California: Harper & Row, 1989.

Эта книга Гимбутас совершила переворот в археологии и культурологии, и Кэмпбелл полностью посвятил целый ряд своих лекций тому материалу, который изложен в главах ее книги, посвященных эпохам палеолита и неолита. Гимбутас назвала свою работу палеомифологией, и основным предметом ее исследования была древняя Европа эпохи неолита, культура, которая существовала до вторжения индоевропейских племен и языков на эту территорию. Эта богато иллюстрированная книга, к которой Кэмпбелл написал предисловие, представляет собой анализ символики и скульптур древней Европы эпохи неолита, в контексте исследования мифологии, связанной с Великой Богиней, и общественного устройства, построенного на принципах равенства между мужчиной и женщиной.

Harrison, Jane Ellen. *Prolegomena to the Study of Greek Religion* . Cambridge, England: The University Press, 1903; Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1991.

Эта книга сыграла важную роль в исследованиях греческой мифологической традиции, которые проводил Кэмпбелл. Гаррисон был одним из самых первых исследователей доолимпийской Греции и существовавшей тогда мифологии, и этот труд сохраняет свою актуальность для понимания как истории богинь в греческой мифологии, так и религиозной жизни Греции в глубокой древности.

Kerényi, Carl. *The Gods of the Greeks* . London: Thames and Hudson, 2002. Кэмпбелл использовал материал из этого авторитетного и значительного исследования специалиста по античности, где освещался широкий ряд вопросов из области греческой культуры, истории и мифологии. Эта книга содержит изящное переложение содержания множества греческих мифов, что позволяет использовать ее в качестве надежного первоисточника, с обилием цитат из оригиналов, которые можно использовать в дальнейших исследованиях.

Kinsley, David. *The Goddesses' Mirror* . Albany, New York: State University of New York Press, 1989.

Научное исследование культов богинь на Востоке (Индия и Восточная Азия) и на Западе (Западная Азия и Европа). Автор исследует значение богинь в контексте этих культур, анализируя присутствие их образов как в элитарных, так и в народных религиозных традициях.

Monaghan, Patricia, editor. *Goddesses in World Culture* . Santa Barbara, California: Praeger, 2010.

Это собрание сочинений в трех томах, в котором представлены труды различных авторов, содержит коллекцию очерков, посвященных более чем ста богиням различных мировых культур.

Monaghan, Patricia, editor. *Encyclopedia of Goddesses and Heroines* . Novato, California: New World Library, 2014.

Сокращенное издание предыдущего трехтомного издания.

Paris, Ginette. *Pagan Meditations* . Dallas: Spring Publications, 1989.

Основанная на исследованиях культуры античности, глубинной психологии и современных культурологических исследованиях, включая феминистские, эта книга посвящена изучению традиций и мифов, связанных с такими богинями, как Артемида, Афродита и Гестия. На основе исследования психологических архетипов автор демонстрирует, каким образом эти богини находят место в нашей душе, в рамках индивидуального или коллективного сознания.

Благодарности

Выражаем благодарность за разрешение опубликовать следующие материалы:

Archaeological Museum of Piraeus, Greece: рис. 66, 88

Archaeological Museum of Volos, Greece: рис. 16

Robin Baring after Peter Levi, *Atlas of the Greek World* : рис. 133

Brooklyn Museum, Brooklyn, NY: рис. 54

Joseph Campbell, editor, *Papers from the Eranos Yearbooks: Eranos 2. The Mysteries* : рис. 141, 142, 149

O. G. S. Crawford, *The Eye Goddess* : рис. 48; карта 4

Marija Gimbutas, *The Civilization of the Goddess* : рис. 21
Marija Gimbutas, *The Gods and Goddesses of Old Europe* : рис. 20, 23; карта 1
Marija Gimbutas, *The Kurgan Culture and the Indo-Europeanization of Europe* : карта 3
Tim Hallford: рис. 145
Iraq Museum, Baghdad: рис. 47, 52
Koszta Jéozsef Méuzeum, Szentes, Hungary: рис. 17
Sasha Kudler: рис. 36, 79, 82
M. E. L. Mallowan and Cruikshank Rose, “Excavations at Tall Arpachiyah,” *Iraq 2* : рис. 39
James Mellaart, *Çatal Hüyük* : рис. 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15
Muséee d’Acquitaine, Bourdeaux, France: рис. 6
Muséee de l’Homme, Paris, France: рис. 2
National Archaeological Museum, Bucharest, Romania: рис. 18, 22
Naples National Archaeological Museum, Italy: рис. 11
Naples National Archaeological Museum, Italy / Bridgeman Art Library: рис. 87, 100, 101
Royal Museums of Fine Arts of Belgium, Brussels: рис. 116
Städtischen Museum Engen, Germany: рис. 4
Tornyai Janos Museum, Hydemzövásárhely, Hungary: рис. 80
University of Belgrade, Serbia: рис. 19
University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, Philadelphia / Bridgeman Art Library: рис. 50
Walters Art Museum, Baltimore, MD: рис. 32, 38

Следующие материалы используются в соответствии с лицензией Creative Commons license:
Peréez Guilléen @ flickr.com: рис. 58
Ricardo Liberato (liber) @ flickr.com: рис. 57
Steve Swayne (serendigity) @ flickr.com: рис. 27
Alisa Triolo @ flickr.com: рис. 75

Материалы Джозефа Кэмпбелла и фонда Джозефа Кэмпбелла:
Рисунки 3, 5, 7, 24–26, 29–31, 34, 37, 43–46, 51, 55, 56, 65, 71, 73, 74, 77, 78, 81, 83, 84, 89, 90, 92, 93, 96, 97, 106–108, 111, 114, 115, 125, 127, 135, 137, 138, 144, 147, 148, 150, 151

Ответственный за научное исследование: Jordan Chavez.
Фонд Джозефа Кэмпбелла выражает свою признательность за неоценимую помощь волонтеров Opus Archives and Research Center (opusarchives. org).

Библиография Джозефа Кэмпбелла

Ниже приводится список основных работ Джозефа Кэмпбелла и изданных им книг. К каждому прилагается библиографическая ссылка с указанием времени первого издания и, по возможности, первой даты публикации в New World Library как части собрания сочинений Джозефа Кэмпбелла. Для получения информации об остальных изданиях, пожалуйста, обращайтесь на сайт Фонда Джозефа Кэмпбелла.

Автор

Where the Two Came to Their Father: A Navaho War Ceremonial Given by Jeff King . Bollingen Series i. With Maud Oakes and Jeff King. Richmond, VA: Old Dominion Foundation, 1943.

A Skeleton Key to Finnegans Wake . With Henry Morton Robinson. 1944. Reprint, Novato,

CA: New World Library, 2005.[*]

The Hero with a Thousand Faces . Bollingen Series xvii. 1949. Reprint, Novato, CA: New World Library, 2008.[*]

The Masks of God , 4 vols. New York: Viking Press, 1959–1968. Vol. 1, *Primitive Mythology* , 1959. Vol. 2, *Oriental Mythology* , 1962. Vol. 3, *Occidental Mythology* , 1964. Vol. 4, *Creative Mythology* , 1968.

The Flight of the Wild Gander: Explorations in the Mythological Dimension . 1969. Reprint, Novato, CA: New World Library, 2002.[*]

Myths to Live By . 1972. Ebook edition, San Anselmo, CA: Joseph Campbell Foundation, 2011. *The Mythic Image* . Bollingen Series c. Princeton: Princeton University Press, 1974.

The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as Religion . 1986. Reprint, Novato, CA: New World Library, 2002.[*]

The Historical Atlas of World Mythology : Vol. 1, *The Way of the Animal Powers* . New York: Alfred van der Marck Editions, 1983. Reprint in 2 pts. Part 1, *Mythologies of the Primitive Hunters and Gatherers* . New York: Alfred van der Marck Editions, 1988. Part 2, *Mythologies of the Great Hunt* . New York: Alfred van der Marck Editions, 1988. Vol. 2, *The Way of the Seeded Earth* , 3 pts. Part 1, *The Sacrifice* . New York: Alfred van der Marck Editions, 1988. Part 2, *Mythologies of the Primitive Planters: The Northern Americas* . New York: Harper & Row Perennial Library, 1989. Part 3, *Mythologies of the Primitive Planters: The Middle and Southern Americas* . New York: Harper & Row Perennial Library, 1989.

The Power of Myth with Bill Moyers . With Bill Moyers. Edited by Betty Sue Flowers. New York: Doubleday, 1988.

Transformations of Myth Through Time . New York: Harper & Row, 1990.

The Hero's Journey: Joseph Campbell on His Life and Work . Edited by Phil Cousineau. 1990. Reprint, Novato, CA: New World Library, 2003.[*]

Reflections on the Art of Living: A Joseph Campbell Companion . Edited by Diane K. Osbon. New York: HarperCollins, 1991.

Mythic Worlds, Modern Worlds: On the Art of James Joyce . Edited by Edmund L. Epstein. 1993. Reprint, Novato, CA: New World Library, 2003.[*]

Baksheesh & Brahman: Indian Journal 1954–1955 . Edited by Robin Larsen, Stephen Larsen, and Antony Van Couvering. 1995. Reprint, Novato, CA: New World Library, 2002.[*]

The Mythic Dimension: Selected Essays 1959–1987 . Edited by Antony Van Couvering. 1997. Reprint, Novato, CA: New World Library, 2007.[*]

Thou Art That . Edited by Eugene Kennedy. Novato, CA: New World Library, 2001.[*]

Sake & Satori: Asian Journals-Japan . Edited by David Kudler. Novato, CA: New World Library, 2002.[*]

Myths of Light . Edited by David Kudler. Novato, CA: New World Library, 2003.[*]

Mythic Imagination: Collected Short Fiction. Novato, CA: New World Library, 2012.[*]

Опубликовано в New World Library в составе Собрания сочинений Джозефа Кэмпбелла.

Издатель

Книги из посмертного издания Генриха Циммера:

Myths and Symbols in Indian Art and Civilization . Bollingen Series vi. New York: Pantheon, 1946.

The King and the Corpse . Bollingen Series xi. New York: Pantheon, 1948.

Philosophies of India . Bollingen Series xxvi. New York: Pantheon, 1951.

The Art of Indian Asia . Bollingen Series xxxix, 2 vols. New York: Pantheon, 1955.

The Portable Arabian Nights . New York: Viking Press, 1951.

Papers from the Eranos Yearbooks . Bollingen Series xxx, 6 vols. Edited with R. F. C. Hull and Olga Froebe-Kapteyn, translated by Ralph Manheim. Princeton: Princeton University Press,

1954–1969.

Myth, Dreams and Religion: Eleven Visions of Connection . New York: E. P. Dutton, 1970. *The Portable Jung* . By C. G. Jung. Translated by R. F. C. Hull. New York: Viking Press, 1971. *My Life and Lives* . By Rato Khyongla Nawang Losang. New York: E. P. Dutton, 1977.

Об авторе

Джозеф Кэмпбелл был американским писателем и преподавателем, который стал известен благодаря своему вкладу в исследования сравнительной мифологии. Он родился в Нью-Йорке в 1904 г. и увлекался мифологией с раннего детства. Ему нравилось читать книги о культуре коренных жителей Америки, он часто посещал американский Музей национальной истории в Нью-Йорке, где был очарован представленной там коллекцией тотемных столбов. Кэмпбелл получил образование в Колумбийском университете Нью-Йорка, где изучал средневековую литературу, а после получения магистерской степени отправился в Париж и Мюнхен. За границей он познакомился с искусством Пабло Пикассо и Анри Матисса, прочел романы Джеймса Джойса и Томаса Манна, труды по психологии Зигмунда Фрейда и Карла Юнга. Это навело его на мысль о том, что все мифы и эпические сказания связаны друг с другом в душе человека, что они представляют собой культурные проявления универсальной потребности людей давать объяснения социальным, космологическим и духовным реалиям.

Прожив какое-то время в Калифорнии, где он познакомился с Джоном Стейнбеком и биологом Эдом Рикеттсом, Кемпбелл стал преподавать в школе Кентербери, а позднее, в 1934 г., поступил на кафедру литературы в колледж Сары Лоуренс, где и проработал много лет. В 1940–1950-е гг. он помогал Свами Никилананде переводить Упанишады и «Завет» Шри Рамакришны. Также он принимал участие в издании работ немецкого ученого Генриха Циммера, посвященных исследованию индийского искусства, мифов и философии. В 1944 г. совместно с Генри Мортоном Робинсоном Кэмпбелл опубликовал «Отмычку к “Поминкам по Финнегану”». Первая его работа, «Тысячеликий герой», вышла в свет в 1949 г. и сразу же получила широкое признание; со временем она стала классикой литературы по мифологии. В своем исследовании «мифа о герое» Кэмпбелл утверждал, что существует единый шаблон путешествия героя, который присутствует во всех культурах в различных героических сказаниях. В этой книге он также рассказал об основных предпосылках, этапах и итогах архетипического героического странствия.

Джозеф Кэмпбелл ушел из жизни в 1987 г. Благодаря серии телевизионных передач, которые вышли на экраны в 1988 г. с участием Билла Мойерса и назывались «Власть мифа», взгляды Кэмпбелла стали известны миллионам людей.

О Фонде Джозефа Кэмпбелла

Фонд Джозефа Кэмпбелла – Joseph Campbell Foundation (JCF) – это некоммерческая организация, которая продолжает начатые Кэмпбеллом исследования в области мифологии и сравнительного религиоведения. Эта организация ставит перед собой три основные цели.

Во-первых, фонд сохраняет и популяризирует выдающееся наследие Кэмпбелла. С этой целью создаются каталоги и архивы его работ, выпускаются новые издания его трудов, осуществляется управление продажами и изданием его книг, защита авторских прав на них, и широкая общественность получает доступ к некоторым из них на сайте фонда JCF.

Во-вторых, фонд оказывает поддержку исследований в области мифологии и сравнительного религиоведения, включая организацию и/или спонсорскую поддержку разнообразных образовательных программ по мифологии, цель которых состоит в повышении общего уровня культуры в этой области, обеспечивает пожертвования архиву работ Джозефа Кэмпбелла (в основном архива и библиотеки работ Джозефа Кэмпбелла и Марии Гимбутас), а также использует ресурсы сайта Фонда Джозефа Кэмпбелла как форума

для кросскультурного диалога.

В-третьих, фонд помогает каждому человеку повысить свой образовательный уровень, принимая участие в программах, включая нашу глобальную партнерскую интернет-программу, сеть круглых столов по проблемам мифологии, которые проводятся в различных регионах, и организует периодическое издание, посвященное событиям и программам, связанным с идеями и исследованиями Джозефа Кэмпбелла.

Подробнее о Фонде Джозефа Кэмпбелла можно узнать здесь:

Joseph Campbell Foundation www.jcf.org
Post Office Box 36
San Anselmo, CA 94979-0036
Email: info@jcf.org

Перевела с английского *О. Чекчурина*